

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я
НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

ВЫПУСК 65

Л. В. Томин

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
КОНФЛИКТЫ
ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЙ АНАЛИЗ**

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 14 от 24.06.13

Санкт-Петербург
2014

ББК 66.041.331
Т56

Томин Л. В.
Т56 Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ. — СПб. : СПбГУП, 2014. — 172 с. — (Новое в гуманитарных науках ; Вып. 65).

ISBN 978-5-7621-0751-8

В монографии доцента кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов Л. В. Томина рассматривается новый тип политических организаций, влияющих на динамику современных социально-трудовых конфликтов. Теоретическая часть исследования основана на идеях французских философов-постструктуралистов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в своих работах предложивших новый метод междисциплинарного анализа конфликтов в различных сферах. Автором предпринята попытка проанализировать деятельность современных антисистемных движений, политических партий нового типа и массовых социальных процессов в странах третьего мира.

Адресовано преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов.

ББК 66.041.331

ISBN 978-5-7621-0751-8

© Томин Л. В., 2014

© СПбГУП, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Французский структурализм. История и основные представители	6
«Красный май». Кризис системы политической репрезентации	19
Ж. Делез и Ф. Гваттари. Критика структурализма	28
Социальные машины. История и современность	43
Методология микрополитического анализа	56
Философия Ж. Делеза — Ф. Гваттари и постнеклассическая наука	65
Операизм и автономия. Радикальный политический протест в Италии	78
Особенности социально-экономической динамики постфордизма	89
Бразильская Партия трудящихся. Между идеализмом и прагматизмом	100
Сапатисты. Восстание против неолиберализма	119
Альтерглобалистское движение. Теория и практика	132
Латинская Америка. Подъем социальных движений	144
Литература	155

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы во многих странах мира поднимается волна радикального политического протеста. «Арабская весна» изменила политическую карту Северной Африки, акция «Захвати Уолл-стрит» стала симптомом кризиса политической системы США, в Испании движение «Индигнадос» выразило недоверие всем партиям, долговой кризис в Греции вывел на политическую арену Коалицию радикальных левых «СИРИЗА», в Турции спонтанные акции протеста поставили под вопрос легитимность президента Р. Эрдогана и правящей партии. Отличительными чертами новой волны протеста являются недоверие к выборной системе и ориентация на акции прямого действия.

В нашем исследовании мы ставим задачу проанализировать причины нового глобального политического «пробуждения». Для этого мы обратимся к событиям последних десятилетий и рассмотрим первые попытки «новых левых» организаций трансформировать организационные принципы и привычные политические практики. Теоретическая часть исследования основана на идеях французских философов-постструктуралистов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в своих работах предложивших новый метод междисциплинарного анализа политических конфликтов. В последние годы интерес к творчеству Ж. Делеза и Ф. Гваттари в нашей стране постоянно растет, о чем свидетельствуют несколько книг, вышедших в 2013 году¹.

На основе концепций Ж. Делеза и Ф. Гваттари в данной работе предпринята попытка проанализировать экономические,

---

¹ См.: Дьяков А. В. Жиль Делез. Философия различия. СПб. : Алетейя, 2013; Он же. Феликс Гваттари. Философ трансверсальности. СПб. : Владимир Даль, 2013.

социальные и политические особенности эпохи постфордизма. Основная цель монографии — рассмотреть новые типы политических акторов, возникшие в разных странах для противостояния неолиберальной модели глобализации. Эти политические машины (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари) не похожи на традиционные партии или профсоюзы, они по-иному понимают сущность политического, их внимание сосредоточено не на институтах власти, а на низовых микрополитических процессах.

В последние десятилетия в различных странах можно наблюдать эксперименты, нацеленные на конструирование адекватных современным реалиям политических организаций. В данной работе мы рассмотрим несколько примеров: итальянское движение «Автономия», содействовавшее организации рабочих, не вписывающихся в традиционные левые и профсоюзные структуры; бразильскую Партию трудящихся, в начале 1980-х годов начавшую эксперимент по построению «открытой партии» с опорой на принципы низовой демократии; организацию сапатистов в Мексике; движение альтерглобалистов, на глобальном уровне выступившее против неолиберальной модели глобализации, и социальные движения в Латинской Америке, которые за несколько лет изменили политическую карту региона.

ФРАНЦУЗСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ. ИСТОРИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

29 октября 1945 года в Париже при большом стечении публики Жан-Поль Сартр прочел лекцию «Экзистенциализм — это гуманизм», в доступной форме изложив основные положения философии экзистенциализма. Идея человеческой свободы в лишенном смысла и безысходном мире вошла в резонанс с внутренним ощущением целого поколения. Активная позиция Сартра как «ангажированного интеллектуала», вовлеченного в обсуждение главных философских и политических вопросов, сделала его кумиром французской молодежи.

В философии Сартра человек — это проект, он выстраивает себя сам независимо от природы, социума и времени. Его поступки — не проявление внутренней неизменной сущности. Субъект у Сартра очищен от субстанции, осталась только его пустая форма. «Существование человека предшествует его сущности»¹ — вот главный постулат экзистенциального гуманизма. Бога, наделяющего мир смыслом и направляющего движение истории, нет, человек заброшен в этот мир и обречен быть свободным. «Голый человек на голой земле» остался в одиночестве. Сартр утверждает, что «...ни за собой, ни перед собой — в светлом царстве ценностей — у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что я выражаю словами: человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает»².

¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 323.

² Там же. С. 326.

Каждый человек должен нести полную ответственность за свои поступки, сартровская этика экзистенциализма не дает возможности для самооправдания посредством ссылки на внешние причины и обстоятельства. Критики философии Сартра часто обвиняли его в излишнем субъективизме. Проблематичным многие находили и сартровское понимание свободы, которая существует независимо от внешних обстоятельств (француз оставался свободным и в период нацистской оккупации). Герберт Маркузе в своем эссе¹ доказывал, что подобное понимание свободы — как неистребимой в любых обстоятельствах, трансцендентально закрепленной — продолжает линию немецкого идеализма и поэтому не дает правильного понимания, а возвращает нас назад в область идеологии.

Помимо экзистенциализма, представленного столь же яркими фигурами, как и Сартр, — Симоной де Бовуар, Альбером Камю, в послевоенной Франции получила распространение феноменология. Философом, олицетворявшим это течение, был Морис Мерло-Понти (1908–1961). Экзистенциализм и феноменология существовали и развивались в непрерывной полемике с марксизмом, которому победа движения Сопротивления с компартией во главе придала новую популярность.

Параллельно с гуманистическим экзистенциализмом и ориентированной на проблему сознания феноменологией в эти годы уже развивался совершенно другой, строго ориентированный на науку новый тип мышления. В первое послевоенное десятилетие на начальном этапе своего становления он не привлек к себе широкого внимания. Во всеуслышание его представители заявили о себе лишь в начале 1960-х годов. Получив название «структурализм», он развил полностью противоположный субъективизму экзистенциализма и феноменологии объективистский подход, ориентированный на поиск в разных сферах бессознательных структур, детерминирующих поведение человека. Новый междисциплинарный стиль мышления увлек многих ученых из самых разных наук и совершил настоящую революцию в теории.

Основным источником формирования методологии структурализма стала книга «Курс общей лингвистики» Фердинанда

¹ Маркузе Г. Критическая теория общества. М., 2011. С. 230–231.

де Соссюра (1857–1913), вышедшая уже после смерти автора, в 1916 году. Наиболее важной для будущих основоположников структурного анализа была его концепция языкового знака. Ф. де Соссюр определял его как конструкцию, состоящую из двух частей: означающего и означаемого. Означающее — «акустический образ», который можно произнести, услышать или прочитать. Означаемое — содержательная сторона знака, отсылающая к понятию об обозначаемом предмете или вещи. Никакой естественной связи между означающим и означаемым, согласно Соссюру, нет, она абсолютно произвольна.

Еще один постулат соссюровской структурной лингвистики — дифференциация речевой деятельности на язык (*langue*) и речь (*parole*). Речь — сугубо индивидуальный психофизический акт, язык — социальное явление, комплекс правил, основанный на коллективной согласии, неподвластный отдельному индивиду. «Он (язык) является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка»¹, — отмечал Ф. де Соссюр.

Среди видных фигур, заложивших основы нового междисциплинарного научного направления, можно назвать: теоретиков «формальной школы» (В. Шкловский, Ю. Тынянов), участников Пражского лингвистического кружка (Р. Jakobson, Н. Трубецкой, В. Матезиус), а также советского филолога Владимира Проппа (1895–1970), создавшего сравнительно-типологический метод анализа фольклора². Роман Jakobson (1896–1982) определял главную черту структурализма следующим образом: «Каждая совокупность явлений, изучаемых современной наукой, рассматривается не как механическая сумма частей, но как структурное единство, как система, и основоположная задача заключается в том, чтобы открыть ее внутренние законы — как в статике, так и в динамике. В центре современных научных интересов —

¹ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1980. С. 47.

² См.: Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001; Он же. Фольклор и действительность. М., 1976; Он же. Поэтика фольклора. М., 1998.

не внешний импульс, а внутренние условия эволюции, не генезис в его механистических формах, а функция»¹.

В 1940-е годы в США с этими идеями посредством Романа Якобсона знакомится антрополог Клод Леви-Стросс (1908–2009), который до этого несколько лет проживал в Бразилии, изучая индейские племена: бороро, кадиувеу, намбиквара и тупи-кавахиб. После возвращения во Францию в 1949 году он публикует книгу «Элементарные структуры родства», в которой применяет аппарат структурной лингвистики к анализу собранного в экспедиции антропологического материала. Основная мысль книги — система родства и брачные правила так называемых «примитивных» народов представляют собой особую систему обмена, структурированную по аналогичным с языком правилам. «Он (К. Леви-Стросс. — Л. Т.) стремится открыть истинные фонемы родства, то есть роднемы, позиционные единства, которые не существуют независимо от дифференциальных отношений, куда они входят и где взаимно определяются. Именно так четыре отношения “брат/сестра”, “муж/жена”, “отец/сын”, “племянник матери/сын сестры” образуют простейшую структуру»².

В последующих работах Леви-Стросс с помощью этого метода проанализирует мифологические системы и обнаружит инвариантные структуры, лежащие в их основе. В книге «Структурная антропология» (1958) Леви-Стросс перечисляет четыре условия, при которых социальные отношения, обобщенные в модели, могут стать предметом структурного анализа: «Прежде всего структура есть некая система, состоящая из таких элементов, что изменение одного из этих элементов влечет за собой изменение всех других. Во-вторых, любая модель принадлежит группе преобразований, каждое из которых соответствует модели одного и того же типа, так что множество этих преобразований образуют группу моделей. В-третьих, вышеуказанные свойства позволяют предусмотреть, каким

¹ Цит. по: *Сервио П.* Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе: 1920–1930-е гг. М., 2001. С. 315.

² *Делез Ж.* По каким критериям узнают структурализм? // Марсель Пруст и знаки / пер. с фр. Е. Г. Соколова. СПб., 1999. С. 145–146.

образом будет реагировать модель одного из составляющих ее элементов. Наконец, модель должна быть построена таким образом, чтобы ее применение охватывало все наблюдаемые явления»¹.

Структурализм ставит под сомнение сложившееся в философии, начиная с Рене Декарта, представление об автономном человеческом разуме, который является главным творцом и двигателем истории. Представители этого направления полагают, что поведение индивида в решающей степени зависит от тех символических структур, в которые он с момента рождения включен. Делез, комментируя этот тезис, делает вывод, что «места в чисто структурном пространстве первичны относительно реальных вещей и существ, которые их займут, а также относительно ролей и всегда немного воображаемых событий, которые необходимо появляются, когда места занимаются»².

Горизонт человеческого познания также ограничен, он задан на бессознательном уровне проблемным полем, сложившимся в прошлом. Ученый-структуралист напоминает археолога: он должен найти и раскопать те глубинные пласты различных структур, существовавших в истории, которые лежали в основе всех политических, социальных и культурных явлений. «Все, что человек делает или говорит, состоит из знаков, организованных в структуры, логические отношения, которые совершенно не связаны с жизненным опытом. Смысл рождается как эффект игры означающих, а не социальных субъектов. Общественные отношения, следовательно, не центрированы вокруг человеческой субъективности, они смещены к объективности структуры. В конечном счете весь комплекс взаимодействий человека в обществе является бессознательной проекцией бинарной логики структур мозга»³.

В 1967 году Делез по просьбе своего коллеги и друга Франсуа Шатле написал статью о структурализме для философской энциклопедии. В ней он попытался дать общую характеристику

¹ *Леву-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985. С. 247.

² *Делез Ж.* Указ. соч. С. 140.

³ *Poster M.* Existential Marxism in Postwar: From Sartre to Althusser. Princeton, 1975. P. 311.

структурализму как методологии и рассмотреть ее конкретное применение в различных областях.

«Любая структура представляет два следующих аспекта: систему дифференциальных отношений, по которым символические элементы взаимно определяются, и систему единичностей, соответствующую этим отношениям и очерчивающую пространство структуры. Любая структура есть множественность [multiplicite]. Вопрос о том, существует ли структура любой области, должен быть уточнен следующим образом: возможно ли в той или иной области извлечь символические элементы, дифференциальные отношения и единичные точки, которые ей при-сущи? Символические элементы воплощаются в реальные существа и объекты рассматриваемой области; дифференциальные отношения актуализируются в реальных отношениях между этими существами; единичности соотносятся с местами в структуре, распределяющими воображаемые роли или установки существ и объектов, которые их займут»¹, — пишет Ж. Делез.

Для К. Леви-Стросса было важно доказать с помощью структурализма необоснованность идеологии прогресса, мышление «примитивных народов»: их культуры представляют собой очень сложные системы с рациональной каталогизацией явлений природы и тотемическими классификациями. Первобытное мышление столь же логично, как и мышление современного человека. В 1952 году по предложению ЮНЕСКО Леви-Стросс написал статью «Раса и история», в которой, выступая против европоцентризма, подчеркивал равенство всех культур.

Важную роль в популяризации структурализма сыграл психоаналитик Жак Лакан. В послевоенные годы на своих публичных семинарах он предложил программу «возвращения к Фрейду», поскольку ближайшие ученики великого австрийца исказили изначальный смысл его открытия. Особенно этот упрек касался эго-психологии — подхода, разработанного дочерью Зигмунда Фрейда Анной. По мнению Лакана, выдвижение на первый план Эго и концентрация внимания на проблеме адаптации личности в обществе делают эго-психологию реакционной силой, своеобразной психологической полицией.

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 145.

Лакан первое время находился под сильным влиянием французского неогегельянства (А. Кожев, Ж. Ипполит), а затем феноменологии М. Мерло-Понти. В 1949 году Лакан в гостях у философа Александра Койре познакомился с К. Леви-Строссом, через некоторое время произошла его встреча с Р. Якобсоном. Под их влиянием он решает применить структурный метод к психоанализу. В статье «Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда», вышедшей в 1957 году, Лакан утверждает, что «бессознательное структурировано как язык». Именно поэтому в своих работах Фрейд большое внимание уделял оговоркам, ошибкам, совершаемым при чтении и письме. Лакан разработал собственную оригинальную модель трех регистров человеческой психики, состоящую из воображаемого, символического и реального.

Воображаемое — это комплекс, состоящий из необходимых человеку иллюзий, заблуждений, которые накапливаются перед неизбежным столкновением с миром символического. Воображаемое тесно связано с отношением ребенка и матери, именно она на этой стадии создает образ окружающего мира. Отделение от матери наносит ребенку первичную психологическую травму, разрушает наивное и непосредственное восприятие мира. Символическое — сфера социальной жизни и культуры, регулируемая системой явных и неявных норм и запретов. Индивид, входя в общество, находит их уже в готовом виде, усвоение этих правил необходимо для нормального существования в социуме. Символическое как особая область — главное свойство структурного психоанализа Лакана. Символическое структурировано порядком языка, «говорящий субъект», существующий в социуме, обменивается словами, в целом он подобен той системе родства и брачных союзов, которую обнаружил у «примитивных» народов Леви-Стросс.

Реальное — сфера, находящаяся за пределами символического, «травматичный остаток», не поддающийся символизации с помощью языка. Реальное находится за гранью опыта, но при этом оно, оставаясь всегда на своем месте, невидимым образом воздействует на символическое. Как видим, Лакан существенным образом трансформирует устоявшееся понимание бессозна-

тельного, он дебиологизирует его, ставя на первое место язык. Рассмотрим фигуру отца, занимающую важное место у Фрейда при анализе эдипова комплекса. У Фрейда в этой роли выступает реальный биологический отец, у Лакана речь идет об имени отца как о символе, отождествляющем собой закон.

«В психоанализе у нас есть уже много отцов: прежде всего реальный, но также и образы отца. И все наши драмы происходят в напряженности отношений между реальным и воображаемым. Жак Лакан открывает третьего, более фундаментального отца — символического, то есть имя-отца. Не только реальное и воображаемое, но и отношения между ними и их расстройства должны пониматься как предел процесса, в котором они конституируются, исходя из символического. У Лакана и других структуралистов символическое в качестве элемента структуры является принципом генезиса: структура воплощается в реальности и образы согласно определенным сериям, более того, воплощаясь, она их конституирует, но она не производна от них, будучи более глубокой, являясь подпочвой под любым грунтом реального и любыми небесами воображения»¹.

Для лакановского структурного психоанализа человек — не биологический индивид, а говорящий субъект, существующий в символическом пространстве, которое, в свою очередь, соткано из языка. Характеризуя в вышеупомянутой статье основной посыл лакановского структурного психоанализа, Делез отмечает: «В действительности существуют только языковые структуры, будь то эзотерический язык или даже невербальный. Структура бессознательного есть лишь в той мере, в какой бессознательное говорит и является языком. Структура тела — лишь в той мере, в какой тела полагаются говорящими, с языком, являющимся языком симптомов. Даже вещи имеют структуру, поскольку они содержат тихий дискурс, который представляет собой язык знаков»².

В структуралистском поиске «вечных», не зависящих от истории инвариантов и методологическом антипсихологизме многие увидели отражение господствующего «технократического

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 136.

² Там же. С. 134.

духа». Философ-марксист Анри Лефевр назвал структурализм «религией технократов»¹. Отношения с марксизмом — отдельный и очень важный эпизод становления и развития структурализма. Марксисты, особенно близкие к компартии, восприняли антиисторический подход нового направления как непосредственный вызов историческому материализму. Кроме того, отдельных структуралистов, например Мишеля Фуко, сначала приняли за консервативно настроенных сторонников президента Шарля де Голля.

Важной вехой в истории структурализма стали работы Луи Альтюссера (1918–1990) и его учеников. Он приобрел широкую известность после публикации книг «Читать “Капитал”» (1965) и «За Маркса» (1965). В них Альтюссер попытался с помощью применения структурного анализа четко отделить идеи К. Маркса от гегелевского объективного идеализма и философской антропологии Л. Фейербаха.

В начале 1960-х годов после публикации ранее неизвестных работ молодого Маркса, особенно «Экономическо-философских рукописей 1844 года», в кругах левых теоретиков разгорелась яростная полемика. Одни считали, что произведения раннего Маркса проливают свет на все его творчество и нужно дополнить анализ, сделанный в «Капитале», гуманистической проблематикой. Особенно это касается процесса отчуждения сущности человека в условиях капиталистической экономики. Наиболее известным сторонником такого подхода был молодой идеолог Французской коммунистической партии Роже Гароди².

Другие, явное меньшинство, среди которых был и Луи Альтюссер, отстаивали тезис: ранние сочинения Маркса — результат влияния Гегеля и Фейербаха, поэтому их нельзя отнести к марксизму. Настоящий научный метод Маркса, по мнению Альтюссера, рождается в результате «эпистемологического разрыва»³

¹ *Dosse F.* History of Structuralism: The Sign Sets 1967 — Present / trans. D. Glassman. Minneapolis, 1997. P. 101.

² См.: *Garaudy R.* Marxism in the Twentieth Century. N. Y., 1970; *Idem.* The Alternative Future. N. Y., 1974; *Idem.* Karl Marx, Evolution of His Thought. Westport, 1977.

³ «Эпистемологический разрыв» — термин Гастона Башляра. Означает резкую смену парадигмы развития и проблемного поля в науке. Согласно

с проблематикой гегельянства и фейербахианства. Маркс во время написания «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и других ранних произведений основное внимание уделял проблеме человека, его отчуждения от результатов собственного труда в условиях капитализма. В подобной гуманистической концепции именно человек — творец истории. Это не научный подход, полагает Альтюссер, а буржуазная идеология.

Эпистемологический разрыв, датируемый примерно 1845 годом, позволяет Марксу создать науку об истории, которая не центрирована вокруг человека. Основные понятия нового проблемного поля: «производительные силы», «производственные отношения», «базис» и «надстройка». Научное исследование должно исходить в своем анализе из этих объективных отношений, человек не субъект истории — его действия детерминированы экономической структурой. Для Альтюссера имеют значение не конкретные живые люди, а места в «топологическом структурном пространстве, определенном производственными отношениями»¹.

Делез, характеризуя исследования Альтюссера и его учеников, пишет: «...производственные отношения определяются в качестве дифференциальных, устанавливающих не между реальными людьми или конкретными индивидами, но между объектами и агентами, имеющими символическую ценность (предмет производства, орудие производства, рабочая сила, непосредственный работник, непосредственный неработник, взятые в отношениях собственности и присвоения). Тогда каждый способ производства характеризуется единичностями, соответствующими характеру отношений. Очевидно, что конкретные люди займут места и осуществят элементы структуры, если будут исполнять ту роль, которая предназначена им структурным местом (например, роль “капиталиста”), и будут поддержкой структурных отношений: так что “истинные субъекты — не оккупанты,

Г. Башляру, научное знание не развивается эволюционно через постепенное накопление фактов. Новые научные направления не могут вывести проблематику и центральные понятия из старых теоретических рамок. Поэтому история науки — не линейный процесс, а последовательность «эпистемологических разрывов».

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 140.

занявшие места, и не эти функционеры... но определение и распределение этих мест и этих функций". Истинный субъект — это сама структура: дифференциальное и единичное, дифференциальные отношения и единичные точки, взаимная детерминация и детерминация полная»¹.

Подобный подход Альтюссер назвал «теоретическим антигуманизмом». Кроме того, он считал необходимым показать различия в понимании истории Марксом и Гегелем. Гегелевская диалектика телеологична, в его философии общество представляет собой гомогенную тотальность. У Маркса история — это «процесс без субъекта и цели», а общество — сложно «структурированное» целое со множеством противоречий. Экономический конфликт хотя и основной, но далеко не единственный, существуют противоречия: политические, идеологические и культурные. Их связь и взаимное комплексное влияние образуют структуру с доминантой².

«Действительно, господство одного противоречия над другим для марксизма не может быть фактом случайного распределения различных противоречий в той сумме, которую берут в качестве объекта. В этом сложном целом, которое “содержит в себе целый ряд противоречий”, нельзя “обнаружить” одно противоречие, господствующее над другими, подобно тому как на трибуне стадиона можно обнаружить зрителя, на целую голову возвышающегося над остальными. Господство не есть простой и безразличный факт, оно есть факт, имеющий существенное значение для самой сложности. Именно поэтому сложность имплицитно господство в качестве существенно-го для нее: оно вписано в ее структуру. Таким образом, утверждать, что единство не есть, не может быть единством простой, изначальной и всеобщей сущности, отнюдь не значит, как полагают те, кто грезят о “монизме”, этом идеологическом понятии, чуждом марксизму, приносить единство в жертву на алтаре “плюрализма”, но значит утверждать нечто совершенно иное:

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 147–148.

² Критический анализ структуралистского марксизма Альтюссера осуществлялся разными авторами. См.: Арон Р. Воображаемые марксизмы. М., 2010.

что единство, о котором говорит марксизм, есть единство самой сложности, что модус организации и артикуляции сложности как раз и конституирует ее единство. Это значит утверждать, что сложное целое обладает единством артикулированной структуры с доминантой»¹.

Из этого Альтюссер делает вывод: революционные изменения происходят в тех странах, где на противоречие в экономическом базисе накладываются надстроечные конфликты. Октябрьская революция в России, приход к власти коммунистов в Китае, по его мнению, наглядным образом подтвердили этот тезис. Структуралистское прочтение марксизма определило теоретические поиски множества ученых и политическую практику целого поколения активистов. Под влиянием работ Альтюссера возникло новое течение, которое попыталось непосредственно совместить марксизм со структурной антропологией. Его основные представители: Морис Годелье, Эмманюэль Террей и Клод Мейяссу. Годелье в своих работах по-новому применил марксистский подход к исследованию традиционных обществ, исходя из анализа сдвигов в сложной структуре противоречий, он попытался объяснить происходившие в них изменения.

На пике популярности, структурализма в разных сферах сложилось множество его разновидностей: «генетический структурализм» Л. Гольдмана, в литературоведении работали Ж. Жетт, А. Ж. Греймас, Ц. Тодоров.

Завершая краткое изложение основных фигур и концепций структурализма, нельзя не упомянуть Мишеля Фуко (1926–1984), который в своей книге «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966) продемонстрировал продуктивность метода структурного анализа, рассмотрев развитие политэкономии, биологии и лингвистики. По его мнению, данные науки в своей истории последовательно сменили три проблемных поля (эпистемы). Эпистемы состоят из дискурсивных практик, циркулирующих в обществе в определенный период времени. Их сумма очерчивает границы проблемного поля разных наук и детерминирует бессознательным образом постановку научных проблем

¹ Альтюссер Л. За Маркса / пер. с фр. А. В. Денежкина. М., 2006. С. 287–288.

и выдвижение новых гипотез¹. Первая эпистема — ренессансная — возникла в XVI веке, вторая — классическая — утвердилась в XVII–XVIII веках и последняя — современная — существует с начала XIX века.

В сходном с «теоретическим антигуманизмом» Альтюссера смысле Фуко провозглашает концепцию «смерти человека». В знаменитом фрагменте, завершающем «Слова и вещи», он пишет: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, — это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек. Если эти диспозиции исчезнут так же, как они некогда появились, если какое-нибудь событие, возможность которого мы можем лишь предчувствовать, не зная пока ни его облика, ни того, что оно в себе таит, разрушит их, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда — можно поручиться — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»².

---

¹ Данную концепцию М. Фуко часто сравнивают с идеями, изложенными Томасом Куном в книге «Структура научных революций», вышедшей в 1962 году. Кун рассматривает историю науки не как линейный процесс накопления знаний и постепенного приближения к истине. Новые научные теории развиваются, осуществляя революционный разрыв с господствующей системой убеждений. Кун называет это «сменой парадигмы». См.: Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М., 2009.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., 1994. С. 404.

«КРАСНЫЙ МАЙ». КРИЗИС СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Май 68-го был потрясением для Жиля и для меня, как и для многих других: мы не знали друг друга, но эта книга сегодня является все же продолжением событий мая¹.

Ф. Гваттари

События мая 1968 года во Франции многими исследователями² рассматриваются как конец целой политической эпохи, начавшейся в середине XIX века. Она характеризуется главенствующей ролью партий, которые выступают важнейшими организационными структурами в политическом процессе. 1968 год явился переломным моментом и в истории левого движения, постепенно возникал новый тип политических практик, генетически не связанных с Октябрьской революцией 1917 года.

1968 год прошел под знаком студенческих волнений, прокатившихся по Франции, ФРГ, Италии, Японии, Мексике, Бельгии. Кроме того, в США уже несколько лет проходили восстания в афроамериканских гетто. Дестабилизировалась ситуация и в восточном блоке, события Пражской весны в Чехословакии и последующий ввод советских войск продемонстрировали глобальный характер кризиса. Для Делеза и Гваттари события мая

¹ Делез Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004. С. 27.

² См.: Arrighi A. S. G., Frank A. G., Wallerstein I. Transforming the Revolution: Social Movements and the World-System. N. Y., 1990; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб., 2001; Рохас К. Латинская Америка на распутье. Социальные движения и смерть современной политики. М., 2012.

1968 года явились переломным моментом: для первого это обозначало процесс политизации мышления, для второго стало доказательством кризиса традиционных левых политических организаций и их методов борьбы.

«Очевидно, что наряду со многими другими общими социальными последствиями перелом, представленный культурной революцией 1968 года, подразумевал также кризис и обновление социальных антисистемных движений старого типа, а вместе с тем и кризис старых левых партийных структур с их вертикалистской, иерархичной и догматической организацией и с их упрощенным, догматическим вульгарным марксизмом»¹, — отмечает К. Рохас.

Послевоенные годы во Франции были временем стабильного экономического роста, например в период правления Шарля де Голля ежегодный прирост ВВП составлял 5 %. Государство всеобщего благосостояния увеличивало социальные расходы, уровень безработицы был очень низким. Рабочий класс был интегрирован в институты существующей политической системы, тем самым его главенствующая роль как актора прогрессивных преобразований, постулируемая марксизмом, была поставлена под сомнение. Теоретики «новых левых» (Г. Маркузе, Г. Дебор) в своих работах выдвигали на эту роль студенчество, художников и маргинальные слои, не включенные целиком в систему.

«Новые левые» кардинально изменили традиционные представления о самом понятии «революция», методах борьбы, его субъекте, структуре и форме, необходимой для этого организации, значении идеологии. «Вместо рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии (или в дополнение к ним) на роли революционного субъекта и революционного класса предлагались: интеллигенция, студенчество, молодежь, маргинальные слои и угнетенные страны третьего мира. Вместо революционной партии (союза, ассоциации, профсоюза) — автономные группы, коммуны, массовые движения, контркультура как сообщество, партизанские отряды»², — отмечает А. Тарасов.

¹ Рохас К. Указ. соч. С. 60.

² Тарасов А. In Memoriam Anno 1968 // Скеписис. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_550.html (дата обращения: 20.10.2012).

В январе 1968 года в Нантере недовольство студентов существующими правилами работы общежитий вылилось в столкновения с полицией в университетских городках. Здесь необходимо заметить, что во Франции в период с 1962 по 1968 год общее количество студентов выросло почти в два раза. Нельзя забывать, что все это происходило на фоне протеста молодежи против войны во Вьетнаме. Первая антивоенная демонстрация прошла в мае 1966 года. Полиция ответила на выступления репрессиями, которые не остановили рост напряженности, а наоборот, дали ему дополнительный толчок. 22 марта после очередной студенческой акции протеста администрация Нантера приняла решение закрыть университет на месяц. Стабилизировать ситуацию такими мерами не удалось, наоборот, после их обнародования волна студенческого недовольства усилилась, начались волнения в других университетах, особенно накалилась обстановка в Сорбонне.

Ситуация резко обострилась в мае, первого числа в Париже состоялась стотысячная праздничная демонстрация, по улицам вместе прошли рабочие и студенты. По всей стране началась волна забастовок, в них приняли участие рабочие автозавода Берлье, металлурги, парижские водители автобусов, почтовые служащие и учителя. 6 мая полиция предприняла попытку разогнать массовую демонстрацию студентов в Латинском квартале столицы. В ходе противостояния на улицах начали возводиться баррикады. «8 мая в демонстрациях приняли участие: в Бресте — 30 тыс. человек, в Кемпере — 20 тыс., в Руане — 10 тыс., в Сан-Бриек впервые с момента освобождения прошла 10-тысячная демонстрация, в Морле на улицы вышли 12 тыс., в Анжье с Нанте — 20 тыс., в Ле-Маже — 10 тыс.»¹.

Ночью с 10 на 11 мая в Латинском квартале полиция штурмует баррикады, сооруженные на улицах университетского городка. В столкновениях с полицией участвуют несколько десятков тысяч человек, демонстранты вооружены камнями и бутылками с зажигательной смесью. 13 мая прошла всеобщая забастовка,

¹ *Шварц П.* 1968: Всеобщая забастовка и восстание студентов во Франции. URL: <http://www.wsws.org/ru/2009/jan2009/68p1-j13.shtml> (дата обращения: 10.01.2013).

к которой присоединились массовые профсоюзы во главе со Всеобщей конфедерацией труда (ВКТ), в Париже прошла демонстрация численностью 1 млн человек. При общей поддержке экономических требований рабочих Французская коммунистическая партия (ФКП) и ВКТ осудили действия леворадикальных молодежных организаций, которые были основными инициаторами акций прямого действия.

С 14 мая рабочие различных предприятий взяли под свой контроль: авиационный завод «Сюд-Авиасьон», автомобильные заводы «Рено», морские порты Марселя и Гавра. На оккупированных предприятиях были созданы рабочие советы и комитеты действия, отвечавшие за организацию стачки. Большинство таких акций проводились силами альтернативных профсоюзов и небольших молодежных организаций, крупнейший профсоюз страны — ВКТ, объединяющий 2,3 млн человек, — радикальные действия не поддержал, выдвинув на первый план экономические требования. Аналогичную позицию заняло руководство ФКП, за что подверглось яростной критике со стороны леворадикальных студенческих организаций. В это время студенты заняли Сорбонну, другие крупнейшие университеты и национальный театр «Одеон». В Сорбонне каждый день проходили заседания Генеральной ассамблеи, главной площадки, где молодежь устраивала теоретические споры и вырабатывала тактику дальнейших действий.

Президент страны Шарль де Голль не предпринял никаких активных действий, более того, в разгар акций протеста и забастовок посетил с официальным визитом Румынию. Премьер-министр Ж. Помпиду выступил по национальному телевидению и призвал граждан не поддаваться на пропаганду леворадикальных агитаторов и сохранять порядок и спокойствие. В государственных СМИ была введена цензура, направленная на информационную изоляцию протестующих. 23 мая правительство ограничило вещание иностранных радиостанций и создало серьезные препятствия для работы зарубежных журналистов.

20 мая состоялась генеральная стачка, в которой приняли участие около 10 млн работников различных отраслей. Остановили работу большинство заводов, университетов, была парали-

зована транспортная система. Участники потребовали отставки президента и правительства. Власти страны потеряли контроль над ситуацией. Повсеместно возникли альтернативные органы власти: советы рабочих, забастовочные комитеты и комитеты действия. Этот «низовой» социальный поток не контролировался ни официальными рабочими партиями, ни крупнейшими профсоюзами. Наоборот, он «омывал» их, воздействовал снизу, подталкивал рядовых активистов ФКП и ВКТ к более активным действиям. Среди множества лозунгов, написанных молодежью на стенах домов Латинского квартала, один гласил: «Структуры не выходят на улицы!» Таким образом, подвергался критике постулат о полной зависимости сознания человека от различных бессознательных структур.

Май 1968 года был «молекулярной» революцией, поэтому руководство ФКП и ВКТ не поняли ее движущих сил и динамики. Делез и Гваттари писали: «...все те, кто судили о нем в терминах макрополитики, ничего не поняли в событии, ибо что-то необъяснимое ускользнуло. Политики, партии, профсоюзы, многие левые были крайне раздосадованы — они непрерывно напоминали, что “условия” не были даны. <...> Молекулярный поток убежал, вначале крошечный, затем увеличивался, оставаясь неопределенным... Верно, однако, и обратное — ускользание и молекулярные движения были бы ничем, если бы не возвращались к молярным организациям, не перегруппировывали свои сегменты, свои бинарные распределения полов, классов, партий»¹.

«Молекулярная» революция исходит из нового понимания принципов функционирования власти. Помимо Делеза и Гваттари, на это обратил внимание М. Фуко, который в своих книгах и лекциях утверждал: власть сосредоточена не в политических институтах. Она, подобно капиллярной сети, глубоко проникает в общество, достигая каждого индивида, прикрепляя его к иерархическим институтам: педагогическим, медицинским, уголовным, производственным. Власть не имеет единого центра,

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург ; М., 2010. С. 355.

она образует особое политическое пространство, в котором существуют множественные «очаги власти».

«Под властью следует понимать прежде всего множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; игру, которая их трансформирует; опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощается в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства. Условие возможности власти не следует искать в изначальном существовании некоей центральной точки, в каком-то одном очаге суверенности, из которого расходились бы лучами производные и происходящие из него формы; таким условием является подвижная платформа отношений силы, которые индуцируют постоянно благодаря их неравенству властные состояния, всегда, однако, локальные и нестабильные»¹.

Такое объяснение механизмов функционирования власти автоматически трансформирует и тактику сопротивления. М. Фуко говорил о том, что эпоха традиционной политики подошла к концу. Ф. Гваттари в одном из интервью заявил, что штурма Зимнего дворца больше не будет, политические и социальные изменения должны включать воздействие на сеть властных механизмов, которая пронизывает все сферы. Молекулярный характер изменений отразился прежде всего во включении в активный политический процесс, помимо рабочего класса, феминисток, экологов, деятелей контркультуры.

Традиционные идеологии претендуют на универсальность, при этом не замечают, что предлагаемые ими программы не могут ответить на запросы новых социальных групп. Кроме того, важной особенностью радикальной политики 1960-х годов была

¹ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 104.

критика институтов социальной и политической репрезентации. Ее главные объекты — иерархически организованные политические структуры: партии, профсоюзы и другие институты, осуществляющие централизованный контроль разных сфер. «То, что меня интересовало, — это скорее коллективное творчество, чем репрезентация. В рамках “институтов” есть законченное движение, которое отличается одновременно и от законов, и от соглашений, договоров»¹, — заявил Делез в одном интервью.

Ф. Гваттари с 1955 года работал в экспериментальной психиатрической клинике Ля Борд, основанной Ж. Ори. Коллектив клиники пытался изменить традиционную институциональную структуру взаимоотношений «врач–пациент». Проводились многочисленные эксперименты по выстраиванию равноправной коммуникации, пациенты вовлекались в различные виды повседневных работ, связанных с деятельностью Ля Борда. Под влиянием этого опыта Гваттари уже в 1960-е годы размышлял над понятием «трансверсальность» (такой тип связи элементов системы, которая преодолевает ограничения, свойственные институциональным бюрократическим структурам). В мае 1968 года молекулярные процессы, пронизывая социальное пространство, вовлекли в общий поток даже представителей достаточно консервативных институций. Например, во время майских событий в Париж съехались музейные хранители, чтобы обсудить изменение системы управления музеями, которая, по их мнению, архаична и излишне централизованна.

24 мая президент де Голль выступил с телевизионным обращением, в котором пообещал провести референдум и существенно расширить права рабочих на предприятиях и студентов в университетах. В этот же день в уличных столкновениях погибли два человека: один из них — полицейский, другой — студент. 25 мая в здании Министерства труда было проведено правительственное совещание с участием ВКТ и Ассоциации предпринимателей. Глава ВКТ Жорж Сеги потребовал от властей пропорционального повышения зарплат рабочих и для стабилизации ситуации в будущем усиления роли профсоюзов на предприятиях. Премьер-министр Ж. Помпиду и его советник

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 214.

Э. Балладюр поддержали эти предложения. Стенограмма заседания фиксирует: «Правительство убеждено, что интеграция рабочего класса через посредство профсоюзов, обладающих необходимыми знаниями и влиянием, поможет бесконфликтно управлять предприятиями»¹.

27 мая были подписаны Гренельские соглашения, гарантировавшие индексацию зарплат на 7 % и повышение ее минимального размера до 3 франков в час. Ж. Сеги, подписавший соглашение от имени профсоюзов, отправился на автозавод «Рено» в Бийанкуре, для того чтобы убедить рабочих прекратить оккупацию и согласиться с предложениями правительства. Этого сделать не удалось, во время выступления рабочие завода его освистали, политическая ситуация в стране продолжала оставаться неопределенной.

Умеренные силы в лице ФКП и ВКТ 29 мая провели в Париже демонстрацию, в которой приняли участие более 200 тыс. человек. Основное требование — сформировать народное правительство. ФКП и ВКТ подчеркивали свое несогласие со сторонниками радикальных мер и выступили за сохранение основ Пятой республики. «Шесть месяцев спустя заявление ЦК ФКП оправдывало это поведение следующими словами: “Соотношение сил не давало рабочему классу и его союзникам возможности захватить в мае политическую власть”»².

29 мая де Голль выступил по радио с обращением к народу и объявил о роспуске парламента и проведении новых выборов 23 и 30 июня. ФКП и ВКТ заявили о своей поддержке этих решений. На следующий день на Елисейских Полях прошла массовая демонстрация пропрезидентских сил. 12 июня новый министр внутренних дел Марселлин принял декрет о запрете любых демонстраций в период предвыборной кампании. Кроме того, он издал постановление о роспуске следующих леворадикальных молодежных организаций: «Революционная коммунистическая молодежь» (“Jeunesse communiste révolutionnaire”), «Движение 22 марта» (“Le Mouvement du 22 Mars”), «Международная коммунистическая организация» (“L’Organisation communiste internationalist”) и многих других.

¹ Шварц П. Указ. соч.

² Там же.

Правительство и ВКТ направили основные усилия на сдерживание стачек и прекращение оккупации заводов. Волна протеста пошла на спад, рабочие постепенно возобновили работу. Полиция разогнала студенческую Генеральную ассамблею в Сорбонне, остальные университеты также были взяты под контроль. На выборах победили партии, поддерживавшие де Голля, они получили 46 % голосов; на втором месте — ФКП (20 %), Федерация демократических и социалистических левых набрала 16,5 %.

Несмотря на поражение, «красный май» 1968 года оставил след в истории, после этих событий правительство было вынуждено реализовать множество прогрессивных изменений. Кроме того, изменилась социальная и политическая атмосфера: «...одно из достижений 68-го: то, что люди говорят сами за себя... Чтобы врачи не имели права говорить от имени больных, а также чтобы они именно как врачи должны были высказываться о политических, юридических, промышленных, экологических проблемах — в этом и заключалась необходимость тех групп, которые желал бы создать 68-й год и которые объединили бы, к примеру, врачей, больных, санитаров»¹, — заметил Ж. Делез.

---

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 118.

Ж. ДЕЛЕЗ И Ф. ГВАТТАРИ. КРИТИКА СТРУКТУРАЛИЗМА

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспредельные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения вместе с сопутствующими им веками освященными представлениями и воззрениями разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть¹.

К. Маркс, Ф. Энгельс

«Анти-Эдип» был уже целиком книгой о политической философии².

Ж. Делез

Структурализм, по мнению Делеза, стал новым воплощением трансцендентальной философии по причине того, что места в структуре первичны по отношению к субъектам, которые их

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М., 1974. С. 28.

² *Делез Ж.* Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004. С. 215.

занимают. Структуралисты пытались обнаружить инварианты, которые выступают предварительными условиями любого познания. Неслучайно другой известный философ, Поль Рикер (1913–2005), назвал структурализм «кантианством без трансцендентального субъекта».

Критики на примере работы М. Фуко «Слова и вещи» заметили слабое место структурализма — отсутствие объяснительной модели того, как в истории происходила смена эпистем. Делез, отметив неспособность структурализма осмысливать процесс становления, также подчеркнул, что «в структурализме встает ансамбль сложных проблем, касающихся структурных “мутаций” (Фуко) или “форм перехода” от одной структуры к другой (Альтюссер). Всегда в зависимости от пустой клетки дифференциальные отношения приобретают новые значимости или вариации, а также единичности, пригодные для новых конститутивных распределений другой структуры»¹.

«Анти-Эдип» Делеза и Гваттари, увидевший свет в начале 1972 года, выстроен как машина войны, которая должна разрушить здание новой трансцендентальной философии. Авторы последовательно и методично критикуют структурализм во всех его проявлениях: в психоанализе, антропологии, лингвистике.

Основой структурализма является сформулированное Ф. де Соссюром понимание знака как единства двух элементов: означаемого и означающего. Согласно Делезу и Гваттари, подобная дуальная система, несмотря на произвольность связи двух элементов, неизбежно приводит к господству означающего. «Никогда никакой водой невозможно будет отмыть означающее от его имперского происхождения: оно — всегда господин-означающее, или “господское означающее”. Бесплезно топить означающее в имманентной системе языка, пользоваться им, чтобы отменить проблемы смысла и значения, растворить его в сосуществовании фонематических элементов, в котором означаемое оказывается не более чем суммой дифференциальных качеств этих элементов; бесполезно доводить до предела сравнение языка с обменом и деньгами, подчинять язык парадигмам актуального

¹ Делез Ж. По каким критериям узнают структурализм? // Марсель Пруст и знаки / пер. с фр. Е. Г. Соколова. СПб., 1999. С. 172.

капитализма — никогда не удастся помешать означаемому снова и снова вводить свою трансцендентальность, свидетельствовать за исчезнувшего деспота»¹.

Соссюр подчеркивал, что при всей произвольности связи двух составных частей знака язык не может выступать как коллективный договор, именно поэтому означающее всегда находится в привилегированном положении. Обратившись к рассмотрению вопроса изобретения письменности, мы видим, что одним из главных следствий этого стало появление механизма контроля над передачей и выполнением приказов. Л. Мамфорд писал о неразрывной исторической связи отчетности и письменного слова, которое с самого начала выполняло прежде всего функцию контроля, первые письменные знаки использовались для написания храмовых отчетов.

Делез в книге «Логика смысла» (1969), используя идеи стоиков, Ф. Ницше и Л. Кэролла предложил свою оригинальную теорию языка. В ней язык не выстроен как упорядоченная система, он хаотичен, любой смысл связан с нонсенсом, он чистое событие, возможное только как поверхностный эффект. В «Анти-Эдипе» Делез и Гваттари предлагают рассмотреть язык как свободные от господства означающего потоки содержания и выражения. Они используют многие идеи из глоссематики датского лингвиста Луи Ельмслева (1899–1965). Для них важно, что Ельмслев очень близко подошел к созданию имманентной теории языка, способной объединить форму и материю, содержание и выражение в общем потоке желания.

Идеальными примерами, иллюстрирующими движение языка как недифференцированного потока желания, могут служить два произведения Джеймса Джойса (1882–1941): «Улисс» и «Финнеганов помин» (“Finnegan’s Wake”). Именно из «Финнеганова помины» Делез и Гваттари заимствовали термин «хаосмос» как новый образ мира, потерявшего упорядоченность и логику. «Улисс» задумывался Джойсом как всеохватывающее произведение, в котором отразится вся человеческая культура.

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург, 2007. С. 326.

«“Улисс” предстает как бурлящий котел, в котором совершается нечто невиданное: разрушение объективных связей, освященных тысячелетней традицией. Но заметим: речь идет уже не о разрушении связей, соединяющих отдельно взятое событие с его исконным контекстом, с целью переместить это событие в новый контекст посредством лирически-субъективного видения юного художника. Здесь предмет разрушения шире — это вселенная культуры, а через нее — Вселенная tout court¹. Но операция эта производится не над вещами: она осуществляется в языке, с помощью языка и над языком (над вещами, рассматриваемыми через посредство языка)»².

Язык, которым написан «Улисс», напомнил К.-Г. Юнгу монолог шизофреника, в котором, однако, гибнет не личность, а старый образ мира как упорядоченного космоса. У. Эко отмечает, что переход от одной картины мира к другой показан во фрагменте, где один из героев романа, Стивен, гуляет по пляжу, думает об Аристотеле и как Аристотель. Мысли и формулировки выстроены строго и однозначно, но здесь Стивен обращает свой взор на море — и все меняется, сознание уподобляется недифференцированному шизофреническому потоку. Это попытка создать роман, перекликающийся с тогдашней «новой наукой»: работами А. Эйнштейна, В. Гейзенберга.

Джойс отказывается от традиционного иерархически организованного дискурса, в котором производится отбор фактов. В потоке сознания все хаотически перемешано: значительные события соседствуют с ничтожнейшими мелочами. Литературоведы назвали такой прием «потоком сознания» (“stream of consciousness”), термином, взятым из книги «Первоосновы психологии» философа и психолога Уильяма Джеймса (1842–1910).

Структурализм со свойственными ему бинарными оппозициями («прошлое–будущее», «целое–часть», «внутреннее–внешнее», «близкое–далекое») при попытке анализа подобного дискурса утрачивает уверенность в себе. В «Улиссе» Джойс разрушает и саму последовательность художественного повествования: у романа нет начала, конца и середины. К.-Г. Юнг

¹ Попросту говоря, одним словом (*фр.*).

² Эко У. Поэтики Джойса / пер. с итал. А. Коваля. СПб., 2006. С. 165.

по этому поводу писал: «...книгу Джойса можно читать и задом наперед, поскольку у нее, собственно говоря, нет ни переда, ни зада, ни верха, ни низа. <...> Вся книга напоминает червяка, у которого, если его разрезать на части, из головы вырастает хвост, а из хвоста — голова»¹.

При всей радикальности замысла Джойс все же не идет до конца и вновь пытается упорядочить открытый хаос мира, накрыв его каркасом традиционного средневекового порядка. В романе «Финнеганов помин» автор идет дальше, подталкивая язык и образ мира к пределу, в сторону хаосмоса. Это вновь «книга-мир», в которой должна отразиться вся история человечества, герой Финн — воплотить в себе Будду, Тора и Христа, его сыновья Шем и Шон — Каина и Авеля, Наполеона и Веллингтона, время и пространство. Действие романа происходит во сне Финна. Это прекрасная иллюстрация тезиса Делеза и Гваттари о том, что бессознательное грезит обо всем сразу: истории, политике, религии. «Финнеганов помин» построен в логике сновидения, в нем «самотождественность персонажей смешивается и перепутывается»², слова «будут ассоциироваться друг с другом самыми свободными и немислимыми путями»³, все течет в «беспорядочном первобытном потоке, всякая вещь является собственной противоположностью, всякая вещь может быть связана со всеми другими»⁴. Язык романа подобен разогретой, постоянно переливающейся магме, каждое слово — каламбур, на поверхности этой бурлящей магмы происходит непрерывное рождение новых смыслов.

По мнению У. Эко, «Финнеганов помин» — великое художественное произведение, особенно значимое как важный симптом нового состояния мира и сознания человека. Больше невозможно поддерживать иллюзию о существовании гармоничного и упорядоченного космоса, человек должен встретиться лицом к лицу с открывшимся хаосом.

Обратимся к критике Делезом и Гваттари психоанализа, особенно его структуралистской версии. Они поставили цель —

¹ Цит. по: Эко У. Указ. соч. С. 480.

² Там же. С. 329.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 345.

возвратить психоанализ к материализму после идеалистического поворота, у истоков которого стоял З. Фрейд. Кроме того, им было важно проанализировать ошибки и упрощения, имевшиеся во фрейд-марксизме — течении, набравшем популярность в 1960-е годы. Один из основоположников фрейд-марксизма Вильгельм Райх (1897–1957), верно обозначив многие проблемы, в итоге пришел к мистическому витализму и псевдонаучной теории органической энергии¹. Критики Делеза и Гваттари часто не обращают на это должного внимания, рассматривая их теорию как продолжение линии В. Райха².

Идеализмом в психоанализе Делез и Гваттари называют последовательную систему редукций в теории и практике, сводящей работу машинного бессознательного к логике представления. Дизъюнктивный синтез бессознательного, инвестирующий социальное поле, с помощью внешней интерпретации помещается в логику мифа об Эдипе или Гамлете. Неслучайно структурализм настолько близок к играм и театру, Леви-Стросс в попытке приблизить антропологию к точным наукам большое внимание уделяет игральным картам и теории игр. Альтюссер много внимания уделяет театру Б. Брехта, который отдает предпочтение не сути событий, а их расположению в пространстве.

«Мы не хотим утверждать, что Эдип — изобретение психоанализа. Он только отвечает на запросы реальности, люди уже приходят со своим Эдипом. Психоанализ только и делает, что возводит Эдипа в квадрат, создает проекцию Эдипа, переносит Эдипа на Эдипа, и все это происходит на диване, словно на маленьком островке грязной земли. Но семейный Эдип, Эдип аналитиков, является, в сущности, аппаратом репрессии над машиной желания и ни в коей мере — формой самого бессознательного»³.

Критика идущей от Платона логики представления была одной из главных линий в творчестве Делеза в 1960-е годы.

¹ См.: Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997; *Он же*. Функция оргазма. Основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. СПб. ; М., 1997; *Он же*. Сексуальная революция. СПб. ; М., 1997.

² См.: Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000.

³ Делез Ж. Переговоры. С. 29–30.

В работе «Различие и повтор» он утверждает, что представление — это принцип, определяющий почти всю историю философии от Платона до Гегеля. В нем все подчинено принципу тождества, скрывающему глубинную игру различия. Платон, развивая теорию идеи, пытается выстроить систему соответствия, где копии оцениваются в сравнении с идеальным образцом, не имеющие образца симулякры осуждаются. Платона в симулякре пугает «...состояние свободных океанических различий, кочевых дистрибуций, увенчанной успехом анархии — вся эта вредоносность, оспаривающая понятия образца и копии»¹.

Философия репрезентации выстроена по модели, где все существующее должно быть представлено, это разрыв, отделяющий первичный опыт от повторного обнаружения и регистрации. Так воспроизводится господство принципа тождества. Согласно Делезу, мы переживаем крушение системы представления, иллюзия тождества рассеивается, освобождается долгое время скрываемая от глаз игра различия. «Различие должно выйти из своей пещеры, перестать быть чудовищем, по крайней мере, не должно больше существовать как чудовище, как то, что избегает удачного момента, представляя собой лишь неприятную встречу, неудачный случай»².

Идеализм психоанализа построен в соответствии с логикой представления, ее разделением между производством и приобретением. Помещая желание на сторону приобретения, мы встраиваем его в логику нехватки, желание производит свой фантазматический объект, существующий только в психической реальности. Естественно этот объект имеет свое подобие в реальном мире. Таким образом, создаются два отдельных пространства: с одной стороны, внутреннее психическое, с другой — внешней реальности. Согласно Делезу и Гваттари, желание существует не в отдельной психической реальности, наоборот, оно производит реальное, соединяет различные машины и непосредственно инвестирует социальное поле.

¹ Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб., 1998. С. 320–321.

² Там же. С. 47.

Оперируя в логике представления, психоанализ не признает открытости бессознательного новым коннекциям, он настаивает на том, что «настоящим выражением желания был бы Эдип (чтобы структурировать “целое”). Как только желание устраивает что-то во взаимосвязи с внешним, со становлением, устройство разбивают, показывают, что оно отсылает, с одной стороны, к частичному механизму ребенка, с другой — ко всей структуре Эдипа»¹.

Психоанализ ограничивает продуктивную работу машинного бессознательного, запирая дизъюнктивный синтез желания в эдипов треугольник. В этом он похож на психиатрию прошлого, которая была описана М. Фуко в книге «История безумия в классическую эпоху»². Если психиатрия действовала посредством заточения и изоляции, психоанализ, существуя в более свободном обществе, работает как система перекодирования желания.

Делез и Гваттари предлагают создать шизоанализ, теоретический подход, выстроенный на совершенно новых принципах. Шизоанализ отказывается от бессмысленных интерпретаций, поскольку потоки бессознательного ничего не означают. Бессознательное, как завод, непрерывно производит потоки, которые конструируют новые машины желания и напрямую инвестируют общественные машины. Еще одной мишенью для авторов «Анти-Эдипа» стала структурная антропология; кратко изложив их аргументы, мы остановимся на схеме движения истории, которая выстроена в книге.

Всемирная история рассматривается авторами как движение, главным в котором являются кодирование и раскодирование потоков желания. Каждая из трех систем, сменявших друг друга в истории (первобытная территориальная, варварская деспотическая и цивилизованная капиталистическая машины), строится на управлении различными потоками (желания, долга, денег, рабочей силы). При этом Делез и Гваттари рассматривают всемирную историю ретроспективно, с точки зрения капитализма, ведь

¹ Делез Ж. Четыре тезиса о психоанализе // Логос. 2010. № 3 (76). С. 6.

² См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. М., 2010.

он в наиболее явной форме представляет собой систему, оперирующую раскодированными потоками.

«Я полагаю, что мы, Феликс Гваттари и я, всегда оставались марксистами, возможно, по-разному, но оба. Дело в том, что мы не верим в возможность политической философии, которая не была бы сосредоточена на анализе капитализма и его развития. То, что нас интересует больше всего у Маркса, — это анализ капитализма как имманентной системы, которая постоянно переходит свои границы и которая всегда обнаруживает эти границы расширившимися, потому что граница — это и есть сам капитал»¹, — отмечает Делез.

В условиях первобытной машины особое значение приобретает земля, социус записывает на ней коннективные и дизъюнктивные отношения своих сегментов. Первобытная машина существует до появления государства, она функционирует, управляя двумя элементами — происхождением и союзом. Дело не в том, что первобытные люди не понимают значения государства, наоборот, они всеми силами препятствуют его образованию, удерживая баланс между различными сегментами власти². Делез и Гваттари сравнивают происхождение и союзы с постоянным и оборотным капиталами. Для функционирования первобытной территориальной машины особое значение имеет долг, который выступает как единица союза, они вместе выявляют линии происхождения. Долг выступает как главный элемент записи, которая осуществляется посредством специальных мет на теле или инициации.

Происхождение, связанное с линиями родства, на этой стадии должно соотноситься с союзами, выполняющими экономическую функцию. Именно необходимость связи с экономикой открывает систему родства, поэтому она не действует согласно структурной логике как система матримониальных классов.

¹ Делез Ж. Переговоры. С. 217.

² Идея заимствована Ж. Делезом и Ф. Гваттари у антрополога Пьера Клястра (1934–1977). См.: *Clastres P. Society Against the State: Essays in Political Anthropology* / trans. R. Hurley, A. Stein. N. Y., 1989; *Idem. Archeology of Violence* / trans. J. Herman, A. Lebnner. Cambridge : Semiotext(e), 2010; *Idem. Chronicle of the Guayaki Indians*. N. Y., 1998.

Это открытие системы родства лишает первобытную машину устойчивости, она при помощи союзов должна кодировать потоки желания. Отсюда вытекает необходимость контроля над потоками обмена и производства, осуществляемого, например, посредством церемонии потлача. «Неравновесие, не будучи ни в коем случае патологическим следствием, является принципиальным и функциональным. Ни в коем случае не будучи расширением некой исходно закрытой системы, открытие идет первым шагом, основывается на гетерогенности элементов, которые составляют возмещение и компенсируют неравновесие, смещая его. Короче говоря, отделения означающей цепочки в согласии с союзными отношениями порождают прибавочные стоимости кода на уровне потоков, из которых проистекают различия линий распределения (например, высокий или низкий ранг дарителей и получателей женщин)»¹.

Первобытная машина укрепляет линию происхождения, этому служит запрет на инцест и другие ограничения. Проблема здесь не в Эдипе, которого при всем желании обнаружить в индейских или африканских племенах невозможно. В первобытных семьях нет фамиализма, отец и мать функционируют в качестве представителя какой-либо внешней общественной активности. То, что структуралисты в таких обществах именуют Эдипом, является пределом, с которым сталкивается первобытный социус в страхе перед раскодированными потоками. Боханнан описывает экономику африканского народа тив, который кодирует «три типа потоков — предметы потребления, предметы престижа и женщин. Когда появляются деньги, они могут быть закодированы только как предметы престижа, однако торговцы используют их для того, чтобы завладеть секторами предметов потребления, традиционно принадлежавшими женщинам, — все коды начинают дрожать»².

Первобытная территориальная машина в итоге разрушается, на ее месте выстраивается варварская деспотическая машина. Ее основные элементы — новый союз и прямое происхождение. Образовавшееся государство становится собственником земель

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 237.

² Там же. С. 278.

небольших первобытных племен, выстраивается пирамидальная система новой легитимности с деспотом на вершине. Такая модель дополнительно укрепляется монотеизмом, напрямую от бога дарующим легитимность деспоту.

Здесь необходимо кратко остановиться на теории возникновения государства, изложенной в «Анти-Эдипе». Делез и Гваттари полагают, что государство возникло не в результате долгого процесса формирования, а сразу. Этим можно объяснить трудности, проявившиеся в исследованиях марксистов: они не могли определить, к какой категории отнести государство. Авторы «Анти-Эдипа» выдвигают гипотезу, согласно которой вначале существовал *Urstaat*¹, и через эту призму нужно рассматривать все последующие трансформации от Античности к феодализму и далее. *Urstaat* в идеале стремится замкнуть на себя все потоки, невозможность осуществить это подталкивает его к серии трансформаций, в рамках которых выстраиваются новые модели удержания под контролем раскодированных потоков.

Варварская деспотическая машина придает особое значение письменности, теперь социус ведет запись на пергаменте или монетах. На роли, которую играет изобретение письменности, мы подробно остановимся в дальнейшем, анализируя работы Л. Мамфорда.

Вернемся к анализу варварской деспотической машины. Государство, поглотившее все элементы: землю, линии происхождения, производство и обмен — включает все перечисленное в свою систему кодирования. Один из главных элементов такого кодирования — торговля и роль денег, отсюда возникает государственная монополия. Варварская деспотическая машина, испытывая страх раскодирования потоков, сознательно тормозит развитие торговли. «Этьен Балаз спрашивает: “Почему капитализм не родился в Китае в XIII веке, когда для него, как кажется, имелись все научные и технические условия?” — Ответ заключается в государстве, которое закрывало копи, как только запасы металла оценивались как достаточные, которое также сохраняло монополию на торговлю и жесткий контроль над ней (торговец как функционер)»².

¹ Прагосударство (нем.).

² Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 311.

Этот вопрос очень интересовал К. Маркса и его последователей, на нем была сконцентрирована дискуссия об азиатском способе производства¹. Делез и Гваттари обратили особое внимание на теорию гидравлического государства Карла Августа Виттфогеля (1886–1988), который полагал, что своим происхождением восточный деспотизм обязан системе социальных структур и технологий, применявшихся для ведения ирригационного земледелия. Виттфогель более концентрировался на технологиях, Делез и Гваттари на первый план выдвигали политические особенности варварской деспотической машины.

Соглашаясь с выводами историка Фернана Броделя (1902–1985), Делез и Гваттари отмечают: «...почему Европа, почему не Китай? Рассуждая о дальнем плавании, Бродель спрашивает: почему не китайские или японские корабли или хотя бы мусульманские? Почему не Синдбад-мореход? Дело не в том, что есть дефицит техники, недостаток именно технической машины. Быть может, скорее само желание остается в тенетах деспотического государства, будучи полностью инвестированным в машину деспота?»² Именно в этом кроется причина того, что в Европе впервые были осуществлены трансформации, открывшие дорогу капитализму.

Возникновение абсолютизма в Европе непосредственно связано с подъемом торговли, он был необходим знати для укрепления собственной власти в противовес нарождающейся буржуазии. Английский историк Перри Андерсон, анализируя становление абсолютизма, отмечает, что в XV–XVI веках возрождение римского права с концепцией законной собственности способствовало быстрому увеличению товарообмена и росту влияния торговой и мануфактурной буржуазии. Аристократия ответила на этот вызов усилением и централизацией государственного аппарата³.

¹ См.: *Wittfogel K. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957*; *Годелье М. Азиатский способ производства: стигмулирующий концепт с ограниченным аналитическим значением // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 1; Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М. С. Годеса. М., 2009.*

² *Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 353.*

³ См.: *Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М., 2010. С. 26–27.*

Несмотря на это, абсолютистские государства не смогли удержать новые раскодированные потоки (деньги, рабочая сила, средства производства). Богатство с помощью денежной абстракции превратилось в капитал, крестьяне, освободившиеся от феодальной зависимости, стали потоком рабочей силы. Бродель, подробно проанализировав европейскую экономику XIV–XV веков, продемонстрировал, как некоторое время сосуществовали феодальные институты с элементами нарождающегося капитализма (крупные банки, оптовые торговцы). К. Маркс подробно описал процесс соединения, с одной стороны, капитала, а с другой — свободного работника, их «встреча» и способствовала созданию капитализма. Так возникла цивилизованная капиталистическая машина.

Теперь не государство, а капитал становится главным оператором кодировки различных потоков. Капитализм — система, функционирующая на максимально раскодированных потоках. Сегодняшняя роль финансового сектора, связанный с ним рост спекуляций — наиболее яркий тому пример. Неслучайно Маркс писал о невероятной революционизирующей роли капитала, замечая, что настоящим пределом капиталистического производства является сам капитал¹. Но и капитализм не способен выдержать полное раскодирование потоков, поэтому он создает новые, искусственные инструменты контроля.

Ф. Гваттари по этому поводу заметил: «...рост капиталистических отношений соединял в себе две фундаментальные составляющие. Одна из них — это разрушение социальных территорий, коллективных идентичностей, традиционных систем ценностей. Я называю этот процесс детерриторизацией. Другая составляющая — воссоздание, даже с помощью наиболее искусственных средств, индивидуально-личностных структур, схем власти и моделей подчинения, если и не сходных по форме с теми, что были разрушены, то как минимум похожих с функциональной точки зрения. Эту последнюю составляющую я называю ретерриторизацией»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1988. Т. 9, ч. 1. С. 242.

² Guattari F. *Soft Subversions* / ed. S. Lotringer ; trans. D. L. Sweet, C. Wiener. N. Y., 1996. P. 292.

При всей революционизирующей роли капитала, который детерриторирует деньги, рабочую силу, технологии, науку, капитализм как система создает новые и перекодирует старые «территориальности» (национальное государство, религия, мораль). Фашизм был самой страшной ретерриторизацией, когда в условиях кризиса капиталистической системы была воскрешена система варварства, которая, как многие полагали, осталась в далеком прошлом. В этом состоит одно из объективных противоречий процесса глобализации, в рамках которой национальное государство со своим неизменным атрибутом — границей, несмотря на все прогнозы, продолжает играть важную роль¹. В сфере морали и психического здоровья такую функцию со временем стал выполнять психоанализ, замыкая потоки желания в эдипов «треугольник».

В глобальном масштабе капитализм — машина производства — направляет детерриторизацию из центра на периферию, перемалывая зависимые страны, включая в свои цепочки необходимые элементы (природные ресурсы). На периферии, в колониях и зависимых от капитала странах, часть потоков постоянно ускользает от кодирования, поэтому неслучайно, что социалистические революции в XX веке свершились в Российской империи, Китае, Вьетнаме и на Кубе. Капиталистическая машина, добавив новую аксиоматику внутри центра, смогла на глобальном уровне справиться с этими вызовами. Социалистические страны, изолированные и погруженные в логику капитала, постепенно сдвигались в сторону госкапитализма.

Подводя итог своему изложению всемирной истории, Делез и Гваттари пишут о двух полюсах, между которыми колеблются современные общества. Они, «рожденные из раскодирования и детерриторизации, стоящие на развалинах деспотической машины, заключены между *Urstaat*, которое они, конечно, хотели

¹ См.: *Валлерстайн И.* После либерализма / пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, Л. В. Феденко ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М., 2003; *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / под общ. ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого. М., 2003.

бы восстановить в качестве перекодирующего и ретерриторирующего единства, и развязанными потоками, которые увлекают их по направлению к абсолютному порогу. Они снова и снова вводят новые коды, при помощи мировой диктатуры, локальных диктаторов или всемогущей полиции, и в то же время раскодируют или дают раскодироваться текучим количествам своих капиталов и своих населений»¹.

---

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 409.

СОЦИАЛЬНЫЕ МАШИНЫ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Мы, — а я смею думать, что говорю здесь от имени многих, — лишь в расшифровании распоряжений верховного руководства понемногу смогли распознать свои собственные возможности и понять, что без руководства этого ни школярских познаний наших, ни просто человеческого разума не хватит для выполнения тех мелких работ, которые надлежало нам совершить внутри огромного целого¹.

Ф. Кафка

Больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат².

Ж. Делез, Ф. Гваттари

В теоретическом арсенале Делеза и Гваттари «машина» — пожалуй, один из ключевых концептов, без анализа различных аспектов использования которого осмыслить всю радикальную новизну их идей просто невозможно. Разрыв Гваттари с лакановским психоанализом очевидным образом проявляется в статье

¹ Цит. по.: Бенъямин В. Франц Кафка / пер. М. Рудницкого. М., 2013. С. 24.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург, 2007. С. 14.

«Машина и структура»¹, написанной в 1969 году. В этой работе Гваттари впервые ссылается на Делеза, его заинтересовали в «Логике смысла» философия события и идея появления различия через повтор. В ней он увидел инструментарий, подходящий для радикально критического анализа структурализма с его идеей антиисторизма. Кроме того, Гваттари с воодушевлением поддерживает критику Делезом бинарной логики и философии репрезентации, нашедшей наиболее полное воплощение в системе Гегеля.

Хотя в названии статьи «Машина и структура» и самом тексте содержится, вероятно, последняя попытка совместить новые наработки с элементами лакановской ортодоксии, углубление, отделяющее построения ученика и учителя, начинает стремительно расти. По мнению Эрика Аллие, более подходящим по смыслу и настроению статьи был бы заголовок «Машина против структуры». Статья, помимо теоретических вопросов, выражает и политическую позицию Гваттари, в ней слышатся отзвуки лозунгов, звучавших на баррикадах во время майских волнений 1968 года.

Для Делеза знакомство с новым концептом во время первых встреч с Гваттари явилось переломным событием, в котором соединилось множество потоков, образовалась и моментально заработала новая машинная сборка из двух элементов: «орхидеи и осы»². В предисловии к итальянскому изданию «Логике смысла» Делез, вспоминая этот момент, напишет: «К счастью, я почти не способен говорить от своего имени, поскольку произошедшее со мной после выхода “Логике смысла” во многом зависит от встречи с Феликсом, моей работы с ним, от того, что мы делаем вместе»³.

В разные исторические периоды конкретный смысл и области применения термина «машина» менялись. Перед тем как об-

¹ См.: *Guattari F. Molecular Revolution: Psychiatry and Politics* / trans. R. Sheed. Harmondsworth : Penguin, 1984.

² Образ, часто используемый Делезом и Гваттари для описания их совместной работы. См.: *Guattari F. The Anti-Oedipus Papers* / trans. K. Gotman. N. Y., 2006. P. 21.

³ *Deleuze G. Two Regimes of Madness: Texts and Interviews 1975–1995* / trans. A. Hodges, M. Taormina ; ed. D. Lapoujade. N. Y., 2006. P. 65.

ратиться к его использованию в работах Делеза и Гваттари, необходимо сделать небольшой экскурс и проследить генеалогию данного термина в трудах мыслителей прошлого. Сегодня в нашем сознании слово «машина» ассоциируется с чем-то исключительно техническим и механистическим. При первом ознакомлении с «Анти-Эдипом» или «Тысячей плато» употребление в тексте словосочетаний «желающие машины», «машинное бессознательное», «машина войны», «абстрактная машина» и «машинный филум» кажется всего лишь метафорой.

Римский архитектор и военный инженер Марк Витрувий называл машиной такое соединение материальных объектов, которое позволяет передвигать тяжести. В Средние века и Новое время значение термина начинает постепенно сужаться, к XVII веку машина ассоциируется только со сферой техники и теорией механицизма.

Рене Декарт (1596–1650) полагал, что человеческое тело работает как механическая система, организмы людей и животных рассматривались им как разновидность механизмов. Его идеи развил французский врач Жюльен Ламетри (1709–1751), который уподоблял человеческое тело самозаводящемуся часовому механизму. В труде «Немецкая метафизика» знаменитого философа, юриста и математика Христиана Вольфа (1679–1754) «и микрокосм тела, и макрокосм всего мира толкуется как машина, и обе машины состоят из меньших машин»¹. Такой метод познания, рассматривающий весь мир как механизм, был широко распространен в XVI–XVIII веках.

В XX веке активно обсуждалась проблема влияния техносферы на развитие цивилизации. Наивная вера в благотворность научно-технического прогресса, характерная для XIX столетия, сменилась скепсисом, а иногда и катастрофизмом. Среди множества подходов к данной теме для нас особенно важна концепция американского философа и архитектора-проектировщика Льюиса Мамфорда (1895–1990), изложенная им в работе «Миф машины. Техника и развитие человечества» (1967). Мамфорд описывает машину как систему связей между гетерогенными элементами, в которую включены люди, техника, религия и ландшафт.

¹ Рауниг Г. Абстрактные машины // Логос. 2010. № 1 (74). С. 207.

Он следующим образом описывает появление первичной машины в Египте во времена строительства пирамид: «Это необычное изобретение, по сути, оказалось самой ранней моделью для всех позднейших сложных машин, хотя постепенно акцент смещался с человеческих рабочих звеньев на более надежные механические элементы. Уникальной задачей царской власти стало стремление набрать нужное количество живой рабочей силы и распорядиться ею для выполнения таких масштабных работ, какие никогда раньше не предпринимались. В результате этого изобретения пять тысяч лет назад были проведены огромные инженерные работы, способные поспорить с лучшими сегодняшними достижениями в сфере массового производства, стандартизации и детального проектирования»¹.

Эта машина появлялась везде, где существовала царская власть, будь то Месопотамия, Индия, Китай, Юкатан или Перу. До утверждения власти царей сила и навыки людей находились в рамках местных общин, и только новый тип управления, опиравшийся на высшую религиозную санкцию, вкуче с грандиозными проектами породили машину.

«Ее изобретение явилось высшим достижением ранней цивилизации — техническим подвигом, который послужил моделью для всех позднейших форм механической организации. На протяжении почти пяти тысяч лет эта модель передавалась (причем иногда все ее части сохранялись в хорошем рабочем состоянии, а иногда в видоизмененной форме) исключительно благодаря человеческим средствам, прежде чем она была переработана в некую материальную структуру, наиболее всего отвечающую ее особенностям, и превратилась во всеобъемлющий свод установлений, охватывающий все стороны жизни»², — пишет Мамфорд.

Машина — сложное, состоящее из различных частей единство, которое, как невидимая диаграмма, расчерчивает пространство, соединяет элементы и заставляет их действовать согласованно. Все сферы состоят из машин, Мамфорд выделяет

¹ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001. С. 249.

² Там же. С. 250.

«рабочую машину», «военную машину», которые, управляя разными сегментами (политическими, хозяйственными, бюрократическими), включены в единую систему, названную им «мега-машиной». Историю человечества, согласно Мамфорду, можно рассмотреть совершенно по-новому, если анализировать распространение машины как общего организационного принципа. Такой конструктивистский подход позволяет проследить весь исторический ряд сменяющих друг друга машин. Первые машины царской власти, соединенные религиозными предписаниями, разрушались в случае роста недоверия или военных поражений. Из их обломков затем выстраивались новые феодальные или городские машины. Мамфорд отмечал, что машины при всей своей властной мощи постоянно функционируют на грани разрушения, управляя множеством элементов, они принципиально нестабильны.

Важнейшим элементом, дополнившим конструкцию машины, стала письменность. Ее изобретение позволило точно передавать царские приказы на расстоянии, благодаря этому окончательно был выстроен единый организационный центр. Мамфорд считал роль машин в истории двойственной: они неразрывно соединяют в себе как функцию прогресса и освобождения, так и невероятный импульс подчинения и порабощения. Например, функция рабочей машины состоит в том, чтобы дисциплинировать тело рабочего для выполнения той или иной задачи¹. «Рабочая машина» распределяет индивидов в пространстве, детализирует процесс производства, тренируя необходимые действия и жесты работника. Кроме того, она осуществляет и максимальную капитализацию рабочего времени.

О том, как этот процесс перемалывал людей, превращая массу вчерашних крестьян в фабричных рабочих, К. Маркс писал: «...воспитание дисциплины, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их беспорядочных привычек в работе и помочь им слиться с неизменной регулярностью

¹ Становление практик «дисциплины тела» в Новое время рассматривалось М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать» (1975). См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М., 1999.

движения большой автоматически действующей машины. Изобрести и провести на практике кодекс фабричной дисциплины, приуроченный к потребностям и скорости машинной системы, — это дело, достойное Геркулеса, было благородным делом Аркрайта»¹. В начале XX века фабричные рабочие были включены в машину тейлоризма — научного способа организации труда с четким разделением функций и строго прописанным набором осуществляемых движений и операций. В такой модели значительно повысилась продуктивность производства, при этом рабочие «абсолютно утратили контроль над своими действиями как индивиды»².

Социолог Габриель Тард (1843–1904) исследовал новый феномен, сложившийся в конце XIX века, — общественное мнение. Он представляет совершенно иной способ соединения людей, отличный от толпы, существовавшей в прошлом. Широкое распространение прессы позволило соединить и унифицировать разрозненные мини-дискурсы и сконструировать новый тип социальной связи — «общественность», или «группы на расстоянии». Эта машина функционирует посредством сборки «человек–газета», фигура журналиста выходит на первый план. По мнению Тарда, общественность становится машиной идеологической войны, которая за счет высокой степени координации коммуникативных процессов политизирует важные для себя события и способна навязать свою волю правительству. Фигура Тарда, предшественника микросоциологии, долгое время была заслонена Дюркгеймом и другими исследователями, уделявшими основное внимание молярным структурам. Тард, наоборот, занимался изучением молекулярных процессов, он, подобно сейсмографу, фиксировал малейшие колебания глубин социального.

У Делеза и Гваттари мир целиком состоит из машин, которые непрерывно работают, соединяются и «срезают» потоки. Они полагают, что «настоящее различие проходит не между маши-

¹ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. 2-е изд. М., 2010. С. 112–113.

² Landa M. de. Economics, Computers and the War Machine. URL: <http://www.t0.or.at/delanda/netwar.htm> (дата обращения: 16.02.2013).

ной и живым, витализмом и механицизмом, а между двумя состояниями машин, которые также оказываются двумя состояниями живого. Машина, заключенная в свое структурное единство, живое, заключенное в свое специфическое и даже персональное единство, являются массовыми феноменами или молярными системами; именно в этом качестве они и отсылают друг к другу. И даже если они различаются и противопоставляются, то лишь в качестве двух смыслов одного и того же статистического направления. Но в другом, более глубоком или внутреннем направлении множественностей существуют взаимопроникновение, прямая коммуникация между молекулярными феноменами и сингулярностями живого, то есть между малыми формациями, роящимися в любом организме, — область неразличимости микрофизического и биологического, из-за которой живого в машине не меньше, чем машинного в живом»¹.

Рассмотрим, что представляет собой идея машинной субъективности и машинного бессознательного. Здесь Делез и Гваттари обязаны Жильберу Симондону (1924–1989), который в своих работах описывал субъективность как доиндивидуальное поле, в рамках которого, помимо индивидуализированного «я», находятся другие элементы. Они не просто мирно сосуществуют, между ними идет борьба, которая постоянно ставит под сомнение индивидуацию.

Индивидуация — это сложный и противоречивый перманентный процесс, элементы доиндивидуального поля связаны с индивидуализированным «я». Поэтому субъект определяется не только кристаллизированным «я», но и доиндивидуальным полем, которое является своеобразным виртуальным запасом новых становлений. Процесс индивидуации не ограничен рамками человека, он непосредственно связан с включенностью в социальные отношения, здесь не существует четкого разделения внешнего и внутреннего. При изменении социального контекста возникшие в предыдущей индивидуации метастабильные психические структуры претерпевают новую трансформацию.

Существование в коллективе «не является сферой, в которой растворяются отличительные черты отдельного индивидуума,

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 450.

но, наоборот, становится почвой для новой, более радикальной индивидуации. Участвуя в коллективной жизни, субъект, далекий от отказа от своих наиболее характерных черт, получает возможность хотя бы частично индивидуализировать доиндивидуальную реальность, которую он всегда несет в самом себе. Симондон считает, что в коллективе мы пытаемся заострить и расширить собственную единичность, сингулярность. Только в коллективе, а не в изолированном субъекте восприятие, язык, производительные силы могут суммироваться в качестве индивидуализированного опыта»¹.

Отчуждение человека от машин, согласно Симондону, невозможно преодолеть с помощью изменения формы собственности. Он предлагал выстраивать трансиндивидуальные коллективы, соединяющие в себе техносферу и социум. Делез и Гваттари в свою очередь писали о машинности как имманентном свойстве человека, который «составляет машину, как только это качество рекуррентно сообщается системе, частью которой он является в строго определенных условиях. Система “человек–лошадь–лук” образует военную кочевую машину в условиях степи. Люди образуют машину труда в бюрократических условиях больших империй. Греческий пехотинец составляет машину со своим оружием в условиях фаланги»².

При всей кажущейся фантастичности данного проекта сегодня мы уже можем наблюдать симптомы, свидетельствующие о том, что граница, отделяющая человеческое от машинного, начинает исчезать³. Феномен виртуальной реальности — новейшие гаджеты, без которых современный человек не представля-

¹ *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013. С. 94–95.

² *Делез Ж., Гваттари Ф.* Указ. соч. С. 607–608.

³ См.: *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. М., 2004; *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитонова. Екатеринбург, 2008; *Stiegler B.* Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus / trans. R. Beardsworth, G. Collins. Stanford, 1998; *Hayles K.* How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis. Chicago, 2012; *Combes M.* Gilbert Simondon and the Philosophy of the Transindividual / trans. T. LaMarre. Cambridge, 2012.

ет своего существования. Можно привести примеры непосредственного соединения человека и машины. Ученые из лаборатории искусственного интеллекта Миланского политехнического института изобрели инвалидное кресло, которое управляется мыслью человека (с помощью специального устройства с электродами). Для того чтобы поехать, человеку необходимо всего лишь сконцентрировать внимание на мониторе, где обозначено место назначения.

В отличие от бессознательного, которое в структурализме рассматривалось как замкнутая структура, важнейшая черта машинного бессознательного, описанного Делезом и Гваттари, — его открытость к внешним соединениям. Традиционно бессознательное было очерчено рамками семьи как некоторой основной структуры, желание ограничивалось треугольником («мама–папа–я»), отсюда проблема эдипова комплекса и т. д. Даже радикальное революционное течение антипсихиатрии во главе с Р. Лэйнгом (1927–1989) и Д. Купером (1931–1986) не смогло преодолеть фамиализма¹, считая, что истоки всех проблем нужно искать в семье. Семейные отношения проецируются во все без исключения сферы и становятся универсальной структурой для объяснения проблем: личных отношений, политики, искусства и религии.

Фрейд на первом этапе открыл поток машинного бессознательного, которое ничего не представляет, а просто производит, непрерывно воссоздавая поле социального. Затем, согласно Делезу и Гваттари, в психоанализе произошел идеалистический поворот — возник эдипов комплекс, бессознательное теперь представлено как античный театр. Желание оказалось заперто в эдиповом «треугольнике», трагедии с одними и теми же действующими лицами. У Джойса в «Улиссе», когда упорядоченный космос оказался разрушен после открытия хаотичности мира, возврат к старому средневековому порядку осуществляется пародийным внедрением тринитарного принципа. Снова на сцене отец (Блум), сын (Стивен) и структурно необходимое

¹ См.: Анализ Ф. Гваттари истории Мэри Барнс, проходившей лечение у антипсихиатров в Кингсли Холл. См.: *Guattari F. Chaosophy* / ed. S. Lotringer. N. Y., 1995. P. 129–140.

третье лицо (Молли). Именно тринитарная схема ограничивает хаотичный поток событий и изменчивого опыта, бурлящий в романе.

Психоанализ пытается поместить желания в систему представлений, с помощью интерпретации упорядочить их дизъюнктивные синтезы. «Желание — это система не-значащих знаков, отталкиваясь от которых производятся бессознательные потоки в историко-социальном поле. Не бывает такого рождения желания (где бы оно ни случилось, в маленькой семье или в средней школе), которое не сотрясло бы аппарат и не поставило бы под вопрос социальное поле. Желание революционно, потому что оно всегда хочет еще больше связей»¹, — отмечает Делез.

Машинное бессознательное, ничего не представляя, демонстрирует конструктивистский характер желания, субъективность децентрирована — существуют лишь различные машины (частичные объекты²), образующие все новые сборки. Поэтому «каждая машина-орган интерпретирует весь мир согласно своему собственному потоку, согласно энергии, которая истекает из нее: глаз интерпретирует в терминах видения — говорение, слушание, испражнение, целование <...> Но всегда устанавливается связь с другой машиной через трансверсаль, в которой первая срезает поток другой или “видит”, как ее поток срезается другой машиной»³.

Феномен работающего машинного бессознательного можно проиллюстрировать на примере уже упомянутого ранее романа Д. Джойса «Улисс». Во время прогулки Блума по улицам Дублина Джойс выстраивает дискурс таким образом, что исчезает грань, отделяющая внешнее и внутреннее, мысли и события не принадлежат индивидуальному сознанию героя, они, как потоки, разливаются равномерно по всему пространству.

Политика, искусство и экономика — везде есть машины, они пронизывают все, проникают на молекулярный, доиндивидуальный уровень, подчиняют себе аффекты и перцепции. Это более

¹ Делез Ж. Четыре тезиса о психоанализе // Логос. 2010. № 3 (76). С. 6–7.

² Теория частичных объектов принадлежит психоаналитику М. Кляйн.

³ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 19.

сложный и неуловимый процесс, чем социальное подчинение, действующее на молярном уровне. Примером может служить телевидение, остающееся для многих главным каналом получения информации. Телевидение, транслируя господствующие смыслы, работает как машина субъективации, ее элементы перекодируют, исходя из собственной логики, события, высказывания и визуальные образы. М. Лаззарато полагает, что «мы уже больше не пользователи телевидения, “субъекты”, которые относятся к нему как внешнему объекту. В случае машинного порабощения мы подсоединены к телевидению, функционируя в качестве шестеренок телевизионного механизма как элементы его входа/выхода (input/output), как его простые передаточные звенья, содействующие и/или блокирующие сообщение информации, коммуникацию и знаки»¹.

Несмотря на всеохватность машинного порабощения, возможность сопротивления существует. В одной из своих книг² Гваттари выдвинул концепцию трансверсальной «эстетической парадигмы». По его мнению, путем эксперимента нужно конструировать новые политические, эстетические машины, функционирующие за пределами господствующей капиталистической логики серийности. Это становится возможным, поскольку в ней, помимо аппарата машинного подчинения, существуют различные линии бегства, как эмансипаторные, так и разрушительные. «С точки зрения микрополитики общество определяется своими молекулярными линиями ускользания. Всегда что-то течет или ускользает, избегает бинарных организаций, аппаратов резонанса, машин сверхкодирования: то, что мы отдаем на откуп “эволюции нравов”, — это молодежь, женщины, сумасшедшие и т. д.»³.

¹ *Лаззарато М.* Машина / пер. с англ. А. Скидана ; под ред. А. Пензина. URL: <http://eipcr.net/transversal/1106/lazzarato/ru> (дата обращения: 16.01.2013).

² *Guattari F.* Chaosmosis: An Ethico-Aesthetic Paradigm / trans. P. Bains, J. Pefanis. Bloomington ; Indianapolis, 1995.

³ *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург ; М., 2010. С. 354–355.

Рассмотрим это на примере истории контркультуры в Соединенных Штатах Америки. В 1950-е годы, в период консервативного президентства Дуайта Эйзенхауэра, возникла прослойка молодежи — битники, отвергающая традиционные американские ценности. Наиболее известные представители бит-поколения: писатели Д. Керуак, У. Берроуз и поэты А. Гинзберг, Л. Ферлингетти. Битники не принимали культуру обывателей с семьей, домом и постоянной работой, они вели номадический образ жизни, экспериментировали с наркотиками. Их привлекали французский сюрреализм, писатели-модернисты (Л.-Ф. Селин, Г. Миллер, Ж. Жене) и необычный религиозный опыт, который они находили в буддизме и даосизме.

Во второй половине 1960-х на смену битникам пришли хиппи. Они во многом продолжали их линию, практиковали жизнь в коммунах и свободную любовь. Эпицентром движения стал район Сан-Франциско Хейт-Эшбери, в который со всей страны съезжались молодые музыканты, художники и поэты. Хиппи отметились и на политической арене, участвуя в широкой общественной кампании против войны во Вьетнаме. Если взглянуть в недавнее прошлое — 1990-е годы, то обнаружим подъем киберкультуры¹, появившейся под влиянием новейших компьютерных технологий. Молодежь изобретала новые формы номадизма, погружаясь в виртуальную реальность. Киберкультура нашла свое выражение в электронной музыке, компьютерном боди-арте и, что особенно важно для нашей темы, дискуссиях о робокультуре и киборгизации.

Контркультура имела двойственный, противоречивый характер, сочетавший как созидательный, так и разрушительный элементы. «Мы можем определить типы линий, но мы не можем сделать из этого вывод, что такая-то линия хорошая, а такая-то плохая. Нельзя сказать, что линии бегства обязательно созидательны, что гладкие пространства всегда лучше, чем пространства сегментарные или рельефные»². Контркультура предпри-

¹ См.: Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М., 2008.

² Делез Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004. С. 51.

нимала попытки конструировать машины войны, работающие в иной логике, которые, подключаясь к существующей системе, деконструируют, взрывают изнутри ее иерархические структуры, или позволяющие создать свое альтернативное пространство. Согласно Делезу и Гваттари, машины войны работают «как линейное устройство, которое создается на линиях бегства. В этом смысле цель “машины войны” — не война; ее цель — совершенно особое пространство, гладкое пространство, которое эта машина создает, занимает и расширяет»¹.

Делез и Гваттари также используют термин «абстрактная машина», обозначающий одинаково соединенную систему элементов, которая встречается в разных сферах. Примером может служить проект паноптикума И. Бентама, ставший образцом при постройке тюрем, фабрик и других дисциплинарных институтов. М. Фуко в своих работах описал тип институтов и практик мобилизации, появившийся в Новое время для ведения войн, которые затем были взяты за основу и распространены в мирной жизни, став своеобразной абстрактной машиной.

---

¹ Делез Ж. Переговоры. С. 51.

МЕТОДОЛОГИЯ МИКРОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Не на сходках, которые происходят на улицах или площадях, рождаются и разливаются эти социальные реки, эти огромные потоки, которые приступом захватывают теперь самые стойкие сердца, самые способные к сопротивлению умы и заставляют парламенты и правительства приносить им в жертву законы и декреты¹.

Г. Тард

Во втором томе книги «Капитализм и шизофрения» («Тысяча плато») Делез и Гваттари подробно анализируют проблему соотношения молярного и молекулярного в социуме и политическом процессе. Необходимо подробно на этом остановиться, поскольку упрощенное понимание данной проблемы отдельными последователями и интерпретаторами Делеза и Гваттари породило, по нашему мнению, незаслуженную критику².

Основная ошибка состоит в выстраивании созвучной анархизму оппозиции молярного и молекулярного. Молярному приписывается негативный смысл, молекулярному — однозначно позитивный. Молярное ассоциируется с жесткой иерархией, бюрократизмом, социальным отчуждением, молекулярное, наоборот, воспринимается как источник прогрессивных изменений, сила социальной и политической эмансипации. Подробно проанализировав «Тысячу плато», можно обнаружить, что идея Делеза и Гваттари не похожа на манихейское противопоставление двух принципов.

¹ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М., 1999. С. 134.

² См.: Žizek S. Organs without bodies: Deleuze and consequences. N. Y. ; L., 2004.

«У первобытных обществ есть ядра жесткости и древовидности, как превосходящие государство, так и предотвращающие его появление. Наоборот, наши общества продолжают плавать в гибкой ткани, без которой их жесткие сегменты не удержались бы. Мы не можем сохранить за первобытными народами гибкую сегментарность. Гибкая сегментарность не является даже пережитком дикого в нас, она — вполне актуальная функция, неотделимая от другой. Таким образом, любое общество, а также любой индивид пересечены одновременно двумя сегментарностями: одна — молярная, а другая — молекулярная»¹. Согласно Делезу и Гваттари, любая страта располагает как молярными структурами, так и молекулярными линиями ускользания. Даже самые жесткие иерархические системы имеют свои линии хаотизации, ни одна страта не может постоянно существовать в равновесии.

Рассмотрим вначале социальную структуру общества. В нем всегда есть как молярные застывшие совокупности — классы, так и молекулярные хаотические массы. Одно не противостоит другому, мы имеем дело с взаимозависимыми процессами. «Если мы рассматриваем крупные бинарные совокупности, такие как половые принадлежности или классы, то хорошо видим, что они также переходят в молекулярные сборки иной природы, что между ними есть двойная взаимозависимость. <...> Попытки отличить массу от класса действительно стремятся к такому пределу: к тому, что понятие массы — это молекулярное понятие, действующее согласно некоему типу сегментации, несводимому к молярной сегментации класса. Однако классы хорошо обтесываются в массах, они их кристаллизуют. И массы не перестают течь, сочиться из классов»².

Молекулярные процессы не противостоят молярным, наоборот, нормальное функционирование первых возможно только за счет связи и поддержки вторых. Подобный метод применим не только для анализа социальной стратификации, с его

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург ; М., 2010. С. 349.

² Там же. С. 350.

помощью становится более продуктивным исследование феномена бюрократии. На примере произведений Ф. Кафки, автора, наиболее подробно описавшего законы функционирования бюрократии, Делез и Гваттари демонстрируют наличие у нее молекулярного элемента¹. Молярная бюрократическая система «Замка»² не могла бы существовать без дополняющей ее молекулярной организации деревни.

«У администрации крупной молярно организованной службы безопасности есть в качестве коррелята целое микроуправление мелкими страхами, постоянная молекулярная небезопасность...»³ — отмечают Делез и Гваттари. Примером редукции сложного процесса взаимодополнения молярного и молекулярного могут служить работы⁴ социолога М. Кастельса, автора концепции «сетового общества». Он утверждает, что на смену иерархическим структурам индустриального общества приходят сетевые, на основе которых в ближайшем будущем будут перестроены все сферы жизни человечества.

Можно обратиться и к другим историческим примерам. Не вполне адекватное изучение фашистского и национал-социалистического режимов в XX веке многими исследователями кроется в недооценке их микросоциального измерения. Именно поэтому при всех оговорках Делез и Гваттари отмечают анализ, проведенный В. Райхом в работе «Психология масс и фашизм»⁵. Недостаточно рассмотреть роль государства, партии, идеологии в фашизме или нацизме, необходимо проделать и микросоциологический анализ.

¹ См.: *Deleuze G., Guattari F. Kafka: Toward a Minor Literature*. Minneapolis, 1986.

² См.: *Кафка Ф. Замок* / пер. с нем. Р. Я. Райт-Ковалева; подгот. А. В. Гулыга, Р. Я. Райт-Ковалева. М., 1990.

³ *Делез Ж., Гваттари Ф.* Указ. соч. С. 354.

⁴ См.: *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999; *Он же.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург, 2004.

⁵ См.: *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб., 1997.

Опираясь на исследование¹ бельгийского историка Д. Герена (1904–1988), Делез и Гваттари пишут: «...фашизм неотделим от молекулярных очагов, которые, взаимодействуя, плодятся и перескакивают от одной точки к другой, прежде чем начнут резонировать все вместе в национал-социалистическом государстве. Сельский фашизм и фашизм города или квартала, фашизм молодежи и фашизм ветеранов войны, фашизм левых и фашизм правых, фашизм супружеской пары, семьи, школы или офиса. <...> Фашизм есть тогда, когда машина войны устанавливается в каждой дыре, в каждой нише. Даже когда установится национал-социалистическое государство, оно будет нуждаться в устойчивости таких микрофашизмов, сообщающих ему ни с чем не сравнимую способность воздействовать на массы»².

К этому примыкает и проблема амбивалентности линий ускользания, которые существуют в любом обществе. Пример нацизма, соединившего со своими структурами многие линии ускользания, существовавшие в Веймарской республике, наглядно это продемонстрировал. Обвальная детерриторизация всех социальных подсистем Германии в 1920-е годы спровоцировала чудовищную ретерриторизацию, начавшуюся 30 января 1933 года. И это нужно обязательно учитывать при анализе политических, социальных и экономических трансформаций, особенно в кризисный период. «Самое худшее — не в том, чтобы остаться стратифицированным, означаящим, подчиненным, а в том, чтобы вовлечь страты в суицидальное крушение или безумие, вынуждающее их вновь навалиться на вас — тяжелее, чем когда-либо»³.

Учет взаимодополняющих молярных и молекулярных систем позволяет более детально анализировать структуру и динамику современной экономики. Сторонники неолиберализма среди политических деятелей и экспертов, говоря об экономике, часто противопоставляют государственное регулирование в разных формах «свободному рынку». Историк Ф. Бродель

¹ См.: *Guerin D. Fascism and Big Business*. N. Y. ; L., 1994.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 351–352.

³ Там же. С. 267.

аргументированно доказал необоснованность такой постановки вопроса, он продемонстрировал, что капитализм как система в истории постоянно опирался на неконкурентные практики, цены на многие товары не определялись объективной динамикой спроса и предложения, а навязывались сверху наиболее могущественными экономическими акторами.

Броделю принадлежит парадоксальная фраза: «Капитализм — враг рынка», которая означает, что капитализм как экономическая система ограничивает рынок в его же интересах. Миросистемная школа и другие исследователи показали, что рыночные отношения не могут распространиться во всем мире, поскольку капитализму для самосохранения необходима сырьевая периферия. Британская империя, завладев Индией, разрушила существовавшие там конкурентоспособные отрасли, например текстильную промышленность. Индия использовалась как сырьевой придаток и рынок сбыта товаров, поэтому вышеоцененные действия, приводящие к архаизации экономического уклада, были выгодны метрополии.

Современная экономика, выстроенная согласно неолиберальным постулатам, на самом деле очень далека от провозглашаемого идеала свободного рынка. Это становится очевидным при анализе реальной экономической политики ведущих стран и транснациональных корпораций. М. де Ланда по этому поводу заметил: «Сегодня принято называть Советский Союз “командной экономикой”, мы до сих пор называем и китайскую экономику командной. Хотя в действительности международные и национальные корпорации действуют как командные экономики. Они имеют очень мало товаров с рыночными ценами. В прошлом дела обстояли по-другому, поскольку либо их поставщики, либо дистрибьюторы были мелкими игроками. И они были вынуждены, так или иначе, иметь дело с рыночными ценами. Но с XIX века, как минимум в Соединенных Штатах, а я уверен, что и в Европе, многие мелкие игроки были поглощены, покупая своих поставщиков и дистрибьюторов, крупные игроки поедали и переваривали их как мелкую рыбешку, делали их частью собственных тканей. Чем больше они это делали, тем больше они поглощали небольшие рынки,

и рыночные цены играли все меньшую роль в координации их действий, при этом возрастала роль командной составляющей. Я думаю, что хорошей иллюстрацией этого было бы представить США не свободной экономикой, основанной на предпринимательстве, а экономикой, управляемой множеством маленьких советских союзов»¹.

Подобный подход позволяет по-новому взглянуть на многие проблемы. Обратимся к сфере государства и политической власти. В марксистской традиции государство рассматривалось как единая слаженная машина, единственная цель которой — поддержание классового господства. Подобный редукционизм упускает из виду многие функции государства, имеющие классовый нейтральный характер. Делез и Гваттари предлагают анализировать государство более детально, как сборку гетерогенных элементов. Рассмотрим проблему взаимодействия выборных лиц и корпуса бюрократии. В 1981 году кандидат от Социалистической партии Франсуа Миттеран был избран президентом Франции, в этом же году в союзе с ФКП социалисты получили большинство в Национальной ассамблее.

Многие левые интеллектуалы с воодушевлением восприняли эту победу, надеясь на прогрессивные изменения. Этому не суждено было сбыться, Миттеран и левое большинство парламентариев после двух лет безуспешных попыток выполнить предвыборные обещания сдались. Левая коалиция распалась, Миттеран постепенно сдвинулся вправо и присоединился к неолиберальной экономической политике.

Анализируя причины произошедшего, Делез в одном из интервью заявил: «...корпус функционеров, корпус ответственных лиц во Франции всегда был правым. Так что даже самые добросовестные из них, даже притворяясь, не могли изменить свой образ мысли, свой способ существования. У социалистов не было людей, чтобы передавать и даже обрабатывать свою информацию, чтобы определенным образом поставить свои проблемы. Им пришлось бы создавать параллельные цепи, смежные

---

¹ Manuel de Landa interview by Konrad Becker and Miss M. at Virtual Futures, Warwick-96. URL: <http://www.t0.or.at/delanda/intdelanda.htm> (дата обращения: 14.01.2013).

круги»¹. Советник Миттерана, философ Р. Дебре, в своей автобиографии² сделал сходные выводы, говоря о том, что многие инициативы правящей коалиции были заблокированы совместными усилиями среднего звена бюрократии и консервативной прессой.

В политической философии Делеза и Гваттари особое место занимает тема номадизма. Кочевники — люди, воплощающие детерриторизацию, не признающие границ, — долгое время представляли главную опасность для государств. Машина войны — изобретение кочевников, а государство присваивает ее и стремится свести к минимуму ее детерриторизирующий эффект. Она все приводит в становление, государство, наоборот, стремится все упорядочить с помощью стабильных институтов. Опираясь на работы антрополога П. Клястра, Делез и Гваттари выдвигают тезис: так называемые «примитивные общества» не просто были неспособны создать государство, они сознательно мешали этому процессу. Главным препятствием для формирования иерархических институтов государства являлась именно война, которая сохраняла раздробленность социума. Такие общества были больше похожи на банду, в которой шла постоянная борьба за лидерство. Так сохранялся баланс, мешающий централизации управленческих функций и возникновению какого-то подобия бюрократического аппарата.

Проблематика номадизма тесно связана с термином «ризом», который Делез и Гваттари впервые использовали в книге, посвященной творчеству Ф. Кафки³. Термин «ризом» заимствован из ботаники и обозначает особый способ роста растений, у которых нет стеблей и единого корня, они растут хаотично во все стороны, могут быть разорваны и заново соединены в любом месте. «Луковицы, клубни — это ризомы. Во всех других отношениях растения с корнем или корешками могут быть ризоморфны: речь идет о знании того, не является ли ботаника в сво-

¹ Делез Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004. С. 165.

² См.: Debray R. Praised Be Our Lords: A Political Education / trans. J. Howe. N. Y., 2007.

³ См.: Deleuze G., Guattari F. Op. cit.

ей специфике полностью ризоморфной. Даже животные таковы в своей форме стаи, крысы — это ризомы. Норы — тоже, со всеми их функциями проживания, пропитания, перемещения, отклонения и разрыва»¹.

Ризома — метафора хаотичного мира, в котором нет устойчивых структур. Ризома в процессе роста создает временно стабильные плато, которые мы только можем попытаться исследовать, не претендуя на универсальную картину и долгосрочный прогноз. Идет постоянный процесс детерриторизации. Номадизм, согласно Делезу и Гваттари, становится одной из главных характеристик современного человека. Под влиянием детерриторизации изменяются формы социального и политического контроля. Поль Вирильо в своих книгах анализирует новые механизмы власти, действующей в условиях открытого пространства, а не дисциплинарных институтов прошлого.

«Например, кризис больницы как пространства изоляции, пространства, разбитого на сектора, привел к образованию открытых госпиталей, к появлению ухода за больными на дому, и если сначала эти новые формы были знаком появления новых свобод, то затем они же приняли участие и в работе новых механизмов контроля, которые соперничают с самыми жесткими формами изоляции»².

В заключение необходимо проанализировать соотношение мажоритарного и миноритарного. Здесь также можно встретить упрощенную интерпретацию данной проблемы некоторыми авторами, полагающими это соотношение как чисто количественное. Из этого в дальнейшем выводятся политическая теория и практика, ориентированные на количественные меньшинства, маргинальные слои. Делез и Гваттари под мажоритарностью понимают не большинство, а состояние господства и стандартизацию. Они поясняют: «...имеется в виду не более обширное относительное количество, а определенность некоего состояния или эталона, в отношении которых как большие количества, так и малые называются миноритарными: белый—человек,

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 12.

² Делез Ж. Указ. соч. С. 226.

взрослый—мужчина и т. д. Мажоритарность, или большинство, заключает в себе состояние господства, но не наоборот»¹.

Миноритарность в свою очередь связана со становлением и детерриторизацией, это не имманентное состояние людей или групп, а процесс. «Важно не смешивать миноритарное как становление или процесс с меньшинством [minority] как совокупностью или состоянием. Евреи, цыгане и так далее могут формировать меньшинства, или миноритарности, в тех или иных условиях; но этого еще недостаточно, чтобы превращать их в становления. Мы ретерриторизируемся, или позволяем себе ретерриторизовываться, на меньшинстве как состоянии; но в становлении мы детерриторизируемся. Даже чернокожие, говоря словами Черной Пантеры, должны становиться чернокожими»².

---

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 482.

² Там же. С. 483.

ФИЛОСОФИЯ Ж. ДЕЛЕЗА — Ф. ГВАТТАРИ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

Сложность первична; простота — частный случай. Разнообразие, множество вариантов возможного развития — первичны; единообразие и предсказуемость — частный случай. Перемены — закон; неизменность преходяща. Обратимые процессы — частный случай: они происходят только в достаточно простых системах. Но большинство систем в природе сложные, и процессы в них необратимы. Вся природа по существу — постоянное порождение новых форм, принципов, состояний; она сама — открытая динамическая система, которая «выбирает» свой дальнейший путь в точках бифуркации¹.

И. Пригожин

Тема «Философия Ж. Делеза — Ф. Гваттари и современная наука» обширна, ей посвящено множество специальных работ². Поскольку основная цель данной работы — тематика политических конфликтов, мы лишь кратко обозначим наиболее важные

¹ *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46.

² *Landa M. de.* War in the Age of Intelligent Machines. N. Y., 1991; *Idem.* A Thousand Years of Nonlinear History. Cambridge, 2000; *Idem.* Philosophy and Simulation: The Emergence of Synthetic Reason. L., 2011; *Deleuze and New Technology* / ed. D. Savat. Edinburgh, 2009; *Dodds J.* Psychoanalysis and Ecology at the Edge of Chaos: Complexity Theory, Deleuze/Guattari and Psychoanalysis for a Climate in Crisis. L., 2011; *Marks J.* Deleuze and Science (Paragraph Special Issues). Edinburgh, 2007; *Herzogenrath B.* An (Un)Likely Alliance: Thinking Environment(s) with Deleuze/Guattari. Cambridge, 2008; *Маркова Л. А.* Философия из хаоса: Ж. Делез и постмодернизм в философии, науке, религии. М., 2004.

концепции нового материализма, сформулированные Делезом и Гваттари.

Выше мы уже отмечали, что в ряду мыслителей, которых принято обозначать как постмодернистов или постструктуралистов, Делез и Гваттари в своем отношении к науке занимают нетипичную позицию. М. де Ланда заметил: большинство мыслителей-постмодернистов, поскольку они считают, что окружающий нас мир в большей или меньшей степени сконструирован дискурсивно, могут быть названы идеалистами. Делез и Гваттари, в отличие от них, являются материалистами, полагающими, что мир существует независимо от нашего сознания и дискурсивных практик.

О главенствующем подходе постмодернизма к науке можно судить по книге Жан-Фрасуа Лиотара «Состояние постмодерна» (1977). Из нее следует, что новая ситуация, в которую постепенно погружается современный мир, наиболее ярко проявляется в недоверии к метанарративам. Метанарративами Лиотар называет доктрины, созданные в эпоху Просвещения, претендующие на универсальность и истинное описание тотальности бытия. Они стремились указать человечеству путь и конечную цель развития: одни — в виде идеи прогресса, другие — как процесс социальной и политической эмансипации. Согласно Лиотару, в силу разных причин (катастрофический опыт тоталитарных режимов, развитие информационных технологий) их претензии на легитимность должны быть поставлены под сомнение.

«Делегитимация метанарративов освобождает множество плюральных, не сводимых друг к другу языковых игр. Ни одна из них не может претендовать на особый универсальный статус. Наука рассматривается как одна из таких языковых игр, один из многих способов описания реальности. Делегитимация — если к ней хотя бы немного стремятся и придают ей определенную важность, что на свой манер делает Витгенштейн и что так же по-своему делают Мартин Бубер и Эмманюэль Левинас, — открывает дорогу набирающему силу течению постмодернизма: наука играет в собственную игру, она не может легитимировать другие языковые игры. Например, прескриптивная игра ускользает от нее. Но прежде всего она не может больше сама

себя легитимировать, как то предполагает спекуляция»¹, — пишет Лиотар.

С этой точкой зрения Делез и Гваттари были не согласны, в своих работах они в рамках философии попытались отразить новейшие достижения науки: теорию хаоса (И. Пригожин, И. Стенгерс), синергетику (Г. Хакен), теорию катастроф (Р. Том), фрактальную геометрию (Б. Мандельброт) и теорию аутопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела). Это не было механическим переносом принципов из науки в философию, как в позитивизме, скорее можно говорить о резонансе, при котором наука и философия остаются автономными полями. Делез и Гваттари предпринимали попытки создать новый вариант материалистической философии, которая стоит в одном ряду с французским механистическим материализмом XVIII века и диалектическим материализмом XIX–XX веков.

«Философия, искусство и наука вступают в отношения взаимного резонанса и в отношения обмена, но всякий раз по причинам внутреннего характера. В соответствии с собственной эволюцией они сталкиваются друг с другом. В этом смысле науку, философию и искусство следует рассматривать как разновидности чуждых друг другу мелодических линий, которые постоянно пересекаются. Философия в этом случае не обладала никаким псевдоприоритетом в рефлексии и не имела с тех пор никакой неполноценности в творчестве. Создавать концепты не менее трудно, чем создавать новые визуальные или звуковые комбинации, создавать научные функции. Нужно видеть, что взаимодействие этих линий не зависит ни от наблюдения, ни от взаимной рефлексии. Та дисциплина, которая возложила бы на себя миссию следовать за творческим движением, сама бы отказалась от роли творца. Всегда было важно не сопровождать смежное движение, но создавать свое собственное»².

Усилия Делеза и Гваттари в нашу эпоху можно сравнить с работой, проделанной И. Кантом по отношению к научной

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 1998. С. 67.

² Делез Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004. С. 161–162.

картине мира, рожденной открытиями И. Ньютона и Н. Коперника. В последней четверти XVIII века Иммануил Кант совершил свой «коперниканский поворот», осуществив радикальную критику прежних эпистемологических оснований философии, он повторил жест, сделанный до этого великими естествоиспытателями. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», вышедшему в 1787 году, И. Кант писал: «Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя»¹.

Если Николай Коперник опроверг геоцентрическую систему Птолемея, обосновав центральное положение Солнца, то И. Кант поставил под сомнение безграничную силу человеческого разума. Человеческий разум, подобно Земле, лишается статуса неподвижного центра мира, он включен в мир явлений. Между миром вещей самих по себе (нуменов) и миром явлений (феноменов) — непреодолимый разрыв. «Вещь в себе» непознаваема, разум способен лишь анализировать сам процесс познания истины.

В. Степин в своих трудах предложил разделить историю развития науки на несколько этапов: классическая наука, неклассическая и постнеклассическая². Последний из перечисленных этапов начинается в 1960–1970-е годы, когда в естественных науках стали появляться концепции, которые ставили под сомнение господствующее тогда механицистское отношение к окружающему миру и основные положения детерминизма. Возникает сомнение, что классические научные представления не могут адекватно объяснить некоторые наблюдаемые явления. «Мы начинаем понимать, что западная наука в том виде, как она до недавних пор существовала, обусловлена культурным контекстом XVII века — периода зарождения современного естествознания, и что эта наука ограничена. В результате начинает склады-

¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 18.

² Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 234.

ваться более общее понимание науки и знания вообще, понимание, отвечающее культурным традициям не только западной цивилизации»¹, — пишет бельгийский ученый Илья Пригожин, лауреат Нобелевской премии за работы по термодинамике неравновесных систем, которого «называют “современным Ньютоном”, а сделанное им в науке признают основой возможной в будущем новой модели мироздания — третьей в европейское Новое время после моделей Ньютона и Эйнштейна»².

Пригожин в своих исследованиях основное внимание уделяет нестабильности и процессам, протекающим на микроуровне. Ранее естественные и гуманитарные науки учитывали в основном макропроцессы, в результате из общей картины выпадала деятельность отдельного индивида. Она не включалась в рассмотрение, поскольку считалось, что воздействия на микроуровне повлиять на ход и направление масштабных физических или социальных процессов не могут. «Сегодня оказалось, что малые возмущения и флуктуация на микроуровне влияют на макромасштабное поведение объекта. Конечно же, такого рода влияния действительны отнюдь не всегда, но лишь в определенных условиях. Примером таких условий может быть наличие положительных обратных связей в системе, эти связи играют гигантскую роль в различных областях, от кибернетики до социологии. Так, всякий рост социальной напряженности, да и революции — это проявления положительных обратных связей»³, — отмечает С. Курдюмов.

Открытия И. Пригожина, Г. Хакена позволяют естественным и гуманитарным наукам исследовать влияние воздействия отдельных людей и малых групп на общую динамику развития природы и общества. Другой важнейшей характеристикой новой картины мира является неравновесность. В природе и социуме равновесие достигается эпизодически, периоды хаоса куда более длительны, чем периоды порядка. Все системы неравновесные, поскольку они не замкнуты на себе, а открыты, линия, разделяющая внешнее пространство от внутреннего, крайне условна.

¹ Пригожин И. Указ. соч. С. 51.

² Балла О. Феномен Пригожина // Знание — сила. 2002. № 3. С. 34.

³ Пригожин И. Указ. соч. С. 49.

Ризома как концепт является в философии эквивалентом «открытых систем» Пригожина. Она слабо стратифицирована, нестабильна, находится постоянно в процессе самоорганизации и открыта к внешним соединениям. «В наши дни в науках или в логике имеется все необходимое для того, чтобы были созданы теории так называемых открытых систем, основанных на взаимодействиях, которые отвергают линейную причинность и преобразуют понятие времени. Я восхищаюсь Морисом Бланшо: его произведения — собрание маленьких отрывков и афоризмов, это единая открытая система, в которой заранее создается “литературное пространство”, противоположное тому, что возникает у нас сегодня. То, что Гваттари и я назовем ризомой, представляет собой все тот же случай открытой системы»¹, — подчеркивает Делез.

В условиях неравновесности процессы протекают нелинейно, существуют точки бифуркации, в которых появляется множество альтернативных траекторий дальнейшего движения системы. Наше понимание динамики сложных систем, причин их дестабилизации и дальнейшего разрушения с учетом этих факторов становится более полным.

Один из основателей синергетики Герман Хакен на примере анализа показателей лазерного излучения обосновал новую междисциплинарную концепцию самоорганизации. Это название быстро вошло в научный обиход и стало обозначать целый комплекс научных концепций, занимающихся изучением процессов самоорганизации в разных системах. Хакен и его коллеги — Р. Акофф, Д. Клир, М. Месарович — продолжили линию, идущую от основателей теории систем А. Богданова, Л. фон Бергаланфи.

Л. Бергаланфи одним из первых предложил новую область знаний под названием «общая теория систем», которая описывала общие принципы устройства и поведения различных систем независимо от природы составляющих их элементов. В частности, он писал, что системы принципиально нестабильны и могут поддерживать только «текущее равновесие» за счет оттока энтропии вовне. Если происходит дисбаланс между внутренним

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 48–49.

производством энтропии и ее оттоком, появляются и начинают нарастать до макроскопического уровня крупномасштабные флуктуации. Флуктуацией называют отклонение от среднего состояния величины, характеризующей систему из большого числа частиц, благодаря чему система начинает складываться согласно иной (по сравнению с начальной) линии развития или движения.

Исследование флуктуаций и воздействий на микроуровне продуктивно для анализа политического процесса и конфликтов, возникающих при принятии решений в парламентских системах. «Слишком часто мы переживаем на всех возможных уровнях при принятии демократических решений некоторого рода патовую ситуацию, в которой малая группа или малая партия, в конце концов, может породить отклонение. Этот пример, по-видимому, показывает, что сама по себе слепая вера в эффекты самоорганизации, будь то, к примеру, в самоорганизацию некоей фирмы, может иметь фатальные последствия. Система внезапно начинает двигаться в совершенно неожиданном и одновременно нежелательном направлении. В то же время мы видим, что даже небольшие управляющие воздействия на систему могут подтолкнуть ее в желаемом направлении»¹, — отмечает Г. Хакен.

В 1970–1980-е годы синергетика и теория хаоса становятся популярны, ученые из разных областей трансформируют методологию собственных исследований в соответствии с новой научной парадигмой. Футуролог Э. Тоффлер в книге «Метаморфозы власти»² пишет, что в условиях глобальной нестабильности всех систем определяющими могут стать воздействия «решающих меньшинств», которые в точке бифуркации способны дестабилизировать или разрушать крупные системы. Эта методология позволит лучше исследовать периоды экономических и политических кризисов, когда все социальные подсистемы выходят из равновесия. Сразу возникает много вопросов. Какие группы могут стать инициаторами изменений? Как будет складываться новый временный порядок?

¹ Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М. : Ижевск, 2003. С. 27.

² См.: Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003.

В постнеклассической науке точки «сборки» нового порядка называются аттракторами. В теории динамических систем аттрактор обычно определяют как некоторое количество точек, к которым в процессе своей трансформации притягивается любая система. Значение аттракторов возрастает, когда система в процессе своего функционирования из-за внешних факторов или внутренних процессов начинает двигаться, нелинейно сбливаясь с обычной траектории.

В похожем ключе предлагает анализировать социальные и политические процессы Д. Розенау, который считает, что человечество находится на пороге «эпохи турбулентности»¹. И. Валлерстайн полагает ключом для развития социальной теории интеграцию достижений исследования хаоса и процессов самоорганизации.

В США в 1984 году был создан Институт Санта-Фе, который проводит междисциплинарные исследования. Весь комплекс идей постнеклассической науки здесь обобщен под названием «теория сложности» (“complexity theory”). Эта теория, кроме работ И. Пригожина, опирается также на исследования М. Уолдроп² и С. Левина. Основатель института — известный физик М. Гелл-Манн, лауреат Нобелевской премии за разработку теории кварков. В Институте Санта-Фе работают специалисты как по естественным наукам (физика, химия, биология, метеорология), так и по гуманитарным (экономика, социология, психология, политология). В конце 1980-х — начале 1990-х годов появились исследования, трактующие социальные и политические трансформации в терминах постнеклассической науки, например процесс хаотизации и дальнейшего разрушения политических систем государств Варшавского договора.

Делез и Гваттари для описания хаоса, из которого возникают временно стабильные системы, используют выражение писателя А. Арто «тело без органов». Оно является той средой, по которой текут неоформленные, неструктурированные морфогене-

¹ См.: *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.

² См.: *Waldrop M.* Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. N. Y., 1993.

тические потоки. Эти потоки с помощью абстрактных машин оформляются в страты. М. де Ланда, применяя концепт Делеза и Гваттари к анализу процессов, происходивших на планете до появления людей и животных, пишет: «Этот котел или резервуар неорганической жизни — тело без органов. Он может жить в том смысле, что способен творить и генерировать порядок, не имея генов или органов или не будучи организмом. На мой взгляд, тот факт, что атмосфера, соединенная с гидросферой, может генерировать ураганы и циклоны и другие самоорганизующиеся сущности, означает, что наша планета еще до появления живых существ была телом без органов, котлом бурлящей креативности, резервуаром, в котором спонтанно возникал порядок»¹.

Де Ланда в своих книгах выдвигает тезис, что многие происходившие в истории процессы можно описать, используя наработки Делеза и Гваттари. «История развития человечества включала в себя множество тел без органов. Первое — солнце, гигантский шар, состоящий из плазмы, интенсивный поток энергии которой запускает большинство процессов самоорганизации на нашей планете. <...> Второе — тело лавы, подобно “конвейерным лентам” (клетки конвекции), двигает тектонические плиты и отвечает за большинство геополитических особенностей нашей планеты, в результате разлома Пангеи возникли существующие сегодня континенты, и последующее распространение приручаемых видов животных, от которого в наибольшем выигрыше оказалась Евразия. Третье — тело без органов, составленное сдвоенной динамикой гидросферы/атмосферы и производными от них различными самоорганизующимися сущностями: ураганами, цунами, атмосферным давлением, циклонами. <...> Четвертое — генетическое тело без органов, состоящее из более или менее свободного потока генов, циркулирующего посредством микроорганизмов (через плазмиды и посредством других переносчиков), который, в отличие от более стратифицированного потока генов животных и растений, избежал контроля со стороны человека даже после создания антибиотиков.

¹ *Landa M. de. The geology of morals. A Neo-Materialist Interpretation.* URL: <http://www.t0.or.at/delanda/geology.htm> (дата обращения: 16.02.2013).

Пятое — части потока солнечной энергии, идущие сквозь экосистемы (плоть циркулирует через пищевые цепочки), не затронутые урбанизацией, например животные и сорняки или ризомы (тело без органов, сформированное популяциями подземных грызунов). Наконец, наши языки, когда они существуют в форме диалектного континуума (в силу тех или иных обстоятельств исчезает стратифицирующее давление), составляют тело без органов, когда нормандские завоеватели навязали французский в качестве языка элиты, позволив крестьянским массам создать английский язык из аморфного бульона, состоящего из германских норм в сочетании со скандинавскими элементами»¹.

В начале 1970-х годов чилийцы Умберто Матурана и Франсиско Варела в своих работах развили теорию аутопоэтических систем (в 1980-е гг. сами создатели иногда именовали ее теорией аутопоэтических машин), которая также известна как сантьягская теория познания. Изначально она развивалась в рамках биологии, но вскоре приобрела междисциплинарный характер, затронув также химию, психологию и гносеологию. Теория Матураны и Варелы стала важнейшим элементом для дальнейших разработок Делеза и Гваттари в разных областях. Теорию социальных, политических, экономических машин и исследования Гваттари, посвященные сознанию, концепцию экософии легче оценивать, ознакомившись с работами чилийских ученых.

Новая теория попыталась по-новому взглянуть на давно исследуемые наукой проблемы. При этом необходимо было заново определить базовые понятия — например, что такое жизнь. Возможно ли создать междисциплинарную теорию, которая выявит свойства всех живых систем? Подобные попытки уже предпринимались создателем общей теории систем Людвигом фон Бергаланфи (1901–1972). По мнению Матураны, несмотря на отдельные правильные выводы, теоретические ограничения данного подхода не позволили подойти вплотную к решению проблемы.

Понятие аутопоэзиса связано с живыми системами, организованными кругообразно для поддержания гомеостаза. Они со-

¹ *Landa M. de. The geology of morals.*

стоят из элементов, взаимодействующих между собой для того, чтобы обеспечить дальнейшее существование системы. Аутопоэтические системы образуются спонтанно, как результат соединения гетерогенных элементов при условии, что элементы системы налаживают неразрывную сеть производящих процессов. Теория Матураны–Варелы преодолевает картезианское разделение на субъект и объект, аутопоэтические системы кругообразны, и продукты их активности являются частью самой системы. Описывая взаимодействия животных и их среды обитания, они замечают: «Живые системы суть единства взаимодействий, и существуют они в том или ином окружении. С чисто биологической точки зрения их нельзя понять независимо от той части окружения, с которой они взаимодействуют, то есть независимо от ниши. Также и нишу нельзя определить независимо от специфицирующей ее живой системы»¹.

Ни один из элементов, являющихся продуктом самой системы, не определяет ее свойств как целого, они зависят от общей конструкции самореферентной системы. Аутопоэтические системы, находясь в постоянном взаимодействии со средой, изменяются под ее влиянием: «...клеточная мембрана постоянно включает в метаболические процессы клетки вещества из окружающей среды. Нервная система изменяет характер своих связей в результате каждого акта чувственного восприятия, и вместе с тем живые системы автономны»². Именно за счет неразрывной связи со средой аутопоэтические системы постоянно приспосабливаются и развиваются. Помимо окружающей среды, необходимо учитывать, что живые системы изменяются, взаимодействуя между собой. Аутопоэтические системы могут успешно делиться, образуя новые живые системы, которые сохранятся в случае, если смогут наладить собственную сеть производительной активности элементов. Отсюда следует очень важный вывод: траектория развития живых систем не предопределена, она формируется в результате цепи взаимодействий со средой и другими системами.

¹ Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект : сб. : пер. с англ. и нем. / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. М., 1996. С. 146.

² Капра Ф. Скрытые связи. М., 2004. С. 21.

«Возьмем в качестве примера клетку: она представляет собой сеть химических реакций, производящих молекулы, которые: а) посредством взаимодействия друг с другом генерируют и принимают участие рекурсивным образом в единой цепи химических реакций, которые их же и произвели, и б) придают данной клетке свойство материальной целостности. Таким образом, клетка как физическая единица, топографически и операционально обособленная от некоего фона, остается в таковом качестве лишь до тех пор, пока указанный организационный принцип непрерывно поддерживается путем безостановочного круговорота материи вне зависимости от смены формы и специфичности ее основных химических реакций»¹.

Аналогичным образом У. Матурана описывает функционирование нервной системы, которая представляет собой замкнутую сеть взаимодействующих нейронов. Изменения активности одного из нейронов непосредственно или через промежуточные элементы влияют на остальные. Аутопоэтическая система, поскольку организована кругообразно и сама производит собственные элементы, автономна и организационно закрыта.

В своих работах Матурана и Варела приводят три примера систем, в отношении которых можно утверждать, что они организационно замкнуты: «1. Клеточные системы: в данном случае компонентами являются молекулы, а взаимодействиями — химические процессы производства. <...> 2. Иммунная система: здесь компонентами являются клоны лимфоцитов, а взаимодействиями — процессы молекулярной коадаптации между поверхностными детерминантами лимфоцитов. <...> 3. Нервная система: здесь компоненты — “нейроны”, как в качестве отдельных клеток, так и в качестве агрегатов, обладающих определенной функциональной согласованностью (таких как корковые столбцы). Взаимодействия — состояния относительной активности, распространяемой посредством синаптических соединений»².

¹ Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен, 2000. С. 236.

² Там же. С. 251.

Концепция аутопоззиса Варелы и Матураны повлияла на взгляды многих представителей гуманитарных дисциплин. Именно она лежит в основе системной теории общества знаменитого немецкого социолога Николаса Лумана. В своих работах он применяет основные постулаты концепции Варелы и Матураны для анализа различных подсистем, составляющих современное общество (наука, политические институты, массмедиа).

ОПЕРАИЗМ И АВТОНОМИЯ. РАДИКАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В ИТАЛИИ

После убийства в 1966 году неофашистами студента столичного университета Паоло Росси в Италии начинаются резкий подъем и радикальная политизация студенческого движения. Параллельно зарождается молодежная контркультура, которая расширяет границы политического вопроса за счет артикуляции новых проблем: экологии, гендерного вопроса и прав этнических меньшинств.

В конце 1960-х годов появилась организация «Рабочая власть» («Potere Operaio»), в которую было вовлечено значительное количество рабочих и радикально настроенных студентов. В научной литературе за этой организацией закрепилось название «операисты». Вокруг журналов, издаваемых «Рабочей властью», сформировалось оригинальное течение теоретиков-марксистов, наиболее известные из них: Марио Тронти, Раньеро Панцери, Серджио Болонья, Антонио Негри, Паоло Вирно и Франко «Бифо» Берарди. Организация «Рабочая власть» была основана в 1969 году, на начальном этапе по своей структуре и социальной базе она не выделялась на фоне традиционных левых организаций. Основной упор делался на пропаганду в среде промышленного пролетариата, особенно на рабочих автомобильных заводов «Фиат» и «Альфа Ромео», расположенных на индустриальном севере страны.

Ситуация в Италии развивалась с некоторым опозданием по сравнению с Францией и другими странами. Радикальный этап развития политических и трудовых конфликтов начался в 1973 году. Рабочие одного из заводов «Фиат» после невыполнения собственниками их требований взяли предприятие под свой контроль. Это событие разделило левых, поскольку протестую-

щие, мобилизованные «Рабочей властью», оказались по разные стороны баррикад с членами Итальянской коммунистической партии (ИКП) и официальными профсоюзами, которые воспринимали бастующих как «маргиналов и опасных смутьянов». Яростные забастовки и столкновения на автомобильных заводах проходили не только в Италии, массовые выступления рабочих парализовали работу заводов «Фиат» в Турине, «Опель» в Рюссельхайме, «Фольксваген» и «Рено» в Бийанкуре.

Массовые волнения на автомобильных заводах стали доказательством кризиса производственной модели фордизма и тейлоризма. Первые симптомы этого кризиса проявились еще в послевоенный период. В 1950 году американская угольная корпорация «Консол» в рамках общего процесса автоматизации внедрила на своих заводах конвейер непрерывного действия. В ответ вспыхнула девятимесячная забастовка шахтеров, которая проходила вопреки мнению Конгресса производственных профсоюзов (КПП) — одного из крупнейших профцентров страны. Руководитель КПП Джон Л. Льюис, руководствуясь прежним опытом, полагал, что недовольство шахтеров можно погасить повышением зарплаты или улучшением условий труда. Здесь он ошибся, это был новый тип рабочего протеста, направленный против самих основ фордистской и тейлористской моделей организации производства. Владельцы заводов и лидеры профсоюзов осознали это только через несколько лет.

«К 1955 году продолжительная забастовка в Вестингхаузе заставила каждого признать, что это забастовка против автоматизации. Ее назвали первой забастовкой против автоматизации и наконец-то признали, что ключевой аспект этой борьбы был связан с изучением временных затрат. Рабочие-электротехники поняли, что каждое движение их рук изучается не с целью облегчения труда, а для того чтобы подчинить физическую активность рабочего новой чудовищной машине, которая должна была заменить собой сто человек и увеличить в десять раз интенсивность труда тех, кого оставят на ней работать»¹, — отметила философ и активист рабочего движения Р. Дунаевская.

¹ Дунаевская Р. Марксизм и свобода: с 1776 года до наших дней. М., 2011. С. 324.

«Рабочая власть» формально прекратила свое существование после конференции в Росалине, прошедшей 3 июня 1973 года. Проанализировав процессы трансформации социальной структуры общества, операисты пришли к выводу: классическая партийная структура не отвечает новым условиям. Через некоторое время они создали «Рабочую автономию», организацию нового типа, ориентированную, помимо рабочего класса, также на борьбу за гендерное равенство и права этнических меньшинств.

Если «Рабочая власть» была выстроена по принципам, изложенным В. Лениным в книге «Что делать?», — централизованная организация профессиональных революционеров, то «Рабочая автономия» была децентрализованной коалицией различных движений. Трансформация стала следствием изменившихся социальных условий, в частности были поставлены под вопрос отношения интеллектуалов и партий рабочего класса. Модель «партии нового типа» В. Ленина исходит из того, что рабочие стихийно способны выдвинуть только экономические требования (увеличение зарплаты, улучшение материальных условий труда), поэтому классовое сознание должны внедрить извне группы прогрессивных интеллектуалов.

К концу 1960-х годов во всей Европе, и в Италии в частности, количество молодых людей, получивших высшее образование, достигло невиданного масштаба, возникла «массовая интеллектуальность» (термин П. Вирно). В таких условиях централизованная структура партии ленинского типа, выстроенная на разделении сознательной группы профессиональных революционеров и массы рабочих, способных лишь к стихийной экономической борьбе, становится явно устаревшей¹.

Важным симптомом происходящих перемен стал конфликт «старых» организаций и партий рабочего класса с нарождающимися движениями «новых левых». Необходимо напомнить, что в конце 1970-х годов наступил период упадка традиционного левого движения, ведущие коммунистические и рабочие партии

¹ Переосмысление принципов построения политической организации можно детально проанализировать на сборнике статей А. Негри 1970-х годов. См.: *Negri A. Books for Burning: Between Civil War and Democracy in 1970s Italy* / trans. A. Bove. L., 2005.

Европы переживали идеологический кризис. Компартии Италии, Франции и Испании выдвинули идею еврокоммунизма, которая была своим критическим острием направлена против того типа «реального социализма», который сложился в СССР и странах «народной демократии».

Основным недостатком советской модели они считали отсутствие политических свобод, кроме того, еврокоммунисты официально отказались от концепции диктатуры пролетариата. Они выдвинули идею мирного перехода к социализму путем демократических выборов, из программ и официальных документов исчезло упоминание о возможности революционной смены власти. Постулаты еврокоммунизма были также поддержаны компартиями Швеции, Нидерландов, Великобритании, Австрии и левыми партиями Венесуэлы и Мексики. В Италии сторонники еврокоммунизма внутри ИКП стали инициаторами политики «исторического компромисса», закончившейся подписанием пакта с христианскими демократами и вхождением в правящую коалицию.

«Новые левые» расценили это как предательство и окончательную интеграцию в буржуазную систему. Они, наоборот, выдвигали идею продолжения борьбы и ставили новую повестку дня: расширение фронта прогрессивных сил за счет угнетаемых меньшинств, изменение организационных структур, вместо централизованной партии с бюрократией — более гибкие открытые движения, построенные на принципах прямой демократии.

В течение 1975–1976 годов политическая ситуация в Италии накалялась, уровень безработицы достиг 15 %, особенно быстро росло число безработных среди молодежи. Политика «исторического компромисса» ИКП и христианских демократов блокировала участие новых акторов в политическом процессе. Происходили быстрая политизация и радикализация молодежных субкультур, уже несколько лет действовали подпольные боевые группы «Красных бригад». В 1975 году в Италии вышел перевод «Анти-Эдипа». Среди левых активистов книга имела огромный успех, многие увидели в работе Делеза и Гваттари наиболее подходящий инструментарий для осмысления происходящих событий.

Важным событием в феврале 1976 года стало начало вещания “Radio Alice” — свободной радиостанции, созданной при участии активистов «Рабочей автономии», феминисток, андеграундных музыкантов и поэтов. Это послужило началом медиаактивизма, попытки организовать альтернативное пространство коммуникации, свободное от влияния государственных и частных медиамонополистов. Свободные радиостанции достаточно быстро стали популярны в контркультурной среде и послужили одним из важных инструментов политической мобилизации. Один из основателей “Radio Alice” Ф. Берарди считал, что сеть альтернативных каналов коммуникации трансверсализирует существующую систему, дает возможность быть услышанными искусственно маргинализированным группам. Ограниченные технические возможности того времени не позволили полностью осуществить задуманное. Социальная машина уже начала формироваться, но адекватные технологии еще не появились. В наше время, когда все пользуются Интернетом, мы понимаем, что медиаактивизм был его предтечей.

«Для Гваттари свободные радиостанции были генеральной репетицией перед появлением новых векторов ресингуляризации, аттракторов социальной креативности. Осмысливая данный феномен двадцать лет спустя, мы ясно видим: свободные радиостанции были предвосхищением Интернета, воплощающего в себе модель, которую Феликс называл постмедийной цивилизацией. Опыт свободных радиостанций (в частности, “Radio Alice”, от начала и до конца выражавшего осознание особых техномедийных связей радиостанции в ее постоянной интеракции со слушателями) предвосхитил процесс технокоммуникативной самоорганизации, положившей конец эпохе массмедиа»¹.

Новая волна протеста поднялась после известия о том, что 11 марта 1977 года в Болонье карабинерами был застрелен активист “Lotta Continua” Франческо Лоруссо. На следующий день в Риме прошла демонстрация, в которой приняло участие около 100 тыс. человек. Правящая коалиция пошла по пути ужесточения репрессий, “Radio Alice” закрыла полиция, нарастала

¹ *Berardi F. Félix Guattari. Thought, Friendship, and Visionary Cartography. L., 2008. P. 31.*

волна уличного насилия. В июле группа французских интеллектуалов, среди которых были Ж.-П. Сартр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Р. Барт, Ф. Соллерс, Ю. Кристева, обратились к итальянскому правительству с открытым письмом, выражающим протест против политических репрессий.

Следующий массовый сбор активистов состоялся с 22 по 24 сентября 1977 года в Болонье, обсуждалось текущее положение и стратегия дальнейших действий. Но этому движению не суждено было развиваться из-за волны арестов, последовавших за похищением и убийством «Красными бригадами» бывшего председателя Совета министров Италии Альдо Моро. Несмотря на то что «Рабочая автономия» пыталась противостоять усилению влияния и распространению методов борьбы, практикуемых «Красными бригадами», репрессии обрушились и на них. Ф. Берарди, Ф. Пиперно смогли скрыться во Франции, А. Негри был арестован, ему было предъявлено обвинение в связях с террористами. Судебный процесс затянулся, государственное обвинение не смогло представить веских доказательств виновности Негри. Просидев в тюрьме более трех лет, в июне 1983 года он был освобожден. Его избрали депутатом от Итальянской радикальной партии, но парламент страны абсолютным большинством голосов лишил его депутатской неприкосновенности. Негри грозил новый срок тюремного заключения, при помощи Гваттари и его друзей он смог нелегально перебраться во Францию.

На этом завершилась активная политическая деятельность операистов. В изгнании им представилась возможность обобщить свой активистский опыт и развить уже начатый ими анализ трансформации капиталистической системы. По мнению Ф. Берарди, началом эпохи постфордизма можно считать 1977 год.

«1977 был не только годом событий в Италии: это был год, когда Стив Возняк и Стив Джобс основали “Apple”, но что еще более важно — создали инструментарий для распространения информационных технологий; когда Алан Минк и Симон Нора написали “Информатизацию общества”, текст, в котором анализируется перспектива растворения национальных государств в результате возрастающего влияния телематики. В этом же году председатель КГБ Юрий Андропов написал докладную записку

Леониду Брежневу, в которой высказал мнение о возможности исчезновения СССР в том случае, если отставание от США в сфере информационных технологий не будет сокращено. Это был год, когда Жан-Франсуа Лиотар написал книгу «Состояние постмодерна». Год, когда умер Чарли Чаплин, человек в котелке и с тростью. Это был год, когда закончился XX век, поворотный момент современности»¹, — пишет Ф. Берарди.

В научной литературе нескольких последних десятилетий прочно утвердился ряд теорий, претендующих на описание трансформаций начиная с конца 1960-х — середины 1970-х годов, происходящих в экономике, социуме и технологической сфере: «постиндустриальное общество» (Д. Белл), «информационное общество» (Ф. Махлуп, Т. Умесао, Й. Масуда), «пост-экономическое общество» (Г. Кан).

При всем различии этих теорий все они сфокусированы на изменении экономической структуры развитых стран, где сектор промышленного производства товаров постепенно уменьшается и все большее число людей заняты в сфере услуг. Также большое внимание уделено возрастающей роли знания как основного элемента человеческого капитала, становящегося непосредственной производительной силой в инновационных отраслях. Важнейшая составляющая всех вышеописанных процессов — все более возрастающее значение информации как фактора, трансформирующего управление производственными процессами, работу государственных учреждений и жизнь обычных людей.

Нас здесь интересует еще одно следствие всех этих изменений, не всегда подробно анализируемое специалистами: как данные процессы повлияют на политику на уровне отдельных стран и в международном масштабе? Дэниель Белл (1919–2011) еще в своей книге «Конец идеологии», вышедшей в 1960 году, обосновал тезис о закате старых систематизированных политических доктрин, родившихся в XIX веке. По его мнению, ускорение технологического прогресса будет сопровождаться деполитизацией общественной жизни, все большую роль станет играть интеллектуальный класс управленцев, состоящий из экспертов

¹ *Berardi F. Precarious Rhapsody. Semio-capitalism and the Pathologies of the Post-Alpha Generation. L., 2009. P. 14–15.*

и консультантов. Многие, особенно «левые» теоретики, посчитали его концепцию достаточно опасной технократической иллюзией.

Герберт Маркузе (1898–1979) в известной работе «Одномерный человек» (1964) назвал это «герметизацией политического универсума». В рамках двухпартийной политической системы, которая получила широкое распространение в развитых странах после Второй мировой войны, стираются почти все значимые идеологические различия. Рабочий класс, воспринимаемый традиционными левыми как субъект прогрессивных перемен, через систему «государства всеобщего благоденствия» (welfare state) и бюрократических профсоюзов интегрирован в систему. Формируется консенсус по вопросам внутренней и внешней политики, технократический подход вытесняет политическое как таковое.

«Технический прогресс, охвативший всю систему господства и координирования, создает формы жизни (и власти), которые, по-видимому, примиряют противостоящие системе силы, а на деле сметают или лишают почвы всякий протест во имя исторической перспективы свободы от тягостного труда и господства. Очевидно, что современное общество обладает способностью сдерживать качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты, новое направление производственного процесса и новые формы человеческого существования. В этой способности, вероятно, в наибольшей степени заключается исключительное достижение развитого индустриального общества; общее одобрение национальной цели, двухпартийная политика, упадок плюрализма, сговор между бизнесом и трудом в рамках крепкого государства свидетельствуют о слиянии противоположностей, что является как результатом, так и предпосылкой этого достижения»¹, — отмечает Г. Маркузе.

Продолжая общий ход размышлений представителей Франкфуртской школы о доминировании «инструментального разума» и скором наступлении «административно управляемого мира»

¹ Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. М., 2009. С. 9.

(“verwaltete Welt”), Г. Маркузе негативным образом оценивает роль прогресса технологий. В общем контексте ему скорее принадлежит роль силы, порабощающей отдельного человека и социум в целом. Описание современного капитализма, сделанное представителями Франкфуртской школы, теоретикам операизма не казалось адекватным. Операисты считали, что гегельянский марксизм франкфуртцев с его особым акцентом на проблематике «отчуждения» верно описывал доминировавший с первой четверти XX века фордистский (тейлористский) тип капитализма, который стремительно уходит в прошлое.

Фредрик Тейлор в работе «Принципы научного менеджмента», вышедшей в 1911 году, предложил новую систему научной организации труда. Он полагал, что быстрого роста эффективности производства можно добиться за счет тотальной стандартизации. Производственный процесс необходимо разделить на мелкие операции и обучить работников быстрому и четкому их выполнению. Аналогичные принципы воплотил в жизнь Генри Форд на своих автомобильных заводах: внедрялось множество новых практик управления и организации производства, ключевыми из них стали централизация, повсеместная стандартизация (конвейерная сборка), концентрация производственных активов. Эта модель, названная фордизмом, достигнув успеха в своей сфере, быстро распространилась на другие секторы экономики. Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своих работах доказывают, что принципы фордизма стали главенствующими и в современной культуре, особенно массовой.

В конце 1960-х годов в Италии была опубликована работа К. Маркса «Экономические рукописи 1857–1859 годов», более известная под названием “Grundrisse”. Толчком к развитию теории операизма послужил «Фрагмент о машинах», в котором К. Маркс писал: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания. Развитие основного ка-

питала является показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним: до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»¹.

Операисты полагают, что именно развитие теории Маркса о «всеобщем интеллекте» (“general intellect”) позволяет наиболее адекватно описать социальную динамику и основные противоречия новой модели капитализма, которую они называют постфордизмом или семиокапитализмом. Операисты считают, что у трансформации экономической структуры современного капитализма есть несколько причин.

Главная из них — это качественное изменение самого процесса труда и появление «массовой интеллектуальности», совсем не похожей на традиционный рабочий класс. Уже в конце 1960-х годов Серджио Болонья опубликовал серию статей, в которых акцентировал внимание на трансформации процесса производства и появлении нового типа рабочих. Другой операист, Ф. Берарди, назвал эту новую генерацию рабочих когнитариатом. По его мнению, когнитарий не может быть полностью интегрирован в существующие политические структуры, поскольку он не принимает трудовую этику прошлого, отказывается в доверии существующим профсоюзам, коммунистическим и рабочим партиям.

«Постфордизм в Италии возникает в результате волнений временной, подвижной, получившей начальное образование рабочей силы, которая ненавидела этику труда и иногда диаметрально противопоставляла себя традиции и культуре исторического левого движения, осуществляя решительный разрыв с рабочими конвейера, с их обычаями и нравами, с их жизненным укладом. Постфордизм начался с конфликтов, воплощавшихся в социальных фигурах, которые, несмотря на маргинальность, превращались в настоящую опору нового цикла капиталистического развития»², — отмечает П. Вирно.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 215.

² Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013. С. 124.

Этот феномен операисты называют «кризисом общества труда», основным орудием производства теперь являются не физические усилия рабочего, а его знания, коммуникативные способности и даже эмоции. Именно эти сложно формализуемые знания, ранее не задействованные в трудовой деятельности, включаясь в “general intellect”, становятся основной производственной силой.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ПОСТФОРДИЗМА

...каждому типу общества можно найти соответствие с типом машины: простые или динамичные машины соответствуют обществам суверенитета, энергетические машины — дисциплинарным обществам, кибернетические машины и компьютеры — обществам контроля¹.

Ж. Делез

За последние несколько десятилетий экономическая система постфордизма трансформировала структуру производства, основные характеристики труда, механизм взаимоотношений между работодателем и работником. Для того чтобы проанализировать произошедшие изменения, необходимо обратиться к работам социологов Л. Болтански и Э. Кьяпелло, в частности к книге «Новый дух капитализма»². По их мнению, современный глобальный капитализм функционирует совсем не на тех основаниях, которые были описаны Максом Вебером в знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма». Л. Болтански и Э. Кьяпелло описывают три этапа трансформации «духа» капитализма, имеющие как разное ценностное содержание, так и непохожую организационную структуру. В конце XIX века основой капитализма были небольшие фирмы семейного типа. В 1930–1970-х годах главную роль играли большие индустриальные заводы и фабрики, нацеленные на производство

¹ Делез Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004. С. 222.

² См.: Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. О. Волчек [и др.]. М., 2011.

стандартизированных товаров для масс. В 1980-е годы ведущую роль взяли на себя небольшие фирмы, которые производили товары, обладающие культурной и эстетической составляющей.

По мысли Болтански и Кьяпелло, капиталистическая система успешно развивалась и преодолевала кризисы за счет трех глобальных трансформаций. Она каждый раз успешно интегрировала и перерабатывала критику, которая сопровождала ее на разных этапах. Болтански и Кьяпелло назвали феномен нейтрализации критики «циклами включения». «Циклы включения, образующиеся в рамках капитализма, играют на смешении этих двух различных значений, в результате чего может показаться, что капитализм идет на уступки и устремляется к большему освобождению — в первом значении этого понятия, вновь приобретая при этом свою способность к контролю и ограничивая доступ к освобождению во втором значении»¹.

В истории каждый из трех этапов развития капитализма представлял собой определенный набор ценностей и приоритетов, делающих его привлекательным для предпринимателей, работников и всего общества. Он вовлекает людей, принося им удовлетворение от своей деятельности, в итоге продлевая свое существование до момента появления нового списка претензий. Основой «циклов включения» является разное понимание процессов экономического и социального освобождения. «Рассуждения об освобождении с самого начала были одной из главных составляющих духа капитализма. С самого начала предложенная капитализмом форма освобождения обретала смысл в основном в связи с противопоставлением “традиционных обществ”, которые определялись как общества угнетения, “современным обществам”, которые только и могли обеспечить самореализацию индивида»².

Первый «дух капитализма» во второй половине XIX века в полутрадиционных обществах предлагался как строй, эмансипирующий от архаичных связей, предоставляющий большую степень личной автономии, не имеющей фиксированной свя-

¹ Болтански Л., Кьяпелло Е. О каком освобождении идет речь? // Неприкосновенный запас. 2003. № 3 (29). С. 85.

² Там же. С. 86.

зи с определенной территорией. Они строились по принципу «града домашнего» (термин Болтански и Кьяпелло), в них ценилась преданность владельцу фирмы. Болтански и Кьяпелло характеризуют первый «дух капитализма» как «тип расширения формальных возможностей выбора типа социальной принадлежности, который теперь определялся в связи с местом жительства и профессией, вместо того чтобы, как раньше, привязываться от рождения к определенному месту и сословию»¹. На этом этапе стихийные силы рынка труда оказываются тем механизмом, который благоприятствует реализации исторически сложившегося на данном этапе понимания идеала свободы. Параллельно с первым этапом развития капитализма возникает и его критика, причем она разворачивается сразу по двум направлениям. С одной стороны, выдвигаются обвинения в использовании жестких дисциплинарных методов контроля в процессе производства. С другой — критики ставят под сомнение возможность создания устойчивого общественного строя на основе ничем не сдерживаемых эгоистических устремлений индивидов.

Главный недостаток первого «духа капитализма» — он генерирует «одинокость, на которое обрекает их отрыв от корней, способствует развитию конкуренции всех со всеми — ведь важнее всего продать свою рабочую силу. В результате этой конкуренции цена на рабочую силу падает и рабочие вынуждены жить в таких условиях, когда продолжительность рабочего дня, подчинение фабричной дисциплине и низкий уровень зарплаты никоим образом не способствуют проживанию собственно человеческой жизни, определяющейся как раз самостоятельностью и множественностью жизненных занятий. Вместо обещанного освобождения — новая форма рабства»².

Первые требования, выдвинутые зарождающимся рабочим движением: сократить продолжительность рабочего дня, чтобы рабочим было достаточно времени для семьи и саморазвития. Капитализм нейтрализовал часть критики за счет внедрения элементов планирования и улучшения условий труда и жизни

¹ Болтански Л., Кьяпелло Е. О каком освобождении идет речь? С. 86.

² Там же. С. 89.

рабочих, налаживания первых механизмов социальной защиты. На этом этапе стабильная занятость и система социальных гарантий воспринимались трудящимися как механизмы защиты от хаоса нерегулируемого рынка.

Период легитимности второго «духа капитализма» продлился до 1960-х годов, к этому моменту у критиков появились новые аргументы. В той части нашей работы, в которой анализировались события в Италии 1970-х годов, мы упоминали кризис фордизма, выразившийся в волнениях на европейских автомобильных заводах. Появился новый тип рабочего, ценности и приоритеты которого очень отличались от ценностей коллег старшего возраста. Ими система социальных гарантий, полная занятость воспринимались как одна из форм социального отчуждения. «Это были молодые техники-рабочие и северно-южные мигранты в Италии, низовые активисты профсоюзов промышленности Японии и Южной Кореи, иностранные рабочие в ФРГ и во Франции, черные конвейерные рабочие Детройта, а также участники восстаний сельскохозяйственных рабочих и крестьянских бунтов Юго-Восточной Азии, пролетарии Чили, молодые рабочие на востоке Центральной Европы. Все они породили кризис: кризис роста издержек, связанных со стоимостью рабочей силы, а также кризис веры в интегрирующую силу управляемых социальным государством структур модернизации и планирования»¹.

Этот кризис управляемости подтолкнул экономическую систему к новой трансформации. Третий «дух капитализма» нашел свое выражение в новых формах организации предприятий: с середины 1970-х годов произошел отказ от фордистского принципа централизованной, иерархической организации труда. Новый «дух капитализма» использовал элементы анархистской риторики контркультуры 1960-х для критики кейнсианской модели экономики. Ослабление государственного контроля в экономике и демонтаж структур социального государства идеологи неолиберализма представили как процесс социального освобождения.

¹ *Пом К.* Глобализация. Автономное действие. URL: http://www.avtonom.org/lib/theory/rot_globalisation.html (дата обращения: 19.01.2013).

Один из примеров нового менеджмента, основанного на сетевых креативных компаниях, описан в книге Й. Риддерстраля и К. Нордстрёма «Бизнес в стиле фанк» (“Funky Business”). Интересно, что за основу в книге взята идея Делеза и Гваттари о машинах желания, которые, по мысли авторов, и есть олицетворение нового типа бизнесмена. Его главные средства производства — желание и интеллект. Журнал “Business Week” включил эту книгу в пятерку лучших в своем рейтинге, многие эксперты называют ее эталоном философии ведения бизнеса в условиях современной постиндустриальной экономики. Основная идея книги — в нынешних условиях, когда все большее значение в экономике играет «человеческий капитал», умение креативно мыслить, крупные компании неспособны справедливо и эффективно использовать такие ресурсы.

Возвращаясь к критике, которую нейтрализовал постфордизм, можно вспомнить, что одним из лейтмотивов протестной волны 1960-х была критика неаутентичного бытия человека в массовом обществе, унификации, отчуждения в личной жизни, отсутствия свободы самовыражения. Болтански и Кьяпелло называют это «художественной критикой». Ответом системы стал новый тип потребления, основанный на внимании к различным стилям жизни, с приоритетом к нестандартным товарам, имеющим культурный и эстетический бэкграунд. Тяга нового поколения к большей мобильности, умножению видов деятельности оказалось мощным источником идей для еще большего количества продуктов и услуг.

Новые экономические структуры сетевого типа основываются на инициативе работника и его автономии на рабочем месте. Посредством сетевого соединения происходит организация работы в форме свободных коллективов или краткосрочных разовых проектов. Особенностью постфордистской эры являются небольшие предприятия с гибкой децентрализованной формой организации труда. Болтански и Кьяпелло описали новый этап на материале учебников по менеджменту, вышедших в 1980–1990-е годы, авторами которых часто были «бунтари шестидесятых», ставшие впоследствии бизнесменами.

Неслучайно Кремниевая долина (Silicon Valley), где сконцентрированы высокотехнологичные компании, возникла около Сан-Франциско — эпицентра молодежной контркультуры 1960-х. Эту корреляцию можно проследить по биографии наиболее известного предпринимателя последнего времени — Стива Джобса. «Кремниевая долина имеет децентрализованную систему производства, организованную вокруг региональных сетей. Подобно фирмам в Японии и частично в Германии и Италии, компании Кремниевой долины привлекают местный опыт и связи для создания новых рынков, продуктов и приложений. Эти специализированные фирмы интенсивно конкурируют, в то же время обучаются друг у друга, как менять рынки и технологии. Насыщенный социальными сетевыми структурами регион, открытый рынок труда стимулируют экспериментаторство и предприимчивость. Границы между фирмами проницаемы, так же как между фирмами и местными учреждениями, такими как торговые ассоциации и университеты»¹.

Болтански и Кьяпелло следующим образом описывают внутреннее устройство новых предприятий сетевого типа и те принципы, на которых они основаны. «Вынесение части деятельности за пределы предприятия, приумножение внутри предприятия структурных подразделений с финансовой самостоятельностью, добровольных кружков контроля за качеством или новых форм организации труда оказались в некотором смысле как нельзя кстати в удовлетворении требований независимости и ответственности, которые настойчиво раздавались в начале 1970-х годов. Управленцы, выделенные из иерархических структур, возглавляют “структурные подразделения с финансовой самостоятельностью” или реализуют собственные “проекты”, а рабочие, освобождаясь от расписанных по минутам форм труда на конвейере, видят, как возрастают уровень их ответственности и признание их способности действовать независимо, проявляя в своей деятельности творческие способности»².

¹ Landa M. de. Economics, Computers and the War Machine. URL: <http://www.t0.or.at/delanda/netwar.htm> (дата обращения: 19.12.2012).

² Болтански Л., Кьяпелло Е. О каком освобождении идет речь? С. 89.

В условиях экономики постфордизма происходит трансформация труда. Если фордизм использовал в производственных процессах в основном физическую силу работника, то постфордизм задействует его коммуникативные, аффективные способности. Постфордизм подчиняет своей машине производства доиндивидуальную реальность (термин Симондона), состоящую из языка, эмоций, воображения. Итальянский экономист М. Лаззарато называет такой труд нематериальным и отмечает: «...сегодня труд (зависимый, наемный, производящий прибавочную стоимость) является взаимодействием. Трудовой процесс уже не является безмолвным, а становится говорящим. “Коммуникативное действие” теряет свое привилегированное или даже исключительное место в сфере этико-культурных отношений и политике, оно больше не находится по ту сторону материального воспроизводства жизни. И наоборот, диалогическое слово обосновывается в самом сердце капиталистического производства»¹.

Основными отраслями, в которых такой труд был задействован, стали реклама, дизайн, мода, производство компьютерных программ. Основным продуктом нематериального труда — не сама вещь, а ее культурная, эстетическая или информационная составляющая. Поэтому стоимость многих современных товаров зависит не столько от себестоимости материалов, из которых он произведен, а от известности бренда. «Товар, производимый нематериальным трудом, отличается тем, что он не только не уничтожается в процессе потребления, но, напротив, набирает силу, преобразуется и формирует “идеологическую” и культурную покупательскую среду»².

В отличие от физического труда, который был сконцентрирован на заводах и фабриках, нематериальный труд не нуждается в четкой территориализации. Постепенно стирается грань между рабочим временем и отдыхом. Важным аспектом постфордизма является постулат, что каждый человек — предприниматель,

¹ Лаззарато М. Нематериальный труд // Художественный журнал (ХЖ). 2008. № 69. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 14.12.2012).

² Там же.

каждый должен стать ответственным субъектом, несущим ответственность за все риски. На начальном этапе постфордизм привлек работников. Вскоре обнаружилось, что обещания освобождения оказались лишь временными и частичными. Формальная свобода, данная рабочим, как оказалось, не избавила их от еще более изощренных форм принуждения.

«В 1990-е годы подъем сетевого типа производства и распространение либертарианской киберкультуры создали условия для альянса между финансовым капитализмом и когнитариатом. На пике “информационной экономики” молодые интеллектуалы и ученые могли найти денежные средства для создания своего бизнеса, и начался процесс перераспределения доходов. Но этот альянс распался, когда криминальный правящий класс овладел новым технологическим потенциалом и подчинил его военной силе. “Информационная экономика” была поймана неолиберальной приманкой, и в первую декаду нового века интеллектуальный труд прекаризировался и принуждался соглашаться с различными формами экономического шантажа. Криминальный правящий класс поработил когнитариат: произошла фрактализация знания, доход снижался, а эксплуатация и стресс продолжали расти и расти»¹.

Новая «автономия» на рабочем месте для многих была вынужденной, они ее не выбирали. Теперь работодатель не обязан был платить работнику постоянно, он привлекал его временно для выполнения отдельных проектов. Новые формы нестандартной занятости в научной литературе получили название прекаризации. Наиболее ярко логика прекаризации выражена в фигуре фрилансера. Процесс прекаризации у многих вызывает ностальгию по стабильной системе социального обеспечения, характерной для «государства всеобщего благоденствия».

Один из новейших способов дополнительной эксплуатации рабочих в условиях неолиберальной экономической системы — заемный труд (outstaffing). Наиболее широкое распространение заемный труд получил в развивающихся странах, где работают

---

¹ *Franco B.* Communism is back but we should call it the therapy of singularisation. URL: http://www.generation-online.org/p/fp_bif06.htm (дата обращения: 11.02.2013).

транснациональные корпорации (ТНК). Для максимизации собственной прибыли они используют разные уловки, особенно в условиях, когда правительство и профсоюзы не могут или не хотят оказывать противодействие. Под предлогом внедрения более гибкой системы занятости ТНК и многие крупные компании нанимают новых работников или осуществляют перевод своих сотрудников на работу, выстроенную на принципах аутсорсинга.

Модель заемного труда строится на том, что работник не состоит в штате компании, а направляется туда кадровым агентством, играющим в этом процессе роль посредника. Кадровые агентства заключают с компанией договор на поставку рабочей силы для выполнения тех или иных функций. Модель заемного труда используется многими работодателями, поскольку, требуя от рабочего выполнения всего перечня работ, они не несут за них никакой ответственности. Заемный труд увеличивает трудовую нагрузку, ведет к снижению заработной платы и ухудшению условий труда, лишает рабочих возможности объединения в целях борьбы за свои права. Заемный труд становится новым инструментом сверхэксплуатации рабочих, лишает их прав, которые были завоеваны в течение столетия борьбы. Работник попадает в полную зависимость к капиталу, его могут заставлять работать сверхурочно, при этом он может лишиться своей работы по любому капризу работодателя.

Теперь начальство не прибегает к прямому надзору за подчиненными, его заменил компьютерный контроль, который не так заметен, но в режиме реального времени позволяет осуществлять постоянное давление на работников. «Старые общества суверенитета использовали простые машины — рычаги, тяги, часы. Более поздние дисциплинарные общества оснастили себя машинами, использующими энергию вместе с пассивной опасностью энтропии и активной опасностью саботажа. Общества контроля имеют дело с машинами третьего типа — с кибернетическими машинами и компьютерами, пассивная опасность которых — зависание, а активная — пиратство и внедрение вирусов. Эта технологическая эволюция отражает на более глубоком уровне мутацию капитализма»¹, — отмечал Делез.

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 229.

Другая отличительная черта новой экономической эпохи — информализация. Если прекаризация — феномен, более распространенный в развитых странах, то информализация — главная характеристика рынка труда стран третьего мира. В последние несколько десятилетий неформальный сектор экономики рос быстрыми темпами. В странах третьего мира в неформальном секторе в основном работают жители трущоб, население которых непрерывно растет с середины 1970-х. Это произошло после того, как правительства под давлением Международного валютного фонда (МВФ) провели структурные реформы, связанные с отменой мер государственного контроля сельского хозяйства. В результате миллионы обедневших крестьян устремились в города, не имея возможности приобрести нормальное жилье, они селились на окраинах во временных постройках из досок и фанеры. Кроме того, в 1980-е годы в Латинской Америке произошла маргинализация большей части среднего класса, они дополнили население трущоб.

По данным Международной организации труда, работники неформального сектора составляют около 50 % всей рабочей силы в Латинской Америке, более 70 % — в Тропической Африке, более 80 % — в Индии. Люди, занятые в неформальном секторе, могут иметь разный статус: самозанятые, работающие по найму, но без оформления договора. Работники неформального сектора лишены всех социальных гарантий, их рабочий день не нормирован, им постоянно угрожает безработица. Как только работодатель перестает нуждаться в их услугах, люди, занятые в неформальном секторе, моментально теряют работу. В Индии текстильная и швейная промышленность перешла от фабричного производства к модели, основанной на использовании труда домашних работников. Они, формально являясь частными предпринимателями, выполняют заказы крупных компаний на условиях сдельной оплаты труда. Такая децентрализация производства выгодна работодателям, поскольку полностью подчиняет работника интересам капитала.

В таких условиях затруднена работа традиционных профсоюзов, и самим работникам очень сложно солидарно бороться, не контактируя друг с другом. Происходит разрыв соли-

дарных связей с оставшимися промышленными рабочими, находящимися относительно занятых в неформальном секторе в привилегированном положении. «Один из самых серьезных вопросов касается непригодности профсоюзов: так как вся их история неразрывно связана с борьбой в условиях дисциплинарного общества и в рамках пространств изоляции, смогут ли они приспособиться к новым обстоятельствам и выработать новые формы сопротивления обществам контроля?»¹ — спрашивает Делез.

Неформальный сектор устанавливает новое гендерное неравенство, поскольку в странах третьего мира в нем заняты преимущественно женщины. В Юго-Восточной Азии и Латинской Америке около половины всех работоспособных женщин трудятся в неформальном секторе. В него активно вовлечены и дети. В швейном производстве Индии и Индонезии они, как правило, работают вместе с родителями. Неформальный сектор также опасен тем, что связан с криминальной, «теневой» экономикой.

---

¹ Делез Ж. Указ. соч. С. 232.

БРАЗИЛЬСКАЯ ПАРТИЯ ТРУДЯЩИХСЯ. МЕЖДУ ИДЕАЛИЗМОМ И ПРАГМАТИЗМОМ

После военного переворота, произошедшего 31 марта 1964 года, в Бразилии установился авторитарный режим, политическая власть оказалась сконцентрирована в руках военной верхушки. Такое положение не сразу, а только через десятилетие вызвало недовольство значительной части населения страны, начались акции протеста, которые достигли своего пика к середине 1970-х годов. В результате неослабевающего массового давления правящий режим во главе с генералом Эрнесту Гейзелем (1907–1996) начинает процесс постепенной демократизации. В стране восстанавливается реальная многопартийность, создаются легальные независимые профсоюзы, проводится амнистия политических заключенных, губернаторы штатов начинают избираться прямым голосованием.

Наиболее острая проблема бразильского общества — неравномерное распределение земли, 2 % латифундистов владеют 46 % территорий, наиболее пригодных для ведения сельского хозяйства. Это привело к тому, что в стране образовалась многочисленная армия безземельных работников — около 5 млн человек, которая не имеет средств к существованию. В 1970-е годы происходит радикализация сельской бедноты, протестная волна нарастает, их основное требование — радикальная аграрная реформа. Они требовали экспроприации земель латифундистов и передачи их для обработки наиболее обездоленным слоям населения.

В 1970-е годы на общей волне протеста против авторитарного режима начало формироваться Движение безземельных крестьян (Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra), окончательно за-

регистрированное в 1984 году. Разочаровавшись в умеренном курсе, активисты движения перешли к радикальным формам борьбы — захвату земель, их главный лозунг — «Занимай, сопротивляйся, производи!» После захвата земель на них организуются кооперативные хозяйства, строятся школы и больницы для бедных. Власти и латифундисты ответили на это жестокими репрессиями, по данным независимых исследователей, за несколько десятилетий жертвами незаконных расправ стали около 1700 безземельных работников. Земельная проблема существует и в городах, поскольку процесс урбанизации в Бразилии проходил неравномерно, десятки миллионов человек, не имевших возможности селиться в черте города, захватывали сопредельные территории. Так возникли огромные массивы трущоб (фавел), ставшие зонами социальной маргинализации и перманентной криминогенной ситуации.

1978–1979 годы в Бразилии прошли под знаком забастовок трудящихся металлургических предприятий в Сан-Паулу, ведущую роль в организации рабочих стали исполнять новые профсоюзы. Они не были подчинены традиционным левым, социал-демократам или коммунистам. Лидером профсоюзов нового типа стал Луис Инасио да Силва — «Лула», рабочий активист, отсидевший несколько лет в тюрьме в период преследования режима попыток самоорганизации трудящихся. Экономическое положение страны продолжало ухудшаться: разгул неконтролируемой инфляции, огромный внешний долг, высокий уровень безработицы и криминализация общества.

В январе 1979 года состоялся съезд новых профсоюзов, во время которого было предложено создать партию. Через год прошел учредительный съезд Партии трудящихся (ПТ) (Partido dos Trabalhadores), в котором приняло участие около тысячи делегатов. Помимо представителей социальных движений и профсоюзов, в ПТ вошли и некоторые организации традиционных левых, которые образовали так называемое «красное крыло». Среди них были: Социалистическая конвергенция (Convergência Socialista), Социалистическая демократия (Democracia Socialista), Революционная коммунистическая партия (Partido Revolucionário Comunista), Движение за возрождение пролетариата (Movimento

pela Emancipação do Proletariado), Коммунистическая бразильская революционная партия (Partido Comunista Brasileiro Revolucionário).

По замыслу создателей, новая партия должна кардинально отличаться от существующих в стране традиционных левых структур. Создание партии нового типа — своего рода эксперимент. Не пролетарская партия-авангард, а структура, демократичная изнутри, которая была бы открыта для взаимодействия с различными социальными движениями, профсоюзами и прогрессивными католическими активистами общин «теологии освобождения».

Феликс Гваттари с самого начала внимательно следил за развитием политической борьбы в Бразилии. После подъема «консервативной волны» во Франции и других западных странах многие левые интеллектуалы обратили свой взор на Латинскую Америку, где в это же время Сандинистский фронт национального освобождения вел вооруженную борьбу с диктатором Анастасио Сомосой.

В 1982 году Ф. Гваттари наконец смог посетить Сан-Паулу, где принял участие в многочисленных дискуссиях с местными психоаналитиками, политическими и гражданскими активистами. В рамках этой поездки состоялась и его встреча с Лулой и другими ключевыми фигурами ПТ. Во время беседы Лула объяснил необходимость создания новой организации тем, что традиционные левые в своем реальном отношении к рабочим мало чем отличаются от своих идеологических противников. «Как только рабочий класс начинает протестовать, демонстрирует способность и желание действовать самостоятельно, правые, ортодоксальные левые и либералы объединяются для того, чтобы не допустить его самоорганизации»¹.

Проблема создания нового типа политических структур занимает в трудах Феликса Гваттари одно из центральных мест. Возможно ли создать организацию, открытую и демократичную по своей структуре, преодолеть проблему бюрократизации тра-

¹ *Genosco G. The Party without Bosses: Lessons on Anti-Capitalism from Félix Guattari and Luís Inácio 'Lula' da Silva. Semaphore Series. Winnipeg, 2003. P. 59.*

диционных левых партий и при этом не попасть в ловушку наивного анархизма? По его мнению, нужна новая политическая организация, способная адекватно ответить на вызовы неолитерализма. Поэтому анализ опыта ПТ по созданию «открытой» партии, трансверсально вовлеченной во все микрополитические процессы, имплицитно присутствует во многих статьях и выступлениях Ф. Гваттари.

«Он (Ф. Гваттари. — *Прим. авт.*) искал пути для преодоления тех ограничений, которые свойственны традиционным партиям рабочего класса <...> так же и тех, что характерны для небольших политических групп, ориентированных на отдельные проблемы (например, экологии. — *Прим. авт.*)»¹, — пишет Г. Геношко.

Партия трудящихся строилась как «открытая партия» с максимально демократичной внутренней организацией, ее основой стали ячейки, созданные по территориальному и производственному принципам. Обсуждение программных установок, текущей политики и планов на будущее происходило на партийных ассамблеях, которые предоставляли возможность высказать свое мнение рядовым активистам. Как отмечает журналист Д. Петрас, они «приходили на партийные ассамблеи, они могли свободно вступать в дискуссию с руководством, которое в свою очередь чувствовало свою ответственность за принимаемые решения, высказывания и участие или неучастие в массовых демонстрациях. Руководство было коллективным, в него были включены представители различных политических направлений, которые свободно отстаивали свою точку зрения, без ограничений, накладываемых партийной дисциплиной или страхом быть исключенными. Внешним наблюдателям, в частности известным американским социальным исследователям, внутрипартийная жизнь ПТ казалась «хаотичной». Все это позволило достичь больших успехов и привлечь новых активистов, волонтеров для повседневной политической работы и выборных кампаний, несмотря на общее враждебное отношение к партии со стороны всех основных средств массовой информации»².

¹ Genosco G. Op. cit. P. 19.

² Petras J., Veltmeyer H. Whither Brazil? URL: <http://petras.lahaine.org/b2-img/030321petras.pdf> (дата обращения: 01.02.2013).

На первом этапе ПТ стремилась преодолеть ограничения, существовавшие долгое время у традиционных рабочих партий. Сам Лула в интервью Ф. Гваттари заявил: «Очень важная проблема внутри ПТ — демистифицировать ту мнимую дистанцию, которая якобы разделяет интеллектуалов, студентов, жителей сельской местности и рабочих. ПТ объединяет людей, создает новый тип братских взаимоотношений, для того чтобы люди ощущали себя равными. Я верю, что одна из главных причин успеха ПТ — тот факт, что у нас нет разногласий, основанных на социальном положении или классовых корнях членов партии»¹. При общей марксистской ориентации внутри сосуществовали различные течения: социал-демократы, троцкисты, умеренные католические социалисты и радикальные сторонники «теологии освобождения». Помимо этого, в ПТ присутствовали экологические активисты, сторонницы социалистического феминизма и профсоюзы. В таких условиях четкой идеологии у партии быть не могло. В программных документах фигурировал термин «демократический социализм», при этом партия негативно оценивала модель СССР и социалистических стран Восточной Европы.

«Как отмечалось на страницах “PT. Boletim Nacional”, партия не может и не должна быть приверженцем “марксистской” теории, потому что абстрактного марксизма не существует. PT же может и должна выработать теорию преобразования бразильского общества, и эта теория будет охватывать не только марксистские традиции, но и другие течения революционной мысли. Становится все более очевидным, что в Бразилии не каждый хороший член нашей партии обязательно должен быть марксистом, однако каждый хороший марксист обязательно должен вступить в ряды PT»², — пишет З. В. Ивановский.

Многие исследователи сравнивали ПТ с польским профсоюзом «Солидарность», который появился и начал свою борьбу в это же время. Для этого были свои основания. ПТ неоднократ-

¹ Genosco G. Op. cit. P. 69.

² Ивановский З. В. Бразильской партии трудящихся — четверть века // Латинская Америка. 2005. № 4. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=184> (дата обращения: 01.02.2013).

но выражала свою поддержку «Солидарности» в период ее преследования, Лула во время поездки в Европу встречался с Лехом Валенсой.

В 1980-е годы программные установки ПТ провозглашали целью партии построение социалистического общества, основанного на низовой демократии, с активным вовлечением в политический процесс социальных движений. В краткосрочной перспективе ПТ выступала за дальнейшую демократизацию политического процесса, проведение свободных и прямых выборов и созыв Национальной конституционной ассамблеи, легализацию политических партий и независимых профсоюзов, отмену антизабастовочных законов. Если говорить о конкретных экономических действиях, то партия предлагала ввести мораторий на выплату внешнего долга, национализировать стратегически важные отрасли, взять под контроль государства финансы и банковскую систему, здравоохранение и образование, ввести прогрессивную шкалу налогообложения, резко повысив налог на крупную собственность. Активно взаимодействуя с Движением безземельных крестьян, ПТ поддерживало их предложения по радикальной аграрной реформе.

Благодаря широкой поддержке ПТ стала быстро расти и вскоре «...потеснила в политическом спектре традиционные левые и левоцентристские партии. В августе 1983 года по ее инициативе и под непосредственным руководством был создан Единый профцентр трудящихся (CUT), при этом ячейки партии, как правило, являлись ядром профсоюзных организаций. CUT включил в свой состав около 900 профсоюзов, в том числе 11 федераций, а его влияние постепенно выходило за пределы Сан-Паулу и охватывало большинство штатов»¹. Партия смогла привлечь профсоюзы на свою сторону за счет продуманной стратегии диалога, она не стремилась полностью подчинить себе рабочее движение, уважая его независимость. Несмотря на это, в рамках легального политического процесса ПТ оставалась частично изолированной, поскольку достаточно влиятельное левое крыло выступало против любых соглашений с правящим классом и представляющими его интересы партиями. На частично свободных

¹ Ивановский З. В. Указ. соч.

выборах 1982 года партия получила 3,5 % голосов во время выборов в нижнюю палату парламента и 3,6 % при выборах в Федеральный сенат. Столь скромный результат не соответствовал реальному влиянию партии в обществе, исходя из этого, радикально левое крыло выступало за расширение непарламентских форм борьбы.

В начале 1985 года произошло важнейшее событие: по итогам выборов была восстановлена полноценная система представительной демократии, ликвидирована коллегия выборщиков, принято решение избирать президента страны, мэров городов всеобщим прямым голосованием. В первую правящую коалицию вошли Партия бразильского демократического движения (Partido do Movimento Democrático Brasileiro) и Партия либерального фронта (Partido da Frente Liberal). Следующие несколько лет в стране шло активное обсуждение проекта новой конституции, ПТ вместе с союзниками из числа социальных движений сосредоточилась на проведении массовых акций с целью давления на консервативное по составу Учредительное собрание.

Новая конституция страны была принята 5 октября 1988 года, в ней были закреплены все основные демократические завоевания. Бразилия стала федеративной президентской республикой, были существенно расширены права штатов и муниципий. Либерализация партийного и электорального законодательства способствовала фрагментации партийного пространства, происходили частые расколы, в результате которых возникали новые партии.

В то же время либеральные экономические реформы, проведенные правящей коалицией, ухудшили общую ситуацию, начала расти волна недовольства. Партия трудящихся инициировала множество массовых акций протеста и потребовала отставки президента и досрочного проведения выборов. Авторитет правящей коалиции резко упал, на этом фоне ПТ добилась первых успехов: на муниципальных выборах 1988 года она одержала победу в 32 муниципалитетах, выдвинутые ею кандидаты заняли кресла мэров в трех городах.

Локальные успехи на выборах серьезно ситуацию не изменили, победившие кандидаты от ПТ были существенно ограниче-

ны и не могли проводить на местах альтернативную экономическую политику. «Как отметил впоследствии один из ветеранов РТ, известный экономист П. Зингер, “рядовые члены партии” ожидали, что товарищи, находившиеся “у власти”, смогут осуществить революцию в руководимых ими городах, направив все имевшиеся в их распоряжении средства на нужды самых обездоленных. Рядовые партийцы игнорировали тот факт, что без парламентского большинства и массовой социальной поддержки резкая смена приоритетов была невозможна»¹.

В ноябре 1989 года состоялись президентские выборы, первый тур победителя не выявил, первое место занял Фернанду Колор ди Мелу (28,5 %), лидер Партии национальной реконструкции (Partido da Reconstrução Nacional), второе место — Лула да Силва (16,1 %). Ф. Колор ди Мелу шел на выборы с неолиберальной программой, предусматривающей дерегулирование экономики, приватизацию крупнейших предприятий и создание благоприятных условий для прихода в страну транснационального капитала. Лула во время кампании придерживался пунктов, которые были обозначены ПТ еще в начале 1980-х (госконтроль финансов и банковской системы, мораторий на выплату внешнего долга, аграрная реформа). Перед вторым туром Лулу поддерживали Партия бразильской социал-демократии (Partido Democrático Trabalhista) и отдельные члены Социально-демократической партии (Partido Democrático Social). Несмотря на это, во втором туре победил Ф. Колор ди Мелу, набравший 53 % голосов, итоговый результат Лулы — 47 %.

Одной из причин поражения Лулы на выборах стало враждебное отношение к нему основных средств массовой информации, находившихся под контролем правоконсервативных сил. Начали трансформироваться образ Лулы и его риторика. Размышляя об итогах президентских выборов, он заметил: «Я показывал Лулу как бывшего помощника красильщика, бывшего токаря, бывшего профсоюзного лидера, бывшего заключенного, одним словом, такого же бразильца, как и все... Однако оказалось, что рабочие сделали прямо противоположные выводы: никто не хотел быть таким бразильцем, как я. Они хотели

¹ *Ивановский З. В. Указ. соч.*

быть бразильцами с университетским дипломом, с лучшими жилищными условиями, с лучшей интеллектуальной подготовкой и чтобы лучше было качество жизни»¹.

В конце 1980-х Партия трудящихся становится менее радикальной, претерпевает трансформации и внутренняя структура. Более умеренное социал-демократическое крыло, ориентированное на парламентские формы борьбы, постепенно берет под контроль партийный аппарат. Избранные на ассамблеях руководители среднего звена замещаются назначаемыми сверху функционерами, многие рядовые активисты, несогласные с ростом бюрократизма, уходят. В 1990 году ПТ покинули две троцкистские группы «Рабочее дело» (“Causa Operária”) и «Тенденция за революционную рабочую партию» (“Tendência pelo Partido Operário Revolucionário”). Внешние наблюдатели не сразу заметили перемены, Д. Петрас отмечает, что они «продолжали писать о ПТ, как будто она оставалась горизонтальной партией с развитой низовой демократией, путая дискуссии внутри партийного аппарата разных фракций (левой, правой, центристской) с существовавшими до открытыми обсуждениями на народных ассамблеях»².

В 1989 году в городе Порту-Алегри после победы ПТ на местных выборах начал осуществляться интересный эксперимент. Необходимо отметить, что в Порту-Алегри к власти пришли представители радикального левого крыла партии. Они предложили новую систему разработки и реализации бюджетной политики, которая предусматривала непосредственное участие горожан в процессе принятия важнейших решений, — партисипативный бюджет (participatory budget). Шестнадцать районных форумов Порту-Алегри собирали открытые ассамблеи, которые в дальнейшем избирали делегатов для обсуждения приоритетных направлений городских расходов³.

Обсуждение бюджета на следующий год начинается в апреле и проходит в несколько этапов. Сначала проходят собрания

¹ Ивановский З. В. Указ. соч.

² Petras J., Veltmeyer H. Op. cit.

³ Подробнее об опыте «партисипативного бюджета» в Порту-Алегри см.: Bruce I. The Porto Alegre Alternative: Direct Democracy in Action. L., 2004.

на уровне микрорайонов, здесь заинтересованные местные жители высказывают мнение о приоритетных направлениях бюджетной политики. Их предложения суммируются, сортируются по категориям и в июне на втором этапе официально докладываются администрации и выносятся на обсуждение районного бюджетного форума. Он после обсуждения и голосования формирует перечень приоритетов, который выносится на региональный бюджетный форум и в муниципальный бюджетный совет. На этом этапе администрация города вносит свои предложения, при этом форуму принадлежит решающий голос. Согласно уставу Порту-Алегри, бюджет должен быть утвержден городской ассамблеей до 30 сентября.

Помимо этого, делегаты ассамблей имеют возможность контролировать выполнение ранее утвержденных проектов. Как показывает практика, основные программы, которые получали финансирование, были связаны с развитием инфраструктуры на городских окраинах. Этот эксперимент в Порту-Алегри служит наглядной иллюстрацией идеи трансверсальности Ф. Гваттари, когда иерархическая система управления дополняется за счет системы горизонтальных инициатив.

Эксперимент левого крыла не был поддержан всей партией и не получил распространения в стране. Д. Петрас связывает это с дальнейшей трансформацией внутренней структуры и социального состава ПТ. «К середине 1990-х подавляющее большинство мест в партийном аппарате заняли назначаемые функционеры, юристы, государственные служащие, университетские профессора и другие представители среднего класса. Активисты-волонтеры исчезли или были маргинализированы, партия отказывалась от массовой борьбы в пользу кабинетной работы и налаживания контактов с бизнесом, поиска союзников в широком спектре лево- и правополитических партий»¹.

Неолиберальные экономические реформы, проведенные в период президентства Ф. Колор ди Мелу, не улучшили положение страны, а, наоборот, усилили социальную поляризацию общества. В таких условиях политики, открыто провозглашающие курс на дальнейшее углубление неолиберальных

¹ Petras J., Veltmeyer H. Op. cit.

преобразований, шансов на победу не имели. Произошел еще один фундаментальный сдвиг: политика благоприятствования транснациональным компаниям, проводившаяся президентом и его союзниками по правящей коалиции, подорвала положение национального капитала. В попытках исправить ситуацию президент все более двигался в сторону социал-демократических партий, обещавших ему защиту.

На президентских выборах 1994 года главным соперником набравшего популярность Лулы стал известный экономист и социолог Фернандо Кардозо. Его кандидатура была выдвинута Партией бразильской социал-демократии (Partido da Social Democracia Brasileira). Ф. Кардозо стал известен как один из авторов концепции «зависимого развития», согласно которой экономическая неразвитость периферийных стран — прямое следствие их интеграции в мировую капиталистическую систему. В ней они неизбежно становятся поставщиками ресурсов и капитала для развитых стран. Разорвать зависимость можно за счет усиления государственного контроля над экономикой и финансами, национализации стратегических отраслей и субсидирования национального производителя. Именно эти постулаты стали основой предвыборной программы Ф. Кардозо.

За счет своего научного авторитета и известности Ф. Кардозо смог одержать победу уже в первом туре голосования, набрав 54,3 %, Лула занял второе место, за него проголосовали 27 % избирателей. После выборов ПТ, по мнению Д. Петраса, начинает превращаться в персоналистскую партию, организованную вокруг личности Лулы, реальная власть сосредоточивается в руках небольшой группы его приближенных. Окончательно меняется и подход ПТ к предвыборной борьбе: партия принимает правила игры и включается в битву политтехнологий. У нее появляется свой штаб PR-специалистов, имиджмейкеров, для финансирования этого направления партия сближается с вчерашними противниками из числа политической элиты и бизнеса.

Став президентом страны, Ф. Кардозо, несмотря на все предвыборные обещания, продолжил неолиберальный курс своих предшественников. В частности, была продолжена приватизация государственной собственности. Новый президент несколь-

ко увеличил расходы на социальные программы, но социальная поляризация сохранялась, не предпринималось серьезных попыток провести аграрную реформу.

На этом фоне продолжается молекулярный процесс самоорганизации различных социальных движений. Движение безземельных крестьян расширяет свою деятельность, его отделения теперь активно действуют в 23 штатах страны. Проводятся массовые акции протеста и организуются марши на столицу, активисты движения продолжают радикальную политику захвата земель. Движение поднимает проблемы сохранения окружающей среды, выступает против распространения генномодифицированных продуктов.

Практические действия Движения безземельных крестьян осуществляются в русле микрополитики, по Ф. Гваттари. Существовало четкое понимание: глобальные изменения возможны, если первоначально прогрессивные перемены изменят соотношение сил на микросоциальном уровне. «Власть растворена во множестве форм, начиная с дома, и охватывает сообщества и общество в целом. Она присутствует в школе, церкви и средствах массовой информации, так же как и в государстве. Это то, чему мы научились у итальянского марксиста Антонио Грамши. Изменения должны быть осуществлены в основе общества. Наша критика в отношении ортодоксальных левых партий заключается в том, что они видят власть только в президентском дворце. Но смена хозяина дворца не решит фундаментальных проблем общества. В то же время мы не должны попасть в ловушку представления, будто проблема только в семье или деревне и что нам не придется беспокоиться о правительстве»¹, — отмечает один из лидеров движения Ж. П. Стедиле.

В 1997 году жители фавел, самоорганизовавшись, создали Движение бездомных рабочих. Действуя по примеру крестьян, они захватили пустующие здания и земли на окраинах городов, потребовав права на проживание там. Социальную базу движения составили работники неформального сектора, не вписывающиеся в структуру традиционных профсоюзов.

¹ *Стедиле Ж. П.* Движение безземельных крестьян, Бразилия и борьба за землю. URL: http://scepssis.net/library/id_2489.html (дата обращения: 01.02.2012).

Во время президентства Ф. Кардозо фракции внутри ПТ не всегда могли выработать единое мнение по поводу отношения к его политике. Умеренное крыло выступало за поддержку отдельных инициатив президента и правительства, радикалы призывали к проведению массовых акций протеста. Этот конфликт стал очевидным во время ожесточенных дискуссий на партийном съезде 1997 года. На фоне роста недовольства населения предложения радикального крыла были одобрены руководством, и ПТ вместе с Единым профцентром трудящихся (Central Unica dos Trabalhadores) и союзными социальными движениями формирует единую левую оппозицию к президентским выборам 1998 года. Но победить на них Луле не удалось, он снова проиграл Ф. Кардозо, набрав 31,7 % голосов.

Вновь избранный президент столкнулся с новыми экономическими проблемами, в стране разразился финансовый кризис, продолжал увеличиваться внешний и внутренний долг. В этой ситуации руководство ПТ проводит курс на расширение социальной базы партии. Для привлечения бизнес-кругов и среднего класса партия отбрасывает наиболее радикальные лозунги, стремясь выглядеть более респектабельно. «Отсылки к марксизму и социализму исчезают даже из публичной риторики, снимается лозунг о моратории на выплату внешнего долга. Лидеры партии переходят на позицию социал-либерализма, совмещая ее с популистской риторикой заботы о бедных, попутно выстраивая альянс с неолиберальными бизнес-группами, банкирами и агроэкспортерами»¹, — пишет Д. Петрас.

Такая трансформация вызывает недовольство левого крыла, но открытые дебаты о партийной программе остались в прошлом, ПТ за прошедшие годы превратилась в традиционную бюрократическую организацию со строго вертикальной структурой управления.

К президентским выборам 2002 года Лула и ПТ подошли, имея имидж умеренных респектабельных политиков, от радикализма 1980-х годов не осталось и следа. Можно констатировать, что Партия трудящихся, погрузившись в электоральный процесс, постепенно отказывалась от тех принципов, на которых

¹ Petras J., Veltmeyer H. Op. cit.

была основана. Приняв правила игры, предлагаемые правящей элитой, она потеряла связь с массовыми низовыми движениями и стала традиционной парламентской партией, сосредоточенной исключительно на избирательном процессе. Эта тенденция усилилась, когда партия достигла первых успехов на выборах, внутри стали преобладать более умеренные центристские силы, партийный аппарат подчинил себе низовые ячейки. В таких условиях наличие небольшой внутренней левой оппозиции, сохранявшей контакт с социальными движениями, скрывало от внешнего наблюдателя произошедшую фундаментальную трансформацию.

В современной политической логике выборы, с дебатами, телевизионной рекламой, войной компроматов, не являются нейтральными, они машина субъективации и контроля. Ф. Гваттари хорошо понимал это. Описывая его позицию, М. Лаззарато отмечает: «На телевидении всегда есть опасность оказаться пойманным в ловушку господствующих смыслов и субъективаций, вне зависимости от того, что вы говорите или делаете. Вы говорите, но при этом рискуете не сказать ничего, что по-настоящему для вас важно. Все устройства высказывания в наших демократических обществах — опросы, маркетинг, выборы, политическое и профсоюзное представительство и так далее — представляют собой более или менее сложные версии этого расщепления субъекта, в соответствии с которым субъект высказывания должен быть замещен субъектом высказываемым. В качестве голосующего вас призывают выразить свои взгляды как субъекта высказывания, но одновременно вас озвучивают как субъекта высказываемого, ибо ваша свобода выражения сводится не более чем к выбору из предоставленных вам возможностей, заранее кодифицированных и стандартизированных. Выборы, как и опросы, маркетинг, политическое и профсоюзное представительство, подразумевают консенсус по вопросу, о котором с вами никто не советовался. Чем больше вы выражаете себя, говорите, чем больше вы взаимодействуете с машиной коммуникации, тем больше вы отказываетесь от того, что вы действительно хотели сказать, потому что коммуникационные механизмы отрывают вас от ваших собственных коллективных

устройств высказывания и втягивают в другие коллективные устройства»¹.

Перед выборами, не согласовав с партией, Лула сформировал альянс с Либеральной партией (Partido Liberal). Во время кампании Лула отклонил результаты референдума о выходе Бразилии из Межамериканской зоны свободной торговли (ФТАА), организованного Движением безземельных крестьян, католическими базовыми христианскими общинами и небольшими левыми организациями. В референдуме приняли участие 11 млн человек, 95 % из них проголосовали против членства страны в ФТАА. В июне 2002 года он также согласился с планом жесткой экономии бюджетных средств, предложенным Международным валютным фондом, и предоставил гарантии транснациональному капиталу.

Во время выборов «основные усилия были направлены на привлечение центристского электората, главным образом средних городских слоев. С этой целью тогдашний председатель партии Ж. Дирсеу обеспечил преобладание в руководстве ПТ более умеренных политиков, заявил о европеизации партии. Для успокоения предпринимательских кругов и нейтрализации недружественных ПТ средств массовой информации в качестве вице-президента был выдвинут текстильный магнат Ж. Аленкар. За три месяца до выборов в «Письме к бразильскому народу», опубликованном партией, было заявлено о намерении осуществлять перемены в стране без нарушения экономической стабильности. Росту популярности ПТ среди различных слоев населения способствовали и ее требования перераспределить бюджет, отказаться от генетически модифицированных продуктов, обеспечить бесплатное использование компьютерных программ»².

В первом туре голосования Лула набрал 46,4 %, его соперник Ж. Серра — 23,2 %. Перед вторым туром в поддержку Лулы выступили кандидат от Бразильской социалистической партии (Partido Socialista Brasileiro) А. Гаротиньо и выдвинутый Соци-

¹ *Лаззарато М.* Машина / пер. с англ. А. Скидана ; под ред. А. Пензина. URL: <http://eipcp.net/transversal/1106/lazarato/ru> (дата обращения: 01.12.2012).

² *Ивановский З. В.* Указ. соч.

листической народной партией (Partido Popular Socialista) С. Гомес. За счет этого Лула уверенно победил, набрав в итоге 61,3 % голосов. После прихода к власти Лула сделал ставку на политическую и экономическую стабильность и не стал предпринимать радикальных шагов, которых от него ожидали многие избиратели. Речь не шла о национализации стратегических предприятий, банковской системы, моратории на выплату внешнего долга и главное — проведении аграрной реформы.

Столь же умеренной и компромиссной была кадровая политика нового президента. Главой Центрального банка был назначен Энрике, ранее занимавший пост председателя американского банка “BankBoston”. Во время президентских выборов Э. Мейрелес поддерживал своего соратника по Бразильской социал-демократической партии (Partido da Social Democracia Brasileira) Ж. Серра. Такое назначение было частью общей стратегии Лулы по выстраиванию дружественного большинства в Национальном конгрессе. В итоге Лула и ПТ вошли в коалицию с Бразильской социал-демократической партией (Partido da Social Democracia Brasileira), Коммунистической партией Бразилии (Partido Comunista do Brasil), Бразильской социалистической партией (Partido Socialista Brasileiro), Социалистической народной партией (Partido Popular Socialista) и, что было неожиданно, с Либеральной партией (Partido Liberal). В рамках коалиционного соглашения были распределены министерские портфели.

В первые несколько лет правления администрация Лулы по совету МВФ провела реформу системы социального обеспечения, для того чтобы снизить дефицит бюджета. Кроме того, по нелиберальным образцам были реформированы пенсионная и налоговая системы. Подобная политика совершенно не согласовывалась с обещаниями, данными в предвыборный период. «Один из бывших соратников Лулы, К. Э. Карвальо, координировавший разработку предвыборной программы ПТ во время предыдущих выборов, заявил, что в политической истории Бразилии возник крупнейший электоральный парадокс: кандидат, избранный левыми, правит в интересах правых и с помощью правых. Перед страной стоит угроза

продолжения неолиберальной политики, которая потерпела поражение на выборах»¹.

Созданная в парламенте коалиция несколько раз разрушалась во время голосования за законопроекты, предусматривающие дальнейшее сокращение социальных расходов. В такой ситуации ПТ достигала договоренности с представителями правых партий. В то же время в первые годы наметились позитивные тенденции в экономике, например было «создано 2,4 млн новых рабочих мест, ежегодный прирост ВВП превысил 5 %, уровень инфляции сократился с 12,5 до 7,2 %. Несколько снизилась и доля внешнего долга в ВВП (с 55,5 до 53,7 %). В рамках программы борьбы с голодом были предоставлены субсидии свыше 6,5 млн семей. 106,7 тыс. мелких собственников получили земельные участки и помощь в рамках «Национальной программы развития семейного сельского хозяйства»².

Но главные проблемы оставались нерешенными, почти не продвигалась аграрная реформа. 24 июня 2003 года состоялась встреча президента с лидерами Движения безземельных крестьян, Лула заверил их в скором начале аграрной реформы и попросил проявить терпение. Не дождавшись обещанного, движение с удвоенной силой возобновило политику захвата земель, начался новый виток насилия. Помимо этого, крестьяне занимали пустующие корпуса бывших предприятий, во время одного эпизода был убит один из лидеров движения Сисеро Гуэдес.

Недовольство социальных активистов политикой президента и правящей коалицией постоянно нарастало. Так, «Движение безземельных крестьян назвало “сделкой с дьяволом” договор о совместном производстве биотоплива, подписанный Лулой и Бушем-младшим. По этому договору пахотные угодья страны будут использованы для выращивания “сырья” на “энергетические цели”³. Один из лидеров Движения безземельных крестьян Ж. П. Стедиле заявил: «Люди голосовали за Лулу, поскольку они верили, что он против неолиберализма. Однако, что-

¹ *Ивановский З. В.* Указ. соч.

² Там же.

³ *Никандров Н.* Бразилия не хочет прощаться с Лулой. URL: <http://www.tiwy.com/leer.phtml?id=4838> (дата обращения: 11.02.2012).

бы гарантировать свое избрание, Лула вступил в союз с неолиберальными слоями бразильской буржуазии и создал двойственное правительство. С одной стороны, есть правое крыло неолиберальных министерств. С другой стороны, есть такие, как, например, Министерство аграрной реформы, которые были отданы левым. В результате имела место постоянная борьба в обществе и правительстве. Многие безземельные считали, что решение их проблем придет вскоре после того, как Лула будет избран, но этого никоим образом не произошло»¹.

Лула за годы участия в политическом процессе полностью изменил свой имидж и риторику. От подвергавшегося арестам лидера боевого профсоюза он за несколько десятилетий прошел путь до уважаемого лидера в дорогом костюме, которому симпатизируют вчерашние враги, например президент США Джордж Буш-младший.

Недовольны Лулой и многие рабочие, его администрация не поддержала акции на CIPLA, INTEFIBRA, Flasko и в других местах, где трудовые коллективы брали предприятия под свой контроль. Они создали Движение «захваченных» предприятий (Movimento de Fábricas Ocupadas) и предложили правительству национализировать эти производства и узаконить практику рабочего контроля. Осталась нерешенной и проблема фавел, — по некоторым данным, за годы президентства Лулы их количество, наоборот, увеличилось. Процесс маргинализации жителей трущоб не остановлен, — например, власти Рио-де-Жанейро решили построить стену, которая отгородила бы уважаемые кварталы от депрессивных окраин.

Все вышеперечисленное спровоцировало новый конфликт внутри ПТ, из партии были исключены отдельные представители левого крыла из числа депутатов и сенаторов. Еще одна отколовшаяся от ПТ группа радикалов образовала Партию социализма и свободы (Partido Socialismo e Liberdade). Покинувшие партию представители левого крыла обвинили Лулу в предательстве интересов народа и идейном перерождении. В последние годы президентства администрацию сотрясали коррупционные скандалы, представитель Бразильской рабочей партии (Partido

¹ *Стедиле Ж. П.* Указ. соч.

Trabalhista Brasileiro) Роберто Джефферсон обвинил ПТ в покупке голосов сенаторов.

Несмотря на то что после Лулы новым главой государства была избрана его соратница Дилма Русеф и сам он покинул президентский дворец с достаточно высоким рейтингом, многие люди, поддерживавшие его в разные годы, были разочарованы. ПТ для интеллектуалов разных стран долгие годы служила примером, иллюстрирующим иной тип политической практики. В процессе борьбы за власть ПТ выбрала прагматичную стратегию и отказалась от первоначальных идей и принципов.

САПАТИСТЫ. ВОССТАНИЕ ПРОТИВ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Без сомнения, сапатистское восстание 1994 года явилось главной вдохновляющей силой антиглобалистского движения во всем мире. Оно, конечно же, было поворотным пунктом в процессе, который привел к демонстрации 1999 года в Сиэтле, сорвавшей встречу ВТО, после чего ВТО и по сей день не смогла оправиться. События в Сиэтле, в свою очередь, привели к созданию в 2001 году Всемирного социального форума (ВСФ), который стал главным местом концентрации антиглобалистских сил¹.

И. Валлерстайн

1 января 1994 года вооруженные отряды индейцев в масках численностью 3 тыс. человек заняли города Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас, Окосинго, Альтамирано и Лас-Маргаритас, расположенные на территории мексиканского штата Чьяпас. Дата выступления была выбрана неслучайно: в этот день вступал в силу договор НАФТА, предусматривающий создание зоны свободной торговли между США, Канадой и Мексикой. Соглашение НАФТА предоставляло ТНК право неограниченного доступа к нефтяным месторождениям и лесам, на которых проживают различные индейские общины. С балкона городской ратуши восставшие зачитали обращение, в котором назвали себя Сапатистской армией национального освобождения (САНО) и объявили войну правительству. Далее САНО после непродолжительной

---

¹ Валлерстайн И. Чего добились сапатисты? // Сайт журнала «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_1749.html (дата обращения: 01.02.2013).

осады завладела военной базой Ранчо Нуэво, пополнив запас своего вооружения. Следующим шагом стало освобождение из близлежащих тюрем политических заключенных.

Федеральное правительство для подавления восстания сапатистов задействовало армейские подразделения и авиацию. В результате наступления войск и авиаударов САНО в декабре 1994 года была вытеснена из городов и отступила горы Лос-Альтос. Правительство намеревалось полностью разгромить отряды сапатистов, но им этого сделать не удалось. САНО с первого дня восстания с помощью Интернета информировали мексиканскую и мировую общественность о целях своей борьбы. В поддержку сапатистов выступили гражданские организации, известные интеллектуалы, как в Мексике, так и во всем мире. В феврале 1995 года января в Мехико состоялся митинг с требованием прекратить военную операцию против САНО и начать мирные переговоры, в нем приняло участие полмиллиона человек. На митинге собравшиеся выразили солидарность с борьбой САНО, основной лозунг: «Мы все сапатисты!».

Президент страны и правительство были вынуждены отступить и начать переговоры, которые проходили в поселке Сан-Андрес. После продолжительных многоэтапных переговоров было подписано соглашение, по которому индейские народы получали право на автономию и самоуправление на населенных ими территориях. Кроме того, сапатисты требовали внести изменения в конституцию Мексики, для того чтобы закрепить в основном законе страны право индейских народов на свою культуру. Необходимо сразу заметить, что руководство страны в дальнейшем не выполняло основные договоренности, достигнутые в Сан-Андресе.

Несмотря на это, сапатисты добились прекращения военных действий и были признаны легальным субъектом политического процесса. Прежде чем рассмотреть особенности внутренней структуры и программы САНО, необходимо сделать краткий экскурс в историю, для того чтобы выявить причины выступления 1 января 1994 года, их связь с местной и глобальной социально-политической ситуацией.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов Мексика пережила волну студенческих волнений и радикального рабочего протеста. Начиная с 1973 года в стране набирала силу волна забастовок, возглавили протест новые профсоюзы. В 1976 году профсоюз работников электроэнергетики, объединивший новые профсоюзы других отраслей, крестьянские организации, сквоттеров, призвал к общенациональной стачке. Правительство ответило репрессиями, послало армейские подразделения на борьбу с протестующими. Выступление было подавлено. В целях нормализации положения в стране правительство увеличило финансирование основных статей социальной сферы. Для этого средства в бюджете были, поскольку постоянно росли мировые цены на главный экспортируемый Мексикой товар — нефть. В расчете на дальнейший рост цен на нефть государство осуществляло масштабные внешние заимствования. В 1979 году началось резкое падение цен на нефть, правительство покрывало бюджетный дефицит дальнейшими внешними займами. Мораторий на выплату задолженности, объявленный Мексикой в августе 1982 года, спровоцировал международный долговой кризис. Президент Лопес Портильо национализировал банковскую систему. К этому времени внешний долг страны составлял 92,4 млрд долларов.

С 1982 года Мексика оказывается в полной зависимости от МВФ, который согласился выделять новые кредиты только при условии проведения неолиберальных реформ (бездефицитный бюджет, контроль инфляции, отмена субсидий промышленности и сельскому хозяйству). В 1986 году Мексика присоединилась к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), эпоха экономического протекционизма подошла к концу. В результате отмены импортных пошлин и квот многие предприятия стали неконкурентоспособными и обанкротились. Период с 1982 по 1992 год в связи с постоянно ухудшающейся ситуацией в экономике получил название «Потерянное десятилетие».

Теперь рассмотрим недавнюю историю Чьяпаса и ситуацию, предшествовавшую выступлению САНО. В 1950-е годы с востока страны в Лакадонскую сельву Чьяпаса мигрировали индейцы племени чоли, изгнанные со своих земель в результате

расширения плантаций кофе. В дальнейшем индейский миграционный поток в Чьяпас продолжал расти, сюда из штата Оахака переместилась большая группа индейцев племени соке. К этому времени на территории Чьяпаса уже проживало много индейских племен, самые многочисленные из них: цельтали, цоцили и тохолабали. Не имеющие средств к существованию индейцы были вынуждены наниматься на работу к местным латифундистам, которые имели репутацию наиболее жестоких и кровавых во всей стране. С 1930-х годов латифундисты для подавления недовольства рабочих создавали собственные военизированные отряды — *Guardias Blancas*. В конце 1970-х — начале 1980-х все настойчивее звучали требования к правительству провести аграрную реформу. В 1980 году армейские подразделения совместно с *Guardias Blancas* провели карательную операцию на ферме около Комитана, которая была занята группой индейцев племени тохолабали. Жертвами незаконной расправы стали 50 человек. В период с 1982 по 1988 год губернатором штата Чьяпас был генерал Каstellанос, проводивший крайне жестокую политику в отношении индейцев. При его приемнике П. Гонсалесе ситуация не изменилась, армия и *Guardias Blancas* несколько раз расстреливали индейцев, рубивших деревья на территориях, принадлежащих латифундистам. В октябре 1992 года 10 тыс. индейцев прошли маршем протеста по улицам Сан-Кристовальде-Лас-Касас.

Говоря о ситуации в Чьяпасе на момент выступления САНУ, необходимо привести статистику: «...население составляет 3,5 млн человек. Здесь производится 55 % гидроэлектроэнергии, 35 % кофе и значительная часть мексиканской нефти, природного газа, ценной древесины, меда, крупного рогатого скота и кукурузы. Солидная доля этой продукции идет на экспорт, что приносит стране доход в валюте. 2/3 населения проживает в сельской местности, доход 90 % из них является минимальным или же просто нулевым. Более 40 % населения моложе 15 лет. Половина населения не обеспечена питьевой водой и 2/3 не имеют водопровода. Из 100 детей 72 не заканчивают начального школьного образования. 1,5 млн населения не получают никакого медицинского обслуживания. 0,2 медицинских пункта

на каждую тысячу жителей — в пять раз меньше, чем в среднем по стране. 54 % населения страдает от истощения, и среди индейцев (составляющих приблизительно 1 млн человек) голодает около 80 %»¹.

Для понимания феномена сапатизма необходимо проанализировать трансформацию политической практики и идеологии леворадикальных организаций в Мексике. В 1970-е годы в Чьяпасе активно действовали небольшие группы маоистов, наиболее известная из них — «Пролетарская линия» (“Linea Proletaria”), и последователи Э. Че Гевары из «Сил национального освобождения» (“Fuerzas de Nacional Liberacion”). При всем различии их стратегий они делали ставку на организацию партизанских подразделений для ведения в дальнейшем вооруженной борьбы с официальными властями. В их числе были и будущие сапатисты — это выпускники университетов, прибывшие в Лакандонскую сельву, чтобы по примеру соседних стран Сальвадора и Гватемалы создать свой партизанский отряд. Изначально они планировали обучать индейцев марксизму, но после первых попыток осознали ограниченность теории, мало внимания уделявшей проблемам крестьянства. Для классиков марксизма крестьяне — архаичное сословие, они не могут быть субъектами истории, всегда не ведущие, а ведомые. Сапатисты решают отказаться от догматической марксистской теории и глубже изучить историю, культуру, язык и обычаи индейских племен. В результате процесс идеологического синтеза, в ходе которого возникла оригинальная идеология сапатизма, занял десять лет.

Одна из отличительных черт САНО — внутренняя структура. Сапатисты создали совершенно новый тип политической организации, которая трансверсально преодолевает старые организационные структуры, идеологические доктрины и прежний модус политического действия. САНО совсем не похожа на традиционные партизанские движения Латинской Америки, участников которых исследователи называют геваристами. Их стратегию концептуализировал французский философ и соратник

¹ *Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка / пер. с исп. и вступ. ст. О. Ясинского ; сост. А. Цветкова, О. Ясинский. М., 2002. С. 6.*

Эрнесто Че Гевары Режи Дебре, который подробно проанализировал события Кубинской революции и других эпизодов партизанской борьбы леворадикальных групп против авторитарных режимов в Латинской Америке¹.

Хотя в САНО нет руководящей иерархической структуры, ее лидером с подачи журналистов считают таинственного субкоманданте Маркоса. Этот человек без прошлого, всегда носящий черную маску, стал для многих людей во всем мире символом сопротивления неолиберализму — «Че Геварой эпохи постмодерна». Маркос — единственный метис среди сапатистов, не является вождем, выполняет функции коммуникационного звена для индейцев, абсолютное большинство которых не владеет испанским языком. Кроме того, он специалист по связи, организовавший с помощью Интернета и других средств международную кампанию в поддержку сапатистов.

Субкоманданте Маркос в своих интервью подчеркивает основополагающие различия между сапатистами и теми латиноамериканскими партизанскими движениями, которые вели вооруженную борьбу против авторитарных режимов в недавнем прошлом. «То, что считалось бы успехом для военно-политической организации 1960-х и 1970-х, когда возникли национально-освободительные движения, для нас стало бы поражением. Мы видели, как эти победы приводили к провалам или поражениям, скрытым за собственной маской. То, что оставалось всегда нерешенным, — это роль людей, роль гражданского общества, роль народа. И наконец, это было всегда борьбой между двумя гегемониями. Репрессивная власть, которая сверху все решает за общество, и группа просветленных, которые хотят наставить страну на путь истинный, отстраняет первую группу от власти, берет власть в свои руки и тоже сверху начинает решать все за других»².

¹ *Debray R. Revolution In The Revolution. Armed Struggle and Political Struggle in Latin America.* N. Y., 2000; *Уоддис Дж.* «Новые» теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. М., 1975. С. 314–338.

² Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу для колумбийского журнала «Камбио» 25 марта 2001 г. URL: http://scepssis.net/library/id_579.html (дата обращения: 01.02.2013).

Иммануил Валлерстайн отмечает влияние на сапатистов установок «новых левых» в том, что касается учета интересов групп, которые ранее игнорировались универсальными доктринами. Левые организации Мексики много десятилетий не обращали должного внимания на проблемы индейских народов. «Сапатисты разделяют мнение, сложившееся после 1968 года, что традиционный анализ “старых левых” был слишком узким и рассматривал проблемы и борьбу только городского промышленного пролетариата. Маркос полностью посвятил одно из обсуждений борьбе женщин за свои права. Во время другого он поднял вопрос о получении сельскохозяйственными рабочими во всем мире контроля над землями. И довольно неожиданно он провел несколько обсуждений под заглавием “ни центр, ни периферия”, отрицающих идею преимущества одного перед другим — как в отношении силы, так и в отношении интеллектуального потенциала. Сапатисты объявили, что борьба за права любой угнетенной группы одинаково важна и должна вестись на всех позициях одновременно»¹.

Интересен анализ сапатистами политических и экономических процессов, протекающих в рамках неолиберальной глобализации. В условиях подобной системы, по их мнению, национальные государства теряют суверенитет и становятся полностью зависимы от глобального капитала. «Политика сегодня — это организатор сугубо экономического, политики — лишь современные менеджеры фирм. Новые хозяева мира — не правительства, им незачем ими быть. “Национальные” правительства уполномочены управлять бизнесом в различных регионах мира. Это и есть новый мировой порядок — превращение всего мира в единый рынок. Страны являются магазинами его отделов с управляющими правительствами, новые региональные экономические и политические альянсы каждый раз все больше похожи на современный гипермаркет, чем на политическую федерацию»².

Организация сапатистов не вписывается в традиционные классификации — это не армия, не партия, не общественная

¹ Валлерстайн И. Указ. соч.

² Субкоманданте Маркос. Указ. соч. С. 169.

организация. В САНО есть элементы всего вышеперечисленного, но они объединены и функционируют, подчиняясь совершенно другой логике. САНО не ведет военных действий на территориях, где проживает гражданское население, оружие, по их словам, нужно только для защиты от нападения федеральных войск или *Guardias Blancas*. В интервью Габриэлю Гарсиа Маркесу субкоманданте Маркос сказал: «...наша армия — это армия совершенно другая, потому что мы стремимся как раз к тому, чтобы перестать быть армией. Военный — это абсурдная личность, потому что он должен прибегать к оружию, для того чтобы убедить другого в том, что его истина — единственная, которой нужно следовать, и в этом смысле, если будущее нашего движения — военное, у него нет будущего. Если САНО продолжит свое существование как вооруженная военная сила, это станет ее поражением. Поражением в смысле поражения ее идейных позиций, ее взгляда на мир»¹.

Цель сапатистов — продемонстрировать иной модус политической борьбы. Субкоманданте Маркос неоднократно заявлял, что САНО никогда не будет преобразована в партию. Они также отвергают путь вооруженного захвата власти, за что подвергаются критике со стороны повстанческой организации «Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа» (ФАРК). Сапатисты выступают за максимальное расширение пространства демократии и включение в политический процесс искусственно маргинализированных слоев, особенно индейцев. Они не верят, что проблемы страны можно решить на выборах, по их словам, они выступают альтернативой не отдельным политикам или партиям, а системе власти как таковой². В 1990-е годы на смену Институционно-революционной партии пришел Национальный альянс, но экономическая ориентация на неолиберализм осталась, положение индейских народов не улучшилось. «Необходимо создать новую политическую культуру. Эта новая

¹ Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу.

² Теорию сапатистов о «революции без захвата» власти описал Д. Холлоуэй: *Holloway J. Change the world without taking power: The Meaning of Revolution Today*. L., 2002; *Idem. Zapatista!: Reinventing Revolution in Mexico* / ed. E. Peláez. L., 1998.

политика может возникнуть из нового видения власти. Речь идет не о захвате власти, о революционном изменении ее отношения с теми, кто ее осуществляет, и с теми, кто испытывает ее на себе»¹, — отметил Маркос.

Основой САНО являются общины индейцев, военное руководство организации переизбирается каждый год и полностью подчинено низовым структурам. Все бойцы САНО — добровольцы. Решения по всем вопросам принимаются после долгого обсуждения на ассамблеях, проводимых общинами, в которых могут принять участие все желающие, в том числе дети старше 12 лет. Решения принимаются только на основе всеобщего согласия, если на первом этапе его добиться не удастся, обсуждение на время откладывается. После нахождения консенсуса по вопросу избираются делегаты на общее собрание. Именно таким образом после известия о подписании НАФТА было принято решение о выступлении 1 января 1994 года.

Всего на контролируемых сапатистами территориях располагаются 32 автономных муниципалитета. Каждый из них состоит из 50–100 общин. Община еженедельно собирает ассамблею для координации усилий в различных сферах или, если речь идет о решении, касающемся САНО в целом, выбирает ответственных делегатов. Земли, на которых расположены общины, были заняты сапатистами совместно с союзниками из числа гражданских организаций и распределены среди нуждающихся.

Сапатисты большое внимание уделяют включению в процесс принятия решений индейских женщин. Маркос, анализируя глобальные мировые проблемы, всегда солидаризируется с меньшинственными группами. В одной из статей, отвечая на часто задаваемый вопрос: «Кто он?», субкоманданте Маркос приводит интересную иллюстрацию идеи Делеза–Гваттари о становлении меньшинственным: «Маркос — гей в Сан-Франциско, негр в Южной Африке, азиат в Европе, чикано в Сан-Исидро, анархист в Испании, палестинец в Израиле, индеец на улицах Сан-Кристобалья, рокер в деревне, еврей в Германии, феминист в политических партиях, коммунист после холодной войны, пацифист в Боснии, мапуче в Андах, артист без галереи и мольберта, домохозяйка

¹ Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу.

в субботу вечером в любом округе любого города любой Мексики, партизан в Мексике конца XX века, репортер, пишущий для заполнения лишнего пространства, мачист в феминистском движении <...> безземельный крестьянин, маргинальный издатель, безработный рабочий, врач без кабинета, несогласный студент, диссидент в неолиберализме, писатель без книг и читателей и, конечно, сапатист на юго-востоке Мексики»¹.

В 1994–1995 годах в Мексике под влиянием САНО произошла резкая политизация различных групп. Девять месяцев продлилась забастовка студентов Национального автономного университета Мехико против реформы высшего образования, профсоюз работников электроэнергетики смог остановить приватизацию отрасли. Росла солидарность, студенческие организации, профсоюзы, индейские общины устраивали совместные акции протеста. В 1996 году был создан Сапатистский фронт национального освобождения — общенациональная общественная гражданская организация, поддерживающая требования САНО, выступающая за активизацию гражданского общества страны. В июле этого же года сапатисты организовали «Межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма», на которую из разных стран для обсуждения основных мировых проблем съехались около 4 тыс. делегатов.

Еще одна масштабная мобилизация САНО союзников по борьбе состоялась в сентябре 1997 года, когда было решено провести мирный марш на Мехико, целью мероприятия было привлечение внимания к всплеску насилия в Чьяпасе, где местные *Guardias Blancas* убили несколько гражданских активистов, сочувствующих сапатистам. Незаконные расправы продолжились в декабре: проправительственная группировка «Красная маска» (*“Mascara Rojo”*) совершила убийство 45 жителей города Актеаль, сочувствующих САНО. Среди погибших были женщины и дети. В апреле и июне 1998 года произошли нападения на три автономных муниципалитета сапатистов: Флорес Магон, Тиерра Либертад и Сан Хуан де Либертад.

¹ *Субкоманданте Маркос. Четвертая мировая война. Екатеринбург, 2005. С. 79–80.*

В марте 1999 года прошла кампания “La Consulta”, в ходе которой 5 тыс. сапатистов (мужчин и женщин) посетили все муниципалитеты Мехико для проведения голосования по вопросам о правах индейских народов и демилитаризации Чьяпаса. В сентябре этого же года вновь забастовали студенты Автономного университета Мехико, которые отправили делегацию из ста человек в Чьяпас, к ним присоединился и профсоюз работников электроэнергетики. Армия и полиция пытались предотвратить их проникновение на территории, контролируемые сапатистами, но им не удалось этого сделать.

В апреле 2001 года САНО и их союзники организовали мирный поход на Мехико, в качестве основного требования они выдвинули демократизацию политической системы страны децентрализацию управления за счет передачи части ресурсов и полномочий автономным муниципалитетам. Эту акцию поддержали многие известные люди: американский кинорежиссер Оливер Стоун, писатели, нобелевские лауреаты Жозе Сарамого и Габриэль Гарсиа Маркес. Во время похода сапатисты проводили встречи с жителями городов и поселков, обсуждали волнующие их проблемы. Субкоманданте Маркос в интервью заявил: «...в течение всего перехода мы получали пачки с требованиями и петициями, которые накапливались со времен, еще предшествующих мексиканской революции, в ожидании того, что кто-то придет и решит все проблемы. И если сократить все речи, произнесенные нами с начала сапатистского похода до сегодняшнего дня в одну фразу, получилось бы: “Никто этого за нас не сделает”»¹.

В июле 2005 года САНО публикует «Шестую декларацию Лакандонской сельвы», в которой содержится призыв начать новый проект «Другая кампания». Она ставит целью создание снизу широкой левой коалиции, которая отразила бы мнение большинства мексиканцев и начала гражданскую кампанию по разработке проекта новой конституции. Принципиальным является обращение к гражданскому обществу, официальные политические партии к кампании не привлекались. «“Другая кампания” прямо противостоит партийной системе, и хотя в ней

¹ Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу.

принимают участие небольшие политические партии, на самом деле они представляют собой отдельные группы, отказавшиеся от участия в выборах и планирующие участвовать в массовых движениях»¹.

«Другая кампания» стартовала 1 января 2006 года, субкоманданте Маркос и группа его соратников-сапатистов отправились на мотоциклах из Чьяпаса в поездку по стране. В течение полугода ежедневно они проводили множество встреч с местными жителями и инициативными группами, заинтересованными в присоединении к кампании. Параллельно «Другой кампании» в стране шли выборы президента, одним из фаворитов был левоцентристский кандидат Лопес Обрадор. Многие ожидали, что САНО выскажется в его поддержку, но они категорически отказались. «Маркоса критикуют в политическом плане за активное противостояние во время предвыборной кампании кандидату от Революционно-демократической партии, который представлялся кандидатом от левых сил — тех “левых сил”, которые мы наблюдаем в Южной Америке и которые служат неолиберализму. Попросту говоря, в течение прошлогодней предвыборной кампании сапатизм показал, что выучил урок бразильского Движения безземельных крестьян. Мы начали бороться с нашим Лулой еще до того, как он смог победить на выборах, чтобы потом нам не пришлось говорить со стыдом, что мы ошиблись»², — заметил Э. Беллингаузен.

Последнее значимое мероприятие сапатисты провели с 13 по 17 декабря 2007 года. По их инициативе был организован международный коллоквиум «Планета Земля: антиглобалистское движение», в котором приняли участие многие известные мировые интеллектуалы, например И. Валлерстайн, Э. Галеано, А. Турен, Х. Сарамаго, С. Зонтаг, И. Лебо.

Подводя промежуточный итог и проанализировав деятельность сапатистов, можно выделить их сильные и слабые стороны. Им удалось создать новый ризоморфный тип политиче-

¹ Беллингаузен Э. Мексиканское общество «ре-индеанизировалось» : интервью для «Радио Нидерландов». URL: http://scepssis.net/library/id_1385.html (дата обращения: 01.07.2012).

² Там же.

ской организации, используя терминологию Делеза и Гваттари¹. Ее основной принцип — неиерархичность, в ней нет главных и побочных элементов, все они равноправны и находятся в процессе постоянного миноритарного становления, в любое время трансверсально связываются между собой. Успехом можно назвать и вовлечение в общественную жизнь индейских народов, причем не на локальном уровне, а на уровне общемексиканских и мировых проблем. Кроме того, сапатисты создали пространство диалога, в рамках которого нашли взаимопонимание и объединили свои усилия не только индейцы, но и студенты, независимые профсоюзы.

Если говорить об ограничениях, с которыми столкнулись организационная структура и идеология сапатистов, то можно выделить следующие:

1) при всех преимуществах положение вне рамок официальной политической системы лишает САНО многих инструментов воздействия на процессы в стране;

2) стратегия создания «автономных территорий» и принципиальный отказ от борьбы за власть в долгосрочной перспективе обречены на неудачу;

3) отказ от участия в борьбе за власть постепенно смещает субкоманданте Маркоса и САНО на позицию «моральных авторитетов», любимых средствами массовой информации, но абсолютно безопасных для власти. Недаром наиболее язвительные оппоненты называют его «субкомедианте Маркос».

---

¹ См. попытку описать САНО как наиболее адекватное политическое выражение идей Делеза и Гваттари: *Nail T. Returning to Revolution: Deleuze, Guattari and Zapatismo*. Edinburgh, 2012.

АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В 1989 году американский политолог Фрэнсис Фукуяма высказал идею, что с окончанием холодной войны и начавшимися рыночными реформами в СССР и Китайской Народной Республике наступил «конец истории», обещанный еще в XIX веке Гегелем¹. Либеральный капитализм победил своих конкурентов в лице фашизма и коммунизма и теперь, как наиболее эффективная модель, распространится во всем мире.

Огромный успех книги Фукуямы был показателен, везде царил атмосфера либеральной эйфории. Главный геополитический соперник повержен, нет серьезной оппозиции политике «Вашингтонского консенсуса» внутри западных стран. Неолиберальная волна, прокатившаяся по многим развитым странам в 1980-е годы, совпав с идеологическим кризисом, сильно ослабила влияние левых партий и рабочего движения. Они не смогли остановить демонтаж структур социального государства и постепенно теряли свой авторитет. Экономические программы социалистов и социал-демократов становились неотличимы от постулатов неолиберального мейнстрима. Партии, ориентирующиеся на СССР, пребывали в растерянности после краха коммунистических режимов в Советском Союзе и странах Восточной Европы.

«Кризис одновременно наступил и в трех крупных идеологических течениях послевоенной эпохи. Это модели планового хозяйства, бюрократическим образом насажденные в странах Восточной Европы; кейнсианские или “фордистские” модели,

---

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М., 2004.

продвигавшиеся западными правительствами в 1950–1970-х годах, на которые опирались социал-демократические партии и большинство профсоюзов этих стран; и, наконец, модели “развития” многочисленных стран третьего мира, которые стремились путем замещения импорта местной продукцией выйти из отношений неравного обмена»¹, — отмечает К. Агитон.

Восстание сапатистов в Чьяпасе поставило под сомнение идею о бесконфликтном продвижении тех принципов, на которых основана неолиберальная модель глобализации. Ее сторонники доказывали, что протесты в некоторых странах третьего мира вызваны «незрелостью» отдельных политиков и части населения этих стран. Тогда мало кто мог предположить, что в самом ядре капиталистической системы может возникнуть мощное протестное движение.

Первым символическим актом, ознаменовавшим начало борьбы движения альтерглобалистов, стало событие, произошедшее в августе 1999 года, когда во французском городе Милло активист профсоюза сельскохозяйственных работников Жозе Бове на своем тракторе разрушил недостроенное здание, в котором должно было разместиться одно из кафе сети “McDonalds”. Бове стал одним из лидеров альтерглобализма, в его фигуре воплотились все наиболее отличительные черты нового движения.

Яркость и эпатажность политической практики: помимо упомянутого случая с “McDonalds”, Бове в 1998 году принимал участие в уничтожении посевов трансгенной кукурузы. В 1995-м он вместе с членами «Гринписа» активно протестовал против подземных ядерных испытаний на атолле Муруроа. Для Бове, как и для движения альтерглобализма в целом, характерен идеологический эклектизм, сочетающий идеи М. Ганди, М. Бакунина, Ж. Прудона, М. Л. Кинга и испанских анархо-синдикалистов из Национальной конфедерации труда (НКТ). Бове является одним из основателей международного крестьянского движения «Виа кампесина» (“Via campesina”), отделения которого на данный момент созданы в 87 странах,

¹ Агитон К. Альтернативный глобализм: новые мировые движения протеста / пер. с фр. Е. Константиновой, Е. Кочетыговой ; общ. ред. Ю. Марковой. М., 2004. С. 12–13.

и в будущем вынашивает планы по созданию настоящего крестьянского интернационала.

Симптомы растущего недовольства проявились и в Великобритании, когда организация «Вернем себе улицы» (“Reclaim the Streets”) 18 июня 1999 года провела в Лондоне акцию протеста против политики международных финансовых институтов. В ней приняли участие более 10 тыс. человек, которые, прорвав полицейские заслоны, ворвались в Лондонский Сити, один из глобальных финансовых центров, где сосредоточены банки, фондовая биржа и штаб-квартиры многих мировых компаний.

Первые альтерглобалистские организации возникли во Франции. В декабре 1998 года по инициативе издания «Монд дипломатик» (“Le Monde Diplomatique”), нескольких профсоюзов и различных общественных организаций была создана организация АТТАК (Ассоциация граждан за налогообложение финансовых операций). На сегодняшний день отделения АТТАК существуют более чем в двух десятках стран. Главное требование АТТАК — ограничить разрушительное воздействие бесконтрольного движения финансового капитала. Финансовый кризис в странах Юго-Восточной Азии (Таиланде, Индонезии, Малайзии, Южной Корее) 1997–1998 годов был изначально спровоцирован атаками международных финансовых спекулянтов на национальные валюты.

АТТАК предложила ввести специальный налог на финансовые операции, так называемый «налог Тобина». Идея принадлежит лауреату Нобелевской премии по экономике Джеймсу Тобину (1918–2002), который в 1972 году предложил для ограничения волатильности валютных курсов облагать налогом международные валютные операции. Планируемый размер налога колеблется в пределах 0,05–0,2 %, собранные средства АТТАК предлагала направить на борьбу с голодом и бедностью в странах третьего мира. В качестве помощи развивающимся странам АТТАК выдвинула идею списания долгов, образовавшихся в результате неэквивалентного обмена, когда они были вынуждены дешево продавать сырье, сельскохозяйственную продукцию и по завышенным ценам покупать промышленные товары.

В том же декабре 1998 года АТТАК провела в Париже международную конференцию, на которую были приглашены представители бразильского Движения безземельных крестьян (Movimiento dos trabalhadores sin terra), южнокорейского Политического и информационного центра международной солидарности (The Policy And Information Center For International Solidarity), канадского Женского движения (Women's movement), Ассоциации фермеров штата Карнатака (Karnataka State Farmers Association) из Индии и бельгийского Международного форума альтернатив (International Forum of alternatives).

В фокус внимания всех мировых средств массовой информации альтерглобалистское движение попало 30 ноября 1999 года. Массовые уличные акции протеста в Сиэтле, численность которых доходила до 50 тыс. человек, против третьей конференции Генеральной ассамблеи Всемирной торговой организации явились полной неожиданностью почти для всех. Активисты блокировали улицы и перекрестки на подступах к кварталу, где должно было состояться заседание. Полиция Сиэтла ответила на это неадекватно жесткими мерами, применив дубинки и слезоточивый газ против мирных демонстрантов, устроивших сидячую акцию протеста на проезжей части. В итоге было арестовано около 500 человек, а во всем городе был временно введен комендантский час. В результате многие мероприятия, запланированные в рамках конференции ВТО, были сорваны.

Эксперты сразу обратили внимание на необычную организационную структуру движения. Протестующие представляли собой разнообразные мелкие группы не связанных между собой активистов, которые неожиданно собрались вместе и стали скоординированно действовать. Говоря о составе движения, важно отметить его крайнюю неоднородность, в акциях вместе участвовали марксисты, экологи, анархисты, пацифисты, движения, выступающие за права сексуальных меньшинств, фермеры, феминистские организации, деятели профсоюзов, представители стран третьего мира, защитники прав потребителей, религиозные течения и защитники прав животных.

Объясняя шумный успех акции в Сиэтле, журналистка и социальный активист Наоми Кляйн пишет: «Может быть, протесты

в Сиэтле и Вашингтоне кажутся несфокусированными потому, что были не демонстрацией одного движения, но конвергенцией многих более мелких, и каждое — со своим зрением, натренированным на одну конкретную транснациональную корпорацию (как “Nike”), конкретную отрасль (как агробизнес) или новую торговую инициативу (как Зона свободной торговли Американских государств — Free Trade Area of the Americas, ФТАА). Эти мелкие целевые движения являются очевидными частями одного общего дела: им всем свойственна убежденность, что проблемы, с которыми они борются, при всем своем различии проистекают из глобализации»¹.

Протесты в Сиэтле в первую очередь были сфокусированы на критике «корпоративной глобализации». Активисты поднимали вопрос о той модели трудовых отношений, которую ТНК внедряют в странах третьего мира². В США, например, была создана организация «Студенческое объединение против потогонных цехов» (“United Students Against Sweatshops”), которая выступала против фирмы “Nike”, нарушавшей права рабочих на своих заводах в Мексике, Индонезии и Вьетнаме.

Для координации совместных действий на улицах Сиэтла альтерглобалистами была создана «Сеть прямого действия» (“Direct Action Network”), которая проводила собрания многочисленных неформальных групп, распределяла задачи и обучала активистов тактикам ненасильственной борьбы. Организационная структура движения основывалась на принципе координированной децентрализации. «Они не представляли собой единого фронта: мелкие подразделения протестующих атаковали своих противников со всех сторон. Они не выстраивали сложных национальных или интернациональных бюрократических структур, а сооружали временные: заброшенные здания превращались в “центры влияния”, а независимые продюсеры СМИ собирали импровизированные центры новостей»³.

¹ Кляйн Н. Заборы и окна. Хроника антиглобализационного движения. М., 2005. С. 44–45.

² Подробнее об этом см.: Кляйн Н. No Logo: Люди против брендов. М., 2003.

³ Кляйн Н. Заборы и окна. С. 47.

Подобный подход сильно отличается от традиционной тактики прежних левых с их ориентацией на иерархически выстроенные партийные структуры. Новый, близкий к ризоматическому или сетевому, принцип организации движения альтерглобалистов является попыткой ответить на те изменения социальной и технологической среды, которые произошли за последние десятилетия.

Во-первых, это обсуждаемый кризис системы представительной демократии с парламентом и партиями, многие осознают происходящий процесс «герметизации политического универсума», в условиях которого реальной оппозиции неолиберализму не существует. Борьба идеологий — в прошлом, партии-конкуренты консолидировались, образовав единую технократическую элиту на принципах Вашингтонского консенсуса.

Поэтому структура и методы политической практики альтерглобалистов отражают «политическую реальность, которая, собственно, и вызвала эти процессы к жизни, — полный провал традиционной политики посредством партий. По всему миру граждане голосуют за социально-демократические и рабочие партии только для того, чтобы потом наблюдать, как те расписываются в собственном бессилии перед лицом рыночных сил и диктата МВФ. В таких условиях современные активисты уже не столь наивны, чтобы верить, будто перемены придут через избирательную урну»¹.

Во-вторых, эксперты заметили, что организационная структура движения и его система внутренней коммуникации напоминают Интернет. Различные организации и активистские группы «причудливо и тесно сплетены между собой, подобно тому как «горячие ссылки» (hotlinks) соединяют в Интернете свои веб-сайты. Это не случайная аналогия, а скорее ключ к пониманию изменяющейся природы политической организации. Хотя многие отмечают, что недавние массовые акции были бы невозможны без Интернета, осталось незамеченным то, как коммуникационная технология, делающая возможными эти кампании, придает движению свой собственный «интернетоподобный» образ. Благодаря Сети мобилизация происходит почти без

¹ Клайн Н. Заборы и окна. С. 50.

бюрократизма и с минимальной иерархией; навязываемый консенсус и тщательно разработанные манифесты уходят на задний план и заменяются культурой постоянного, не жестко структурированного и порой маниакального обмена информацией»¹.

Многие полагают, что такой тип организации является всего лишь простым отражением развития интернет-технологий. По сравнению с утверждением Делеза и Гваттари мы придерживаемся противоположной позиции: социальная машина первична по отношению к технологиям. Ранее мы уже упоминали о том, что идея создания ризоморфной политической организации выдвигалась теоретиками итальянского постопераизма. В середине 1970-х годов организация «Рабочая автономия» пыталась наладить альтернативное официальному пространство коммуникации с помощью сети радиостанций.

Широкое распространение интернет-технологий позволило альтерглобалистам соединить социальную и технологическую машины в новую сборку. Интернет позволил совместить и скоординировать действия множества разнообразных мелких ячеек независимо от их местонахождения.

«Массовые конвергенции были активистскими узлами, в которые соединены сотни, а может быть, тысячи автономных связей. Во время демонстраций “связи” принимали форму “клубов единомышленников”, состоящих из 5–20 участников, и каждый избирал себе представителя и делегировал на совещания “представительских советов”. Хотя эти “клубы единомышленников” согласились подчиняться определенному кодексу принципов ненасилия, они в то же время действовали как дискретные единицы, которые могли принимать собственные стратегические решения»², — отмечает Н. Кляйн.

Ризоморфная система организации позволяет трансверсально включать в нее разнообразные элементы. Если кто-то не видит себя в уже существующих организациях, он может вместе с единомышленниками создать собственную и подключиться к общей сети. Она дает возможность интегрировать в сборку и традиционные структуры. В Сиэтле, помимо разнообразных

¹ Кляйн Н. Заборы и окна. С. 45.

² Там же. С. 46.

групп активистов, в протестах приняли участие и профсоюзы работников телекоммуникационного сектора Америки (The Newspaper Guild-Communications Workers of America, CWA), левое радикальное крыло Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ–КПП). Поскольку профсоюзные структуры присоединились к акции буквально в последний момент, свои действия с остальными участниками они почти не согласовывали.

Помимо Сиэтла, из наиболее крупных успехов альтерглобалистов можно также отметить: акцию «Карнавал против капитализма» (18 июня 1999 г., Лондон), демонстрацию во время саммита Международного валютного фонда и Всемирного банка (сентябрь 2000 г., Прага), протесты во время саммита Европейского Союза (декабрь 2000 г., Ницца), митинги во время саммита Евросоюза (июнь 2001 г., Гетеборг), демонстрации против саммита G8 (июль 2001 г., Генуя), акции протеста во время встречи Международного валютного фонда и Всемирного банка (сентябрь 2002 г., Вашингтон).

Эффективность первых акций альтерглобалистов во многом базировалась на децентрализованной системе организации, поскольку система принятия решений в этой системе работает намного быстрее, чем в громоздких бюрократических структурах. Американские политологи Д. Аркилла и Д. Ронфельд в своих работах сравнивают новые децентрализованные организации с пчелиным роем¹, который атакует средневекового рыцаря. Мощные доспехи способны защитить от удара мечом или копьем, но бессильны против пчелиного роя, проникающего в зазоры между металлическими пластинами, из которых сконструированы его латы.

Анализируя опыт проведенных акций, Н. Кляйн отмечает, что децентрализованная форма организации эффективна, поскольку «ее чрезвычайно трудно контролировать, во многом потому что она так отличается от организационных принципов учреждений и корпораций, на которые нацелена. На корпоративную концентрацию она отвечает собственной фрагментацией,

¹ См.: *Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and netwars: the future of terror, crime, and militancy. Santa Monica, 2001.*

на глобализацию — своим особым родом локализации, на консолидацию власти — радикальным ее рассредоточением»¹.

Именно теоретический аппарат Делеза и Гваттари более всего подходит как для описания данного явления, так и для его детального анализа. Наиболее адекватно дух движения альтерглобалистов выражен в книгах Антонио Негри и Майкла Хардта², рассматривающих современную ситуацию через призму идей, изложенных в «Анти-Эдипе» и «Тысяче плато». Для обозначения нового социального субъекта, который не вписывается в рамки традиционной политики, они используют термин «множество» (“multitude”). «Понятие множества располагается по крайней мере в трех измерениях. Оно имеет классовый аспект и дополняет традиционное понятие рабочего класса, охватывая весь спектр труда — от традиционного индустриального и аграрного до сервисного, коммуникативного и интеллектуального. В политическом плане оно противопоставляется концепции народа-суверена как легитимирующей основы новоевропейских национальных государств. Наконец, как социальное явление, оно отличается от феномена стандартизированных и механически агломерированных масс как проявления ушедшего в прошлое “фордистского” общества»³. Это попытка описать в новых условиях изменившийся облик тех, кого К. Маркс называл пролетариатом.

Негри, один из ключевых теоретиков операизма и постопераизма, развивает идеи, возникшие в 1970-е годы. «Новая экономика», связанная с компьютерными технологиями, электроникой и телекоммуникациями, основана на максимальном вовлечении в бизнес-процессы человеческого капитала. В 1990-е годы многие полагали, что это предоставляет возможность когнитивным работникам открывать небольшие фирмы и вести автономное существование, не подчиняясь логике огромных корпораций. 10 марта 2000 года эти надеж-

¹ Кляйн Н. Заборы и окна. С. 51.

² Хардт М., Негри А. Империя : пер. с англ. / под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М., 2004; *Они же*. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

³ Пензин А. Новые социальные субъекты: версия Паоло Вирно // Прогнозис: журнал о будущем. 2006. № 2 (6). С. 84.

ды рухнули, фондовый «пузырь» «новой экономики» лопнул. Тысячи недавно созданных небольших фирм были разорены, их доменные имена по остаточным ценам скупали конкуренты. Смогли выжить только наиболее крупные игроки, началась монополизация рынка.

С событий в Сиэтле начинается процесс роста самосознания когнитариата, который понимает, что в рамках неолиберальной системы он будет полностью подчинен интересам капитала. Когнитариат, начиная с Сиэтла, осознал себя частью эксплуатируемых масс и стал все больше солидаризироваться с традиционными пролетариями. Здесь проявилась двойственность значения компьютерных технологий и Интернета. В 1990-е годы Билл Гейтс говорил, что они позволят создать «капитализм без трений». 2000-е не только показали утопичность этой идеи, но и продемонстрировали спонтанно генерируемую Интернетом систему свободного обмена контентом, подрывающую систему частной собственности на многие продукты (компьютерные программы, музыку, фильмы, книги).

Интернет становится альтернативным пространством коммуникации, средством политической мобилизации. Хакеры способны взломать систему защиты и проникнуть, например, в базу данных Пентагона. Это новое средство политической борьбы, наступила эпоха кибервойн¹. Делез предвидел такое развитие событий еще в начале 1990-х: «... компьютерное пиратство или вирусы, которые заменят собой забастовки и то, что в XIX веке называли “саботажем” (башмак в машине). Вы спрашиваете, не вызовут ли общества контроля или коммуникации такие формы сопротивления, которые будут способны дать шанс коммунизму, замышлявшемуся как “трансверсальная организация свободных индивидов”. Я не знаю, может быть. Но это невозможно в той мере, в какой меньшинства смогли бы восстановить свою речь»².

¹ См.: *Arquilla J., Ronfeldt D.* Op. cit.; *Ronfeldt D.* *Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age.* Santa Monica, 1997; *Idem.* *The Zapatista social netwar in Mexico.* Santa Monica, 1998.

² *Делез Ж.* Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004. С. 222–223.

Помимо проведения протестных акций, альтерглобалисты считали необходимым начать обсуждение и разработку своей позитивной программы. Для этого был учрежден ежегодный Всемирный социальный форум как альтернатива Всемирному экономическому форуму в Давосе. Первый Всемирный социальный форум прошел в бразильском городе Порту-Алегри с 25 по 30 января 2001 года, в его рамках были проведены семинары и дискуссии, посвященные различным негативным аспектам неолиберальной модели глобализации. Среди них — экология, проблема лекарственных патентов и вопрос о генетически модифицированных продуктах.

С течением времени все более очевидным становилось наличие в альтерглобалистском движении двух различающихся платформ: радикальной и реформистской. Реформисты выступали с чисто экономическими требованиями, не затрагивая на начальном этапе политику стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Они предлагали постепенно средствами общественного давления заставить крупнейшие транснациональные корпорации соблюдать права работников, прекратить загрязнение окружающей среды. В движении с самого начала существовало и радикальное антикапиталистическое крыло, выступавшее с программой преодоления капитализма как такового.

Разногласия между ними стали более явными во время второго Всемирного социального форума, когда радикальное и реформистское крылья движения вступили в открытый конфликт. Поводом для этого послужили предложения радикалов об ужесточении форм борьбы в связи с начавшимися репрессиями со стороны властей. В преддверии крупных международных форумов власти запрещают митинги, полиция проводит превентивные аресты, могут появиться жертвы. 20 июля 2001 года в Генуе во время демонстрации протеста против саммита G8 полиция застрелила анархиста Карло Джулиани. Стратегия ненасильственной борьбы имела свои границы, далее движение столкнулось с полицейскими репрессиями.

Этот тезис нашел свое подтверждение во время масштабных антивоенных протестов движения перед вторжением сил коалиции в Ирак в 2003 году. «Этический протест потерпел поражение

после всемирного антивоенного марша, прошедшего 15 февраля 2003 года. Сто миллионов человек вышли на демонстрацию протеста против войны в Ираке в этот день. Президент Буш заявил, что не нуждается ни в чьих советах, и начал войну»¹, — отметил Ф. Берарди.

Безусловно, в рассматриваемых эпизодах борьбы альтерглобалистов мы имеем дело с новым типом политической практики, обладающей не только достоинствами, но и многочисленными недостатками. Первый недостаток был уже упомянут — протест имеет не политическую, а скорее этическую направленность. Хотя отдельные авторы² видят в этом большой плюс, считая, что современная политическая практика левых должна концентрироваться исключительно на моральном давлении гражданского общества на власть. К ограничениям альтерглобалистского движения можно отнести однозначное позиционирование себя за пределами традиционного политического процесса. Сюда же можно включить и отрицание роли партий, о чем писал Д. Бенсаид: «Политика без партий (даже если она называется движением, организацией, лигой) заканчивается в большинстве случаев политикой без политики: либо хвостизмом, не имеющим четкой цели, лишь плетущимся за спонтанностью социальных движений, либо худшей формой элитарного, индивидуалистического авангардизма, или же отказом от политического как такового в пользу эстетического или этического»³.

¹ *Berardi F.* Communism is back but we should call it the therapy of singularisation. URL: http://www.generation-online.org/p/fp_bifo6.htm (дата обращения: 01.09.2012).

² См.: *Critchley S.* Infinitely Demanding. Ethics of Commitment, Politics of Resistance. L.; N. Y., 2007.

³ *Bensaïd D.* Leap! Leaps! Leaps! In *Lenin Reloaded: Towards a Politics of Truth* / ed. by S. Budgen, S. Kouvelakis, S. Žižek. Durham, 2007. P. 161–162.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА. ПОДЪЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Удивительная концентрация новых левых и новых антисистемных движений в Латинской Америке позволяет нам постулировать гипотезу о том, что эта последняя зона, или цивилизация, планеты конституирует себя сейчас как подлинный мировой авангард антисистемных и антикапиталистических движений. Таким образом, если центр этой борьбы располагался в 1920-е годы в ленинском Советском Союзе, в 1960-е годы, вне всякого сомнения, он переместился в Китай Мао Цзэдуна и культурной революции, сейчас же он локализовался у нас, в Латинской Америке¹.

К. Рохас

Неолиберальные реформы в государствах Латинской Америки 1980–1990-х годов проводились по наиболее жесткому и бескомпромиссному сценарию. Ответная волна низового социального протеста поднялась не сразу, но когда недовольство достигло определенной точки, произошел взрыв, который низвергал одного президента за другим. В конце 2001 — начале 2002 года после дефолта ушел в отставку президент Аргентины Ф. де ла Руа, в это же время под давлением массовых выступлений бежал из страны президент Перу А. Фухимори, в 2005-м свой пост раньше срока покинули президенты Боливии — К. Меса и Эквадора — Л. Гутьеррес. В других странах смена власти осуществлялась более традиционно — через выборы. В результате «левого поворота» противники неолиберализма пришли к власти в Венесуэле, Аргентине, Бразилии, Боливии, Эквадоре, Уругвае. Перед тем как рассмотреть социальную базу произошедших перемен, политические силы, поднявшиеся на волне народного

---

¹ *Рохас К.* Латинская Америка на распутье. Социальные движения и смерть современной политики. М., 2012. С. 63.

гнева, и промежуточные результаты «левого поворота», сделаем небольшой экскурс в прошлое.

До середины 1990-х годов неолиберальная экономическая политика в странах Латинской Америки осуществлялась на основе надпартийного консенсуса политических элит. Кроме того, она была выгодна ориентированным на экспорт продавцам природных ресурсов и агробизнесу. На первом этапе за счет сокращения инфляции и притока капитала в выигрыше оказались средние слои городского населения. Первым симптомом кризиса неолиберальной политики стал финансовый кризис в Мексике 1994–1995 годов. На его фоне массовую низовую поддержку смогло получить выступление сапатистов в Чьяпасе. Отсутствие других организованных очагов сопротивления объясняется идеологическим кризисом традиционных левых партий, частичным распадом рабочего движения и профсоюзов в результате деиндустриализации. Например, в Боливии массовое закрытие угольных шахт надолго ослабило профсоюзные структуры, которые после этого не могли противостоять неолиберальной политике правительства. Во многих странах наблюдался масштабный рост неформального сектора в экономике, генерирующего у занятых в нем людей индивидуалистическую психологию.

В середине 1990-х годов формировались первые очаги молекулярного сопротивления, которые до определенного времени концентрировались на противодействии отдельным решениям властей (приватизация, сокращение социальных расходов). Вначале радикальные протестные настроения формировались в среде безземельных крестьян, индейских народов и жителей городских трущоб. Участники созданных ими социальных движений, не веря в возможность изменить свою жизнь посредством выборов, делали ставку на прямое действие. До конца 1990-х годов молекулярный протест существовал отдельно от традиционного политического процесса.

«Новые антикапиталистические движения Латинской Америки критиковали также общую, господствующую сегодня идею формальной и представительной демократии, основанной на принципе делегирования полномочий, с ее процессами постоянного делегирования права принятия решений и определений

нескольким людям, с ее механическим, примитивным и безапелляционным господством большинства над меньшинством, с ее неизбежным применением всегда одинаковых критериев к качественно разным людям и ситуациям»¹, — подчеркивает мексиканский историк К. Рохас.

Забегая вперед, можно сказать, что подобная ситуация повторится в будущем после победы на президентских выборах левоцентристских кандидатов и поддерживающих их партий в большинстве стран. Отношения между массовыми социальными движениями, выступающими за радикальные перемены, и находящимися у власти сторонниками более умеренной политики станут основным противоречием всего региона.

В 1998 году негативные последствия неолиберальных реформ проявились в полной мере. Стремительно увеличивалась неравномерность распределения доходов, постоянно росла безработица, неолиберальные реформы сельского хозяйства радикально политизировали огромные массы безземельных крестьян. Электоральный сдвиг начался в декабре 1998 года с победы на президентских выборах в Венесуэле У. Чавеса. Венесуэла последние два десятилетия пребывала в перманентном экономическом кризисе, инфляция зашкаливала, рос уровень бедности, увеличивался внешний долг, коррупция парализовала государственный аппарат. После приватизации нефтедобывающей отрасли доходы от продажи нефти переводились собственниками за рубеж. Необходимо напомнить, что Чавес взошел на политическую арену еще в 1992-м, когда во главе отряда десантников предпринял попытку вооруженного восстания. После того как выступление не было поддержано большинством населения, мятежники сдались официальным властям. Следующие два года Чавес и его соратники провели в тюрьме, а затем были амнистированы президентом страны Р. Кальдером. Интересно, что этот электоральный сдвиг в Венесуэле и других государствах выдвинул на первые места не традиционные левые партии, а организации нового типа — широкие коалиции гражданских движений, возникшие в процессе борьбы с неолиберальными реформами в разных сферах. Кроме того, продолжа-

¹ Рохас К. Указ. соч. С. 133.

ли оказывать заметное влияние общины сторонников «теологии освобождения».

«Руководящую роль в левых движениях сохраняют пока несколько партий коалиционного типа, сложившихся на основе повстанческих (Сальвадор, Никарагуа) или антиавторитарных (Уругвай, Мексика, отчасти Бразилия) фронтов. В иных же случаях (Венесуэла, Аргентина, Боливия, Эквадор и др.) центральная роль принадлежит сегодня структурам принципиально иного типа: “выпускникам” гражданского общества, “объединенных Интернетом”; группам, объединяющимся сверху — вокруг лидеров и программ преобразований, зачастую с “открытой” идеологией, — или снизу — в борьбе за решение конкретных социальных, территориальных, этнических, экологических, внешнеполитических проблем»¹.

Придя к власти, Чавес предложил проект новой конституции страны, который был утвержден 72 % голосов на референдуме в декабре 1999 года. Во время разработки проекта основного закона страны Чавес проводил многочисленные консультации с представителями индейского населения, которые в течение почти всей истории Венесуэлы были исключены из политической жизни. В новой конституции Боливарианской Республики Венесуэлы было указано, что государство признает право индейских общин на социальную, политическую и экономическую организацию, сохранение культуры, традиций, языков, традиционной среды обитания и занимаемые ими земли. Помимо этого, государство обязуется поддерживать право индейских народов на собственное образование и здравоохранение, которое учитывает их традиции. В Национальной ассамблее, законодательных и исполнительных органах штатов и муниципалитетов, где проживает индейское население, им гарантируется представительство.

В 2001 году был подписан еще один закон, направленный на улучшение жизни индейского населения страны. Его цель — разграничить земли индейцев и гарантировать им среду проживания. В дальнейшем после составления кадастра Генеральная

¹ *Майданик К.* «Четвертая волна». О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева. URL: http://scepsis.net/library/id_3154.html (дата обращения: 01.03.2012).

прокуратура должна выдать документы, подтверждающие права коллективной собственности общин. Проблемы индейских народов занимают важное место и во внешней политике Венесуэлы, президент Чавес неоднократно поднимал вопрос о бедственном положении индейцев в Эквадоре и Перу. 8 февраля 2004 года при поддержке венесуэльского руководства прошел третий Панамазонский общественный форум, на который приехали 5 тыс. делегатов из 9 государств Латинской Америки, основная тема — положение коренных народностей амазонского субрегиона.

С 2001 года в Венесуэле претворяется в жизнь программа, направляющая часть доходов от продажи нефти на смягчение наиболее острых социальных проблем. В феврале следующего года Чавес подписал указ, гарантирующий право на жилье безземельным крестьянам и рабочим, самовольно занявшим территории на городских окраинах. Под воздействием этого решения начали формироваться городские земельные комитеты (*Comites de Tierras Urbanas*), основная задача которых — ускоренное проведение земельной реформы. Городские земельные комитеты с годами приобрели значимость, здесь проходит обсуждение важнейших местных проблем. Большинство участвующих в работе комитетов занимает радикальные позиции и постоянно побуждает президента ускорить социальные преобразования.

2001–2002 годы — период нового обострения экономической ситуации в Латинской Америке. Главными событиями этих лет стали дефолт и обрушение политической системы в Аргентине. Рассерженные граждане выражали недоверие системе выборов и всем партиям независимо от идеологии. Главный лозунг демонстраций — «Пусть уйдут все, пусть не останется ни одного!» После дефолта, когда банки остановили выдачу денег, государство не выполняло многие функции, люди стали самоорганизовываться и создавать низовые органы самоуправления.

«Десятки тысяч людей организуют уличные ассамблеи, которые объединяются в сети на городском и национальном уровнях. На площадях, в парках и на перекрестках соседи обсуждают, как сделать избираемые властные структуры более подконтрольными и выполнить то, что провалило правительство. Они говорят о создании “конгресса граждан”, который потребует от поли-

тиков прозрачности и подотчетности. Они обсуждают участие граждан в составлении бюджета и сокращении сроков полномочий политиков и одновременно устраивают общественные столовые для безработных»¹, — пишет Н. Кляйн. После экономической стабилизации организованное гражданское общество обеспечило победу на президентских выборах левоцентриста Н. Киршнера. В 2002 году ситуация обострилась не только в Аргентине, в Парагвае и Перу массовые акции протеста, организованные социальными движениями, вынудили уйти в отставку президентов.

В апреле того же года была предпринята попытка переворота в Венесуэле. 11 апреля группа заговорщиков арестовала президента Уго Чавеса. Самопровозглашенное правительство страны отменило конституцию и распустило парламент. В ответ началась массовая низовая мобилизация сторонников Чавеса, люди вышли на улицы, окружили президентский дворец и оказали решительное сопротивление перевороту. Верное президенту большинство военных вскоре освободило Чавеса.

В 2005 году «левый поворот» происходит еще в двух странах: в Уругвае на выборах президента побеждает кандидат от левоцентристского Широкого фронта Т. Васкес, в Боливии выборы приносят успех лидеру партии «Движение к социализму» Э. Моралесу. Если Васкес одержал победу в ходе традиционной выборной кампании, то радикально настроенный Моралес совместил выборы с массовой низовой мобилизацией активистов социальных движений и организаций нового типа, таких как Федерация рабочих Кочабамбы. Эти организации объединили безземельных крестьян и шахтеров, потерявших работу после приватизации и дальнейшего закрытия шахт. В 2006 году противники неолиберализма одерживают еще одну победу — президентом Эквадора становится кандидат от Социалистической партии — Широкого фронта Эквадора Р. Корреа.

В 2006–2007 годах в Боливии и Венесуэле была проведена частичная национализация нефтяной промышленности. Боливийская оппозиция, недовольная этим решением, подняла мятеж.

¹ Кляйн Н. Заборы и окна. Хроника антиглобализационного движения. М., 2005. С. 89.

«Самопровозглашенные гражданские комитеты “Полумесяца” (четырёх восточных департаментов Боливии) восстали против этих изменений, требуя автономии департаментов, права распоряжаться доходами от углеводородов, прекращения аграрной реформы и даже контроля над силами полиции. Ориентирующийся на интересы латифундистов Гражданский комитет Санта-Круса поддерживает примыкающую к нему военизированную организацию — Союз молодежи Санта-Круса (УС), чьи боевики забрасывают зажигательными бомбами и захватывают правительственные здания, а также нападают на индейские и крестьянские организации, осмелившиеся поддержать правительство»¹.

Цель мятежников — заблокировать процесс принятия новой конституции и утверждения ее на всенародном референдуме. В департаментах, контролируемых гражданскими комитетами, голосование по конституции не состоялось, вместо него были организованы местные референдумы по вопросу автономизации мятежных департаментов. Президент Моралес принял решение отложить процесс утверждения конституции и провести референдум о своих полномочиях и полномочиях префектов. Он победил с большим перевесом, набрав 67 % голосов.

Мятежники, не признав результатов, начали захват власти в департаменте Санта-Крус. Вооруженные отряды Союза молодежи Санта-Круса (УС) начали репрессии против сторонников президентской партии «Движение к социализму». Моралес, желая избежать эскалации насилия, решил не применять военную силу. Следующим шагом гражданских комитетов стала забастовка, в которой приняли участие Конфедерация частных предпринимателей и латифундисты. Цель акции — подорвать экономические основы администрации Моралеса. На этом мятежники не остановились: «11 сентября стало самым кровавым днем нараставшего конфликта. В Пандо, департаменте “Полумесяца”, банда, вооруженная пулеметами, напала на индейскую общину Эль Порвенир неподалеку от Кобихи, столицы области, в результате чего погибло по меньшей мере 28 человек. Результатом другого нападения стало похищение троих

¹ Барбах Р. Тень Альенде в Боливии: Моралес лицом к лицу с мятежом. URL: http://scepsis.net/library/id_2268.html (дата обращения: 01.09.2012).

полицейских. “Красные пончо”, официальное подразделение народного ополчения, поддерживающее Эво Моралеса, направило свои силы на помощь индейским общинам для организации самообороны»¹.

После этого Моралес принял решение направить в Кобиху армейские части, для того чтобы вернуть под контроль легитимных властей аэропорт и газопроводы. В результате боев за объекты погибли три человека, префект департамента Пандо и боевики UJC были арестованы.

Противодействие оппозиции не остановило лидеров «левого поворота». В 2007–2008 годах в Венесуэле были национализированы энергетика, телекоммуникации, цементная промышленность и частично металлургия. Радикальные сторонники Чавеса требовали продолжить национализацию и взять под государственный контроль банковскую систему и агробизнес. Более умеренные соратники предостерегали президента от этого, поскольку боялись потерять поддержку среднего класса. Несмотря на заметное улучшение уровня жизни населения, социализацию образования и здравоохранения, левоцентристские режимы Латинской Америки столкнулись с серьезными ограничениями. Они сильно зависят от высоких цен на нефть, за счет которых финансируются социальные программы. Руководители Венесуэлы, Эквадора и Боливии за все годы не провели диверсификацию экономики и фактически существуют как рантье. Система распределения доходов от нефти на социальные программы, безусловно, является прогрессивной, но лишь в качестве временной меры. Без индустриализации основные экономические проблемы решить не удастся.

Многие активисты латиноамериканских социальных движений недовольны половинчатостью проводимых реформ. Левые интеллектуалы также разочарованы. Д. Петрас полагает, что, «закрепившись во власти, левоцентристские режимы взяли на вооружение стратегию экспорта сырья, раскрыли дружеские объятия транснациональным корпорациям и создали широкие электоральные коалиции, которые маргинализировали радикальные социальные движения; благодаря увеличившимся доходам,

¹ Барбах Р. Указ. соч.

они занялись популистскими мерами социальной поддержки вместо структурной трансформации»¹.

Наиболее явно противоречия, свойственные левоцентристским режимам, обострились в Эквадоре, где с 2006 года у власти находится Р. Корреа. Проводя популистскую политику, он опирается на широкий блок, в который одновременно входят как крупные бизнесмены, так и городская беднота. Существование этого блока обеспечивается за счет постоянного роста нефтяных доходов, начавшегося в результате увеличения ставки налогообложения в отрасли с 20 до 85 %.

«Корреа увеличил расходы на здравоохранение с 561 млн долл. в 2006 году до 774 млн долл. в 2012-м — это около 6,8 % национального бюджета. Увеличилось число поликлиник, стоимость медицинских услуг уменьшилась благодаря сотрудничеству с кубинской фирмой “Enfarm”. Расходы на образование увеличились с 2,5 % ВВП в 2006 году до 6 % в 2013-м. Режим увеличил государственные расходы на строительство социального жилья, в особенности для бедняков и возвращающихся эмигрантов. Чтобы снизить уровень безработицы, Корреа выделил 140 млн долл. в качестве кредитов для поощрения самозанятости — эта мера была особенно популярна среди работников “неформального сектора”. Путем эффективного сокращения долга внешним кредиторам на две трети Корреа увеличил минимальные зарплаты и пенсии для бедняков. Субсидии на борьбу с бедностью, ежемесячные выплаты бедным семьям и инвалидам в размере 35 долл. и низкие ставки по кредитам позволили Корреа завоевать влияние и раздробить оппозиционное движение в деревне»², — отмечает Д. Петрас.

Руководство Эквадора стремится привлечь иностранные инвестиции для увеличения объемов нефтедобычи. Крупнейшие неосвоенные месторождения располагаются в амазонском регионе, основном месте проживания индейского населения. Пре-

¹ *Петрас Д.* Эквадор: левоцентристский режим против радикальных социальных движений. URL: <http://rabkor.ru/analysis/2013/02/15/ekvador-levocentristskij-rezhim-protiv-radikalnyx-socialnyx-dvizhenij> (дата обращения: 01.03.2013).

² Там же.

зидент Корреа подписал с ТНК контракт на разработку 13 месторождений, находящихся на территории амазонского региона. В ноябре 2012 года Конфедерация коренных народов Эквадора (CONAIE) и Эквадорская конфедерация амазонских индейских народностей (CONFIEIAE) совместно с экологами и профсоюзом учителей провели массовые акции протеста против бурения новых скважин. Корреа в ответ пригрозил ввести чрезвычайное положение и применить силу.

Остаточные левоцентристские режимы также частично лишились поддержки некоторых социальных движений. Мы уже упоминали о конфликте бразильского Движения безземельных крестьян с администрацией Лулы да Сильвы, в 2011 году возникли противоречия между президентом Боливии Моралесом и индейскими племенами, по земле которых правительство решило проложить высокоскоростное шоссе. Разрыв между традиционной политикой, ориентированной на выборы, и низовыми социальными движениями, требующими радикальных перемен, сохраняется. Главные проблемы остаются нерешенными, ни в одной стране не проведена справедливая земельная реформа, обитатели городских трущоб не получили достойного жилья.

За многие годы новые левоцентристские режимы и социальные движения не смогли выработать механизмы взаимодействия. Недовольство нарастает, многие активисты подозревают, что низовая мобилизация населения была необходима новым властям только для победы на выборах. После прихода к власти лидеры прогрессивных партий и движений региона (И. Лула, У. Чавес, Р. Корреа) по разным причинам отказались от первоначальной программы и начали строить коалиции с вчерашними врагами. Кроме того, они пытались взять под контроль и сверху управлять социальными движениями, постепенно ослабляя низовую политическую мобилизацию. Сами социальные движения заняли двойственную позицию: с одной стороны, они поддерживают новых лидеров, ожидая радикальных реформ; с другой — активисты движений создают низовые очаги параллельной власти и с помощью акций прямого действия (захват пустующих земель, оккупация заводов и фабрик) пытаются ускорить экономические и социальные изменения.

Д. Петрас оценивает ситуацию более негативно: «...те социальные движения, которые решили поддержать левоцентристские режимы (или были ими поглощены), стали приводными ремнями для экспортно ориентированной политики. Ограниченный участием в осуществлении правительственных программ по борьбе с бедностью и отстаиванием сырьевой капиталистической модели “прирученные” лидеры приветствовали увеличение ставок налогообложения и социальных расходов и лишь иногда высказывались в пользу большего контроля за состоянием окружающей среды. Но в конечном счете стратегия “энтризма”, которой придерживались вожди некоторых социальных движений, привела к их бюрократическому подчинению и утрате каких бы то ни было связей со своим классом»¹.

5 марта 2013 года после продолжительной болезни скончался президент Венесуэлы Уго Чавес. Его приемник Н. Мадуро заявил, что «боливарианская революция» продлится и он продолжит курс своего предшественника. На сегодняшний день все левоцентристские режимы Латинской Америки стоят перед выбором дальнейшего курса развития. Существуют два основных варианта: умеренный, основанный на широкой надклассовой коалиции и смешанной модели экономики, и радикальный, с опорой на социальные движения и новые профсоюзы.

---

¹ Петрас Д. Указ. соч.

ЛИТЕРАТУРА

Агамбен Дж. Что современно? / Дж. Агамбен. — Киев : Дух і Літера, 2012. — С. 34–35.

Агитон К. Альтернативный глобализм: новые мировые движения протеста / К. Агитон ; пер. с фр. Е. Константиновой, Е. Кочетыговой ; общ. ред. Ю. Марковой. — М. : Гилея, 2004.

Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского» движения / под ред. А. Бузгалина. — М. : Едиториал УРСС, 2003.

Альтюссер Л. За Маркса / Л. Альтюссер ; пер. с фр. А. В. Денежкина. — М. : Праксис, 2006.

Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон. — М. : Территория будущего, 2010.

Арон Р. Воображаемые марксизмы / Р. Арон. — М. : Книжный дом «Либроком», 2010.

Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн ; под общ. ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого. — М., 2003.

Балла О. Феномен Пригожина // Знание — сила. — 2002. — № 3.

Барбах Р. Тень Альенде в Боливии: Моралес лицом к лицу с мятежом / Р. Барбах [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2268.html (дата обращения: 01.09.2012).

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 1999.

Беллинггаузен Э. Мексиканское общество «ре-индеанизировалось» : интервью для «Радио Нидерландов» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1385.html (дата обращения: 01.07.2012).

Беньямин В. Франц Кафка / пер. М. Рудницкого. — М. : Ad Marginem, 2013.

Бодрийяр Ж. Забыть Фуко / Ж. Бодрийяр. — СПб. : Владимир Даль, 2000.

Болтански Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло ; под общ. ред. С. Фокина ; пер. с фр. О. Волчек [и др.]. — М. : Новое литературное обозрение, 2011.

Болтански Л. О каком освобождении идет речь? / Л. Болтански, Э. Кьяпелло // Неприкосновенный запас. — 2003. — № 3 (29).

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. — СПб., 2001.

Валлерстайн И. Как далеко влево продвинулась Латинская Америка? / И. Валлерстайн // Сайт журнала «Скепсис» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_2102.html

Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн ; пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, Л. В. Феденко ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. — М., 2003.

Валлерстайн И. Чего добились сапатисты? / И. Валлерстайн // Сайт журнала «Скепсис» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1749.html (дата обращения: 01.02.2013).

Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / П. Вирно. — М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.

Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки / Э. Галеано. — М. : Прогресс, 1986.

Глобализация сопротивления. Борьба в мире / под ред. С. Амина, Ф. Утар, А. Бузгалина. — М. : Либроком, 2009.

Годелье М. Азиатский способ производства: стимулирующий концепт с ограниченным аналитическим значением // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). — 2007. — № 1.

Делез Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007.

Делез Ж. Критика и клиника / Ж. Делез. — СПб. : Machina, 2002.

Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез ; пер. с фр. Я. И. Свирского. — М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998.

Делез Ж. Марсель Пруст и знаки / Ж. Делез ; пер. с фр. Е. Г. Соколова. — СПб. : Лаб. метафиз. исслед. при филос. ф-те СПбГУ : Алетейя, 1999.

Делез Ж. Переговоры. 1972–1990 / Ж. Делез ; пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2004.

Делез Ж. По каким критериям узнают структурализм? / Ж. Делез // Марсель Пруст и знаки / пер. с фр. Е. Г. Соколова. СПб. : Лаб. метафиз. исслед. при филос. ф-те СПбГУ : Алетейя, 1999. С. 145–146.

Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез ; пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. — СПб. : Петрополис, 1998.

Делез Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010.

Делез Ж. Четыре тезиса о психоанализе / Ж. Делез // Логос. — 2010. — № 3 (76).

Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. — М. : Академический проект, 2009.

Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери. — М. : Ультра. Культура : АСТ ; Екатеринбург : У-Фактория, 2008.

Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М. С. Годеса. — М. : Либроком, 2009.

Дунаевская Р. Марксизм и свобода: с 1776 года до наших дней / Р. Дунаевская. — М. : НПЦ «Праксис», 2011.

Дьяков А. В. Жак Лакан: фигура философа / А. В. Дьяков. — М. : Территория будущего, 2010.

Дьяков А. В. Жиль Делез. Философия различия / А. В. Дьяков. — СПб. : Алетейя, 2013.

Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время / А. В. Дьяков. — СПб. : Алетейя, 2010.

Дьяков А. В. Проблема сверхдетерминации индивида в философии постструктурализма / А. В. Дьяков. — Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005.

Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктуралистской перспективе: онтологический аспект / А. В. Дьяков. — М., 2005.

Дьяков А. В. Феликс Гваттари. Философ трансверсальности / А. В. Дьяков. — СПб. : Владимир Даль, 2013.

Дьяков А. В. Феликс Гваттари: шизоанализ и производство субъективности / А. В. Дьяков. — Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.

Дьяков А. Ролан Барт как он есть / А. В. Дьяков. — СПб. : Владимир Даль, 2010.

Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис ; пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитонов. — Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008.

Животовская И. Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире / И. Животовская. — М. : ИНИОН РАН, 2006.

Ивановский З. В. Бразильской партии трудящихся — четверть века / З. В. Ивановский // Латинская Америка. — 2005. — № 4 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.ilaran.ru/?n=184> (дата обращения: 01.02.2013).

Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу для колумбийского журнала «Камбио» 25 марта 2001 г. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://scepis.net/library/id_579.html (дата обращения: 01.02.2013).

Каллиникос А. Антикапиталистический манифест / А. Каллиникос ; пер. с англ. А. Смирнова. — М. : Праксис, 2005.

Капра Ф. Скрытые связи / Ф. Капра. — М. : София, 2004.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонов. — Екатеринбург : У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999.

Кафка Ф. Замок / Ф. Кафка ; пер. с нем. Р. Я. Райт-Ковалевой ; подгот. А. В. Гулыга, Р. Я. Райт-Ковалева. — М. : Наука, 1990.

Кляйн Н. No Logo: Люди против брендов / Н. Кляйн. — М. : Добрая книга, 2003.

Кляйн Н. Заборы и окна. Хроника антиглобализационного движения / Н. Кляйн. — М. : Добрая книга, 2005.

Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова. — М. : АСТ, 2009.

Лаззарато М. Машина / М. Лаззарато ; пер. с англ. А. Скидана ; под ред. А. Пензина [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://eicp.net/transversal/1106/lazzarato/ru>

Лаззарато М. Нематериальный труд / М. Лаззарато // Художественный журнал (ХЖ). — 2008. — № 69 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 14.12.2012).

- Лакан Ж.* Имена-Отца / Ж. Лакан. — М. : Гнозис : Логос, 2005.
- Ламетри Ж. О.* Человек-машина / Ж. О. Ламетри // Ламетри Ж. О. Сочинения / Ж. О. Ламетри. — М. : Мысль, 1976.
- Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / отв. ред. Б. И. Коваль. — М. : Наука, 2006.
- Латинская Америка в современной мировой политике. — М. : Наука, 2009.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — М. : Наука, 1985.
- Леденева Е. В.* Человек-машина (между Ламетри и Декартом) / Е. В. Леденева // Sredonew. — СПб., 2010. — № 3.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. — М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998.
- Луман Н.* Введение в системную теорию / Н. Луман ; пер. с нем. К. Тимофеева. — М. : Логос, 2007.
- Майданик К.* «Четвертая волна». О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева / К. Майданик [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://scerpsis.net/library/id_3154.html (дата обращения: 01.03.2012).
- Малерба Ж.* История в Латинской Америке (очерки историографической критики) / Ж. Малерба. — М. : Канон+, 2011.
- Мамфорд Л.* Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. — М. : Логос, 2001.
- Маркова Л. А.* Философия из хаоса: Ж. Делез и постмодернизм в философии, науке, религии / Л. А. Маркова. — М. : Канон+, 2004.
- Маркс К.* Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1974.
- Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / К. Маркс. — 2-е изд. — М. : URSS, 2010.
- Маркс К.* Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1955–1980. Т. 1–50.
- Маркузе Г.* Критическая теория общества / Г. Маркузе. — М. : АСТ : Астрель, 2011.
- Маркузе Г.* Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. — М., 2009.
- Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер.

с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. — М. : АСТ, 2002.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект : сб. : пер. с англ. и нем. / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. — М., 1996.

Матурана У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. — М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Михайлов И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований / И. А. Михайлов. — М. : Ин-т философии РАН, 2008. — Ч. 1 : 1914–1939 гг.; М., 2010. — Ч. 2 : 1940–1973 гг.

Никандров Н. Бразилия не хочет прощаться с Лулой / Н. Никандров [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.tiwy.com/leer.phtml?id=4838> (дата обращения: 11.02.2012).

Пензин А. Новые социальные субъекты: версия Паоло Вирно / А. Пензин // Прогнозис: журнал о будущем. — 2006. — № 2 (6).

Петрас Д. Эквадор: левоцентристский режим против радикальных социальных движений / Д. Петрас [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://rabkor.ru/analysis/2013/02/15/ekvador-levocentristskij-rezhim-protiv-radikalnyh-socialnyh-dvizhenij> (дата обращения: 01.03.2013).

Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М. : Прогресс, 1986.

Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 46–52.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М. : Лабиринт, 2001.

Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. — М. : Лабиринт, 1998.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. — М. : Наука, 1976.

Райх В. Психология масс и фашизм / В. Райх. — СПб. : Университетская книга, 1997.

Райх В. Сексуальная революция / В. Райх. — СПб. : Университетская книга ; М. : АСТ, 1997.

Райх В. Функция оргазма. Основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии / В. Райх. — СПб. : Университетская книга ; М. : АСТ, 1997.

Рауниг Г. Абстрактные машины / Г. Рауниг // Логос. — 2010. — № 1 (74).

Рауниг Г. Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке / Г. Рауниг ; пер. с нем. и англ. А. В. Скидана, Е. А. Шраги. — СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2012.

Рауниг Г. Машинный поворот: изобретение вместо методологии. Интервью М. Степанову / Г. Рауниг // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — № 1 (6).

Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция / Г. Рейнгольд. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006.

Рот К. Глобализация. Автономное действие / К. Рот [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.avtonom.org/lib/theory/rot_globalisation.html (дата обращения: 19.01.2013).

Рохас К. Латинская Америка на распутье. Социальные движения и смерть современной политики / К. Рокас. — М. : Кругъ, 2012.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. — М. : Политиздат, 1990.

Серио П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе: 1920–1930-е гг. / П. Серио. — М. : Языки славянской культуры, 2001.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. — М., 1980.

Стедиле Ж. П. Движение безземельных крестьян, Бразилия и борьба за землю / Ж. П. Стедиле [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2489.html (дата обращения: 01.02.2012).

Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка / субкоманданте Маркос ; пер. с исп. и вступ. ст. О. Ясинского ; сост. А. Цветкова, О. Ясинский. — М. : Гилея, 2002.

Субкоманданте Маркос. Четвертая мировая война / субкоманданте Маркос. — Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005.

Тарасов А. In Memoriam Anno 1968 / А. Тарасов // Сайт журнала «Скепсис» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_550.html (дата обращения: 20.10.2012).

Тард Г. Мнение и толпа / Г. Тард // Психология толп. — М. : Ин-т психологии РАН : Изд-во КСП+, 1999.

- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. — М. : АСТ, 2003.
- Уоддис Дж.* «Новые» теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе / Дж. Уоддис. — М. : Прогресс, 1975.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. — М. : Ad Marginem, 1999.
- Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. — М. : Касталь, 1996.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / М. Фуко ; пер. с фр. И. К. Стаф. — М. : АСТ, 2010.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — СПб. : А-сad, 1994.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. — М. : АСТ, 2004.
- Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. — М. : АСТ : ЛЮКС, 2004.
- Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г. Хакен. — М. ; Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2003.
- Харви Д.* Краткая история неолиберализма / Д. Харви. — М. : Поколение, 2007.
- Хардт М.* Империя / М. Хардт, А. Негри ; пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2004.
- Хардт М.* Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. — М. : Культурная революция, 2006.
- Хомский Н.* Прибыль на людях: неолиберализм и мировой порядок / Н. Хомский ; пер. с англ. Б. М. Скуратова. — М. : Праксис, 2002.
- Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. Цоколов. — Мюнхен : PHREN, 2000.
- Шварц П.* 1968: Всеобщая забастовка и восстание студентов во Франции / П. Шварц [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.wsws.org/ru/2009/jan2009/68p1-j13.shtml> (дата обращения: 10.01.2013).
- Эйфари А.* Глобализация и развивающиеся страны / А. Эйфари, В. Манцев. — М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2007.
- Эко У.* Открытое производство / У. Эко ; пер. с итал. А. Шурбелева. — М. : Академический проект, 2004.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. — СПб. : Симпозиум, 2006.

Эко У. Поэтики Джойса / У. Эко ; пер. с итал. А. Ковалья. — СПб. : Симпозиум, 2006.

Эриксон Д. Ф. «Антиглобалистские» движения: истоки, стратегии, состав, ресурсы, культура, цена участия / Д. Ф. Эриксон // Дискурс Пи. — М., 2002. — Вып. II.

A commune in Chiapas? Mexico and the Zapatista rebellion, 1994–2000 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://lib-com.org/library/commune-chiapas-zapatista-mexico>

Althusser L. Reading Capital / L. Althusser ; trans. B. Brewster. — N. Y. : Verso, 2009.

Arquilla J. Networks and netwars: the future of terror, crime and militancy / J. Arquilla, D. Ronfeldt. — Santa Monica : RAND Corporation, 2001.

Arrighi G. Transforming the Revolution: Social Movements and the World-System / G. Arrighi, A. G. Frank, I. Wallerstein. — N. Y. : Monthly Review Press, 1990.

Bensaid D. “Leap! Leaps! Leaps!” In Lenin Reloaded: Towards a Politics of Truth / D. Bensaid ; ed. by S. Budgen, S. Kouvelakis, S. Žižek. — Durham : Duke University Press, 2007.

Berardi F. Communism is back but we should call it the therapy of singularisation / F. Berardi [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.generation-online.org/p/fp_bifo6.htm (дата обращения: 01.09.2012).

Berardi F. Félix Guattari. Thought, Friendship and Visionary Cartography / F. Berardi. — L. : Palgrave, 2008.

Berardi F. Precarious Rhapsody. Semio-capitalism and the Pathologies of the Post-Alpha Generation / F. Berardi. — L. : Autonomedia, 2009.

Berardi F. The Soul at Work: From Alienation to Autonomy / F. Berardi ; trans. F. Cadel, G. Mecchia, with pref. by J. E. Smith. — Los Angeles, CA : Semiotexte, 2009.

Bruce I. The Porto Alegre Alternative: Direct Democracy in Action / I. Bruce. — L. : Pluto Press, 2004.

Clastres P. Archeology of Violence / P. Clastres ; trans. J. Herman, A. Lebnér. — Cambridge : Semiotext(e), 2010.

Clastres P. Chronicle of the Guayaki Indians / P. Clastres. — N. Y. : Zone Books, 1998.

Clastres P. Society Against the State: Essays in Political Anthropology / P. Clastres ; trans. R. Hurley, A. Stein. — N. Y. : Zone Books, 1989.

Combes M. Gilbert Simondon and the Philosophy of the Transindividual / M. Combes ; trans. T. LaMarre. — Cambridge : MIT Press, 2012.

Critchley S. Infinitely Demanding. Ethics of Commitment, Politics of Resistance / S. Critchley. — L. ; N. Y. : Verso, 2007.

Debray R. Praised Be Our Lords: A Political Education / R. Debray ; trans. J. Howe. — N. Y. : Verso, 2007.

Debray R. Revolution in the Revolution. Armed Struggle and Political Struggle in Latin America / R. Debray. — N. Y. : Grove Press, 2000.

Deleuze and New Technology / ed. D. Savat. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009.

Deleuze G. Desert Islands and Other Texts 1953–1974 / G. Deleuze ; trans. M. Taormina ; ed. D. Lapoujade. — Los Angeles : Semiotext(e), 2004.

Deleuze G. Kafka: Toward a Minor Literature / G. Deleuze, F. Guattari. — Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1986.

Deleuze G. Two Regimes of Madness: Texts and Interviews 1975–1995 / G. Deleuze ; trans. A. Hodges, M. Taormina ; ed. D. Lapoujade. — N. Y. : Semiotext(e), 2006.

Dodds J. Psychoanalysis and Ecology at the Edge of Chaos: Complexity Theory, Deleuze/Guattari and Psychoanalysis for a Climate in Crisis / J. Dodds. — L. : Routledge, 2011.

Dosse F. Gilles Deleuze and Felix Guattari: Intersecting Lives / F. Dosse ; trans. D. Glassman. — Columbia, 2010.

Dosse F. History of Structuralism: The Sign Sets 1967 — Present / F. Dosse ; trans. D. Glassman. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1997.

Franco B. Communism is back but we should call it the therapy of singularisation / B. Franco [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.generation-online.org/p/fp_bifo6.htm (дата обращения: 11.02.2013).

Garaudy R. Karl Marx, Evolution of His Thought / R. Garaudy. — Westport : Greenwood Press Reprint, 1977.

Garaudy R. Marxism in the Twentieth Century / R. Garaudy. — N. Y. : HarperCollins Distribution Services, 1970.

Garaudy R. The Alternative Future / R. Garaudy. N. Y. : Simon & Schuster, 1974.

Genosko G. Félix Guattari: An Aberrant Introduction / G. Genosko. — N. Y. : Continuum, 2002.

Genosko G. The Party Without Bosses: Lessons On Anti-Capitalism From Guattari And Lula / G. Genosko. — Winnipeg : Arbeiter Ring, 2003.

Goodbye Mr. Socialism Antonio Negri in conversation with Raf Valvola Scelsi / Mr. Goodbye. — N. Y. : Seven Stories Press, 2008.

Goodchild P. Deleuze and Guattari: an introduction to the politics of desire / P. Goodchild. — L. : SAGE Publications, 1996.

Guattari F. Chaosmosis: An Ethico-Aesthetic Paradigm / F. Guattari ; trans. P. Bains, J. Pefanis. — Bloomington ; Indianapolis : Indiana UP, 1995.

Guattari F. Chaosophy / F. Guattari ; ed. S. Lotringer. — N. Y. : Semiotext(e), 1995.

Guattari F. Communists Like Us: New Spaces of Liberty, New Lines of Alliance / F. Guattari, T. Negri ; trans. M. Ryan. — N. Y. : Semiotext(e), 1990.

Guattari F. Molecular Revolution in Brazil / F. Guattari, S. Rolnik ; trans. K. Clapshow, B. Holmes. — Los Angeles : Semiotext(e), 2008.

Guattari F. Molecular Revolution: Psychiatry and Politics / F. Guattari ; trans. R. Sheed. — Harmondsworth : Penguin, 1984.

Guattari F. Soft Subversions / F. Guattari ; ed. S. Lotringer ; trans. D. L. Sweet, C. Wiener. — N. Y. : Semiotext(e), 1996.

Guattari F. The Anti-Oedipus Papers / F. Guattari ; trans. K. Gotman. — N. Y. : Semiotext(e), 2006.

Guattari F. The Three Ecologies / F. Guattari ; trans. I. Pindar, P. Sutton. — L. ; N. Y. : Continuum, 2000.

Guerin D. Fascism and Big Business / D. Guerin. — N. Y. ; L. : Pathfinder Pr, 1994.

Hardt M. Gilles Deleuze: an Apprenticeship in Philosophy / M. Hardt. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1993.

Hayles K. How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis / K. Hayles. — Chicago : The University of Chicago Press, 2012.

Herzogenrath B. An (Un)Likely Alliance: Thinking Environment(s) with Deleuze/Guattari / B. Herzogenrath. — Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2008.

Holloway J. Change the world without taking power: The Meaning of Revolution Today / J. Holloway. — L. : Pluto Press, 2002.

Holloway J. Zapatista!: Reinventing Revolution in Mexico / J. Holloway ; ed. E. Peláez. — L. : Pluto Press, 1998.

Humberto R. Maturana and Francisco J. Varela. The Tree of Knowledge. The Biological Roots of Human Understanding / R. Humberto. — Boston : Shambhala, 1992.

Landa M. de. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity / M. de Landa. — L. : Continuum, 2006.

Landa M. de. A Thousand Years of Nonlinear History / M. de Landa. — Cambridge : The MIT Press, 2000.

Landa M. de. Intensive Science & Virtual Philosophy / M. de Landa. — L. : Continuum, 2005.

Landa M. de. Philosophy and Simulation: The Emergence of Synthetic Reason. / M. de Landa. — L. : Continuum, 2011.

Landa M. de. War in the Age of Intelligent Machines / M. de Landa. — N. Y. : Zone Books, 1991.

Landa M. de. Economics, Computers and the War Machine / M. de Landa [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.t0.or.at/delanda/netwar.htm> (дата обращения: 16.02.2013).

Landa M. de. The geology of morals. A Neo-Materialist Interpretation / M. de Landa [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.t0.or.at/delanda/geology.htm> (дата обращения: 16.02.2013).

Lorraine T. Deleuze and Guattari's Immanent Ethics: Theory, Subjectivity and Duration / T. Lorraine. — N. Y. : State University of New York Press, 2012.

Manuel de Landa interview by Konrad Becker and Miss M. at Virtual-Futures, Warwick 96 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.t0.or.at/delanda/intdelanda.htm> (дата обращения: 14.01.2013).

Marks J. Deleuze and Science (Paragraph Special Issues) / J. Marks. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007.

Massumi B. A User's Guide to Capitalism and Schizophrenia: deviations from Deleuze and Guattari / B. Massumi. — Cambridge : MIT Press, 1992.

Nail T. Returning to Revolution: Deleuze, Guattari and Zapatismo / T. Nail. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012.

Negri A. Books for Burning: Between Civil War and Democracy in 1970s Italy / A. Negri ; trans. A. Bove. — L. : Verso, 2005.

Negri A. Insurgencies: Constituent Power and the Modern State / A. Negri ; trans. M. Boscagli. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1999.

- Negri A.* Marx Beyond Marx: Lessons on the Grundrisse / A. Negri. — N. Y. : Autonomedia, 1991.
- Negri A.* The Porcelain Workshop: For a New Grammar of Politics / A. Negri ; trans. N. Wedell. — California : Semiotext(e), 2008.
- Patton P.* Deleuze and the Political / P. Patton. — L. ; N. Y. : Routledge, 2000.
- Petras J.* Beyond President Chavez Electoral Victory: Socialism in a Rentier State / J. Petras [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://petras.lahaine.org/?p=1914>
- Petras J.* Whither Brazil? / J. Petras, H. Veltmeyer [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://petras.lahaine.org/b2-img/030321petras.pdf> (дата обращения: 01.02.2013).
- Poster M.* Existential Marxism in Postwar: From Sartre to Althusser / M. Poster. — Princeton : Princeton University Press, 1975.
- Radical Thought in Italy: A Potential Politics / eds. P. Virno, M. Hardt. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996.
- Raunig G.* A Thousand Machines: A Concise Philosophy of the Machine as a Social Movement / G. Raunig ; trans. A. Derieg. — N. Y. ; Los Angeles : Semiotext(e), 2010.
- Ronfeldt D.* Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age / D. Ronfeldt. — Santa Monica : RAND, 1997.
- Ronfeldt D.* The Zapatista social netwar in Mexico / D. Ronfeldt. — Santa Monica : RAND, 1998.
- Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity / J. Rosenau. — Princeton : Princeton University Press, 1990.
- Sartre J.-P.* Critique of Dialectical Reason / J.-P. Sartre ; trans. A. Sheridan-Smith. — N. Y. : Verso, 2004. — Vol. 1.
- Stiegler B.* Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus / B. Stiegler ; trans. R. Beardsworth, G. Collins. — Stanford : Stanford University Press, 1998.
- Waldrop M.* Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos / M. Waldrop. — N. Y. : Simon & Schuster, 1993.
- Wittfogel K.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power / K. Wittfogel. — New Haven : Yale University Press, 1957.
- Zibechi R.* Dispersing Power: Social Movements as Anti-State Forces / R. Zibechi. — Edinburgh : AK Press, 2010.
- Zizek S.* Organs without bodies: Deleuze and consequences / S. Zizek. — N. Y. ; L. : Routledge, 2004.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПбГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие Д. С. Лихачева	Библиография Лихачева	Международные Лихачевские чтения	Декларация прав культуры
------------------------------------	--------------------------	-------------------------------------	-----------------------------

и другие материалы

Научное издание

ТОМИН Леонид Владимирович СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: постструктуралистский анализ

Ответственный редактор *И. В. Петрова*; редактор *Т. В. Никифорова*;
дизайнер *А. М. Бриль*; технический редактор *Л. В. Климкович*;
корректоры: *О. В. Афанасьева*, *Н. В. Стрельникова*

ISBN 978-5-7621-0751-8

9 785762 110751 8

Подписано в печать с оригинал-макета 07.11.13
Формат 60х90/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 10,75. Тираж 200 экз. Заказ № 171

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

В серии издаются монографии, имеющие новаторский характер, отражающие современное состояние и тенденции развития гуманитарной мысли. Авторы книг — ведущие российские ученые в области философии, культурологии, социологии, психологии, педагогики и других гуманитарных наук, а также крупнейшие специалисты-практики, деятели культуры, искусства, образования — преподаватели СПбГУП.

В этой серии изданы книги:

1. *Запесоцкий А. С.* Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. 1996.
2. *Запесоцкий А. С.* Гуманитарная культура и гуманитарное образование. 1996.
3. *Вдовенко Т. В.* Социальная работа в сфере досуга в странах Западной Европы. 1999.
4. *Парыгин Б. Д.* Социальная психология. 1999.
5. *Петрова О. Ф.* Символизм в русском изобразительном искусстве. 2000.
6. *Триодин В. Е.* История и теория социально-культурной деятельности. 2000.
7. *Катъшева Д. Н.* Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр. 2001.
8. *Сапун В. А.* Теория правовых средств и механизм реализации права. 2002.
9. *Шор Ю. М.* Культура как переживание. 2003.
10. *Соколов А. В.* Феномен социально-культурной деятельности. 2003.
11. *Агапитова С. Ю.* Информационное вещание на ТВ: опыт Ленинградского — Петербургского телевидения. 2003.
12. *Дворко Н. И.* Профессия — режиссер мультимедиа. 2004.
13. *Художественный рынок: вопросы теории, истории, методологии.* 2004.
14. *Громов Ю. И., Звездочкин В. А., Каплан С. С.* Мужской танец в петербургской балетной школе: педагогическое наследие В. И. Пономарева. 2004.

15. *Пучков С. В., Светлов М. Г.* Музыкальные компьютерные технологии: современный инструментарий творчества. 2005.
16. *Большаков А. С.* Антикризисное управление: финансовый аспект. 2005.
17. Мультимедиа: творчество, техника, технология : монография / Н. И. Дворко [и др.]. 2005.
18. Современное искусство и отечественный художественный рынок / под ред. Т. Е. Шехтер. 2005.
19. *Мотышина М. С.* Менеджмент в сфере услуг: теория и практика. 2006.
20. Семья как объект социальной работы / под общ. ред. Е. П. Тонконогой. 2006.
21. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. 2007.
22. *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. 2007.
23. *Стремоухов А. В.* Правовая защита человека. 2007.
24. *Ерыкалова И. Е.* Фантастика Булгакова. 2007.
25. *Звездочкин В. А.* Творчество Леонида Якобсона. 2007.
26. *Запесоцкий А. С.* Методологические и технологические основы образовательной деятельности. 2007.
27. *Запесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева. 2007, 2012 (2-е изд).
28. *Ильичев А. В.* Русская поэзия XVIII–XX веков: интертекстуальные связи. Опыт анализа. 2007.
29. *Шум Ю.* Журналистское расследование. 2008.
30. *Успенская А. В.* Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи. 2008.
31. *Мартинovich Г. А.* Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. 2008.
32. *Имбаева Г. Р.* Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств. 2008.
33. *Фейгин Г. Ф.* Национальные экономики в эпоху глобализации: перспективы России. 2008.
34. Правовое регулирование отношений в сфере культуры / под ред. А. В. Стремоухова. 2008.
35. *Сидорова В. Н.* Правоотношения банкротства юридических лиц. 2008.

36. *Папенина А. Н.* Музыкальный авангард середины XX века и проблемы художественного восприятия. 2008.
37. *Боровиков А. Ф.* Конституционные гарантии прав и свобод российских граждан в сфере таможенных правоотношений: теория и практика. 2008.
38. *Запесоцкий А. С.* Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи. 2008.
39. Культурно-антропологические основы образовательной деятельности: разработка культуроцентристской модели высшего образования : сб. науч. ст. 2008.
40. *Горикова В. В.* Диалог в образовании человека. 2009.
41. *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции. 2009.
42. *Карпов А. В.* Русский Пролеткульт: идеология, эстетика, практика. 2009.
43. *Мотышина М. С.* Социально-экономические организации: концепции, особенности, механизмы развития. 2009.
44. *Большаков А. С.* Антикризисное управление на предприятии: финансовый и системный аспекты. 2010.
45. Искусство мультимедиа. Мультимедиа и техника / науч. ред. Т. Е. Шехтер. 2010.
46. *Зобнин Ю. В.* Поэзия белой эмиграции: «незамеченное поколение». 2010.
47. Культуроцентристская модель высшего образования / науч. ред. А. С. Запесоцкий. 2010.
48. Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России / под ред. М. С. Мотышиной. 2010.
49. *Погостинская Н. Н., Морозова Е. Я., Тихонова Э. Д.* Экономика социально-культурной сферы: современное состояние и перспективы развития. 2010.
50. *Катышева Д. Н.* Петербургские сезоны. Начало XXI века (Драма. Балет). 2011.
51. *Власов Ф. Б.* Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие. 2011.
52. *Катышева Д. Н.* Рудольф Нуреев — балетмейстер. 2011.
53. *Шлафман А. И.* Государственное регулирование интеграционных процессов. 2011.

54. *Писанко В. А.* Гуманизация досуга как фактор социокультурной интеграции различных групп населения. 2011.
55. *Михайлов В. И., Мотышина М. С., Фейгин Г. В.* Управление конфликтами в современном менеджменте. 2012.
56. Искусство мультимедиа. Мультимедиа и творчество / под науч. ред. В. Д. Сошникова. 2012.
57. *Фалалеев А. Г.* Внутриполусферные и межполусферные взаимоотношения у спортсменов во время обучения и тренировки. 2012.
58. Современное искусствоведение в системе гуманитарного знания / под науч. ред. А. В. Карпова. 2012.
59. *Фейгин Г. Ф.* Менеджмент в условиях глобализации. 2012.
60. *Ильичев А. В.* От Илариона до Бердяева: духовно-нравственные ориентиры русской литературы. 2013.
61. Спортивный балльный танец: история, теория, практика / под науч. ред. В. В. Матвеева, Р. Е. Воронина. 2013.
62. Современная звукорежиссура: творчество, техника, образование / под науч. ред. С. А. Осколкова. 2013.
63. *Запесоцкий Ю. А.* Бренд как социально-культурный феномен: сущность, структура, технологии формирования. 2013.
64. *Югай И. И.* Медиа-арт: предпосылки возникновения, художественные основания. 2013.